

MIESIĘCZNIK
POŁOSKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА Дзяржаўнага ўніверсітэта
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваўне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь,
тел. +375 (214) 53 34 58, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: А.А. Гугнин, Д.В. Дук, Н.Б. Лысова.

Редактор Р.Н. Авласенок.

Подписано к печати 29.01.2014. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60 × 84 1/8. Ризография.

Усл. печ. л. 12,79. Уч.-изд. л. 15,41. Тираж 100 экз. Заказ 344.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.133.1

ИЕЗУИТЫ ПРОТИВ ЭНЦИКЛОПЕДИСТОВ: ПАРИЖСКИЕ И ПОЛОЦКИЕ СТРАНИЦЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛЕМИКИ¹

канд. филол. наук, доц. Д.А. КОНДАКОВ
(Полоцкий государственный университет)

Рассмотрены два эпизода литературной полемики между иезуитами и энциклопедистами. В центре первого из них – анонимная и малоизвестная сатира «Диалог между Книгоношей и Дидро в лавке Книгопродавца о словаре “Энциклопедия”», распространявшаяся в середине сентября 1751 года в Париже и предвосхищающая основные направления критики отцом Бертье статей из первого тома «Энциклопедии». Второй эпизод связан с опубликованным в декабре 1817 года трактатом отца Розавена «Защищенная и доказанная фактами истина против древней и новой клеветы», в котором содержится не только опровержение идеологии деизма, но и парадоксальная попытка сближения позиций Общества Иисуса и «философской партии». В обоих случаях вопросы научного знания являются орудием в борьбе за символическую власть.

Введение. Празднование 300-летия со дня рождения Дени Дидро стало поводом для возвращения ко многим аспектам его литературного, философского, эстетического наследия, и чаще всего, к изданию «Энциклопедии». В 2013 году доклады и сообщения, посвященные творчеству одного из крупнейших деятелей Просвещения, звучали на многочисленных научных конференциях, в публичных лекциях, новые и хорошо известные факты его жизни перечислялись в обновленных биографиях. В стороне от исследовательского интереса осталась полемика между Дидро и Д’Аламбером, с одной стороны, и иезуитами, с другой, по поводу «Энциклопедии». Зарождение и развитие конфликта хорошо известны и документированы, тщательно проанализированы в специальных работах, например трудах Дж. Папаса [1; 2], – кажется, что тема исчерпана.

Чтобы понять, так ли это, напомним вехи этой истории. Дискуссия вспыхнула в январе 1751 года на страницах «Журналь де Треву» (*Journal de Trévoux*; полное оригинальное название этого периодического издания – *Mémoires pour l’histoire des sciences et des beaux-arts*), редактировавшегося в тот момент отцом Гийомом Франсуа Бертье по поводу проспекта «Энциклопедии», который был сочтен иезуитами чересчур верным заимствованием идей Френсиса Бэкона. Дидро мгновенно ответил своему критику двумя открытыми письмами в конце января и 2 февраля. Реакция иезуитов на выход первого тома «Энциклопедии» воспоследовала в октябре того же (1751) года, и в течение двух лет их полемические выпады следовали трем основным тематическим, фактически обвинительным линиям – плагиат, угроза алтарю и трону в статьях нового словаря. Прения несколько утихли, когда с ноября 1753 года перестали появляться критические заметки в «Журналь де Треву», но в завуалированной форме они продолжались вплоть до запрета Общества Иисуса во Франции в 1763 году и завершились публикацией книги «Об упразднении иезуитов во Франции» (*Sur la destruction des jésuites en France*, 1765). Ее «беспристрастный автор» – под этим весьма лукавым самоопределением, как известно, скрывался Д’Аламбер – подводит итог долгим словопрениям и утверждает триумфальную и, казалось бы, окончательную победу философов в борьбе с обскурантистами.

Не принимая целиком точку зрения энциклопедистов, многие исследователи все же видят в нападениях иезуитов стремление к господству над умами и нравами, желание устранить идейных соперников. Иначе представляет конфликт К. Альбертан. Для него это – столкновение двух эпистемологических установок: одна, проповедуемая иезуитами, связана с обширной эрудицией и скрупулезностью, другая – «философская» – предполагает рискованное «завладение» знанием [3, p. 116]. Так или иначе, иезуиты и энциклопедисты представляются антагонистами, что одновременно верно и нуждается в уточнении. Ведь спорить, дискутировать, вступать в диалог, плодотворный или ведущий к конфликту, возможно лишь в случае, когда имеются точки соприкосновения, задающие речевую ситуацию, провоцирующие начало общения. Очевидно, что было общей темой в исследуемом случае – знание, дающее символическую, но от этого не менее мощную власть. Изучить методы и стиль борьбы за нее, во многом схожие с обеих сторон,

¹ Данное исследование было выполнено в рамках стипендии имени Фернана Броделя парижского Дома наук о человеке (*bourse Fernand Braudel-IFER incoming, Fondation Maison des sciences de l’homme, Paris*) при финансовой поддержке Европейской комиссии. Автор благодарит также Ж. Дюлака (университет Монпелье 3, Франция) и А. Строева (университет Новая Сорбонна Париж 3, Франция) за их ценные замечания и рекомендации.

ее последствия, в первую очередь литературные и идеологические, на материале сочинений, написанных в разгар полемики в Париже и через полстолетия по ее завершении в Полоцке, – цель настоящей работы.

Дидро, иезуиты и Книгоноша в 1751 году. Как уже было сказано, решающим моментом в развитии конфликта между иезуитами и энциклопедистами стала публикация статьи отца Бертье в январском номере «Журналь де Треву» за 1751 год. Разбор основных положений проспекта «Энциклопедии», научно-методологических оснований будущего труда, журналист ведет вдумчиво и аргументировано, постоянно сравнивая идеи энциклопедистов с философской системой Ф. Бэкона, изложенной в трактате «О достоинстве и приумножении наук» (*De Dignitate et Augmentis Scientiarum*, 1623). Перейдя же в заключении своей статьи к средствам воплощения этого грандиозного замысла, отец Бертье меняет тональность научного диспута на насмешку: «Речь идет не о будущем проекте, но о готовом труде. [...] Нам обещают десять фолиантов, и мы не должны жаловаться, когда их окажется тридцать; публично утверждают, будто для этой работы было избрано 24 ученых, и не было бы ничего чрезвычайного, коли бы их выбрали сто; нельзя сомневаться в том, что работа велась многие годы, и мы не удивились бы, если бы она длилась 50 лет» [4, р. 326]. Едкие слова иезуита оказались едва ли не пророческими: как известно, вместо десяти обещанных фолиантов получилось в общей сложности двадцать восемь томов, которые создавались усилиями 162 авторов в течение 15 лет, а издавались 21 год.

Дидро в двух открытых письмах отцу Бертье отвечает, что вполне естественно, иронией на иронию. Однако такая тональность не казалась вполне приемлемой всем его современникам, даже из числа сочувствующих. Если Д'Аламбер считал, что ответ «удался», ибо Дидро, присовокупив к посланиям статью «Искусство» («Art»), «бросил журналисту бесстрашный вызов» [письмо к Г. Крамеру от 15 февраля 1751 года, цит. по: 2, р. 66], то аббат Рейналь в своих «Литературных новостях» дает неоднозначную оценку, а в конце февраля он сообщает своим подписчикам: «Около двух месяцев тому был опубликован проспект “Энциклопедии”, что печатается в Париже. Сей проспект недавно подвергся нападкам иезуитов, которые издают “Журналь де Треву”. Господин Дидро, автор проспекта, предпринял защиту своего сочинения со всем красноречием, всей пылкостью и колкостью, на которые он способен. Он отправил главе журналистов отцу Бертье письмо, должное доставить удовольствие всем, кто в курсе анекдотов, на которые в нем есть намеки. Сей автор присовокупил к своему письму заметку “Искусство” в том виде, в каком она должна быть в словаре. Сочинение это полно остроумия и философии, но тон его совершенно неумерен, ему недостает прекрасной легкости, прекрасной естественности Бейля» [5, f. 301v°–302r°]. Как видно, помимо похвалы стилю, заметка содержит и упреки в отсутствии «легкости» и «естественности» – качеств, присущих истинному философу, возвышающих автора над конфликтом, дающих преимущество в споре. Аббат Рейналь с сожалением констатирует – Дидро ввязался в перепалку.

Возможно, автор «Литературных новостей» был не единственным, кто не одобрил тон энциклопедиста в диалоге с журналистами Треву. Такое предположение может отчасти объяснить переворот в общественном мнении, произошедший после выхода в свет первого тома «Энциклопедии». Рейналь замечает 20 сентября 1751 года: «Первый том “Энциклопедии”, сперва снискавший успех, теперь почти всеми осмеян» [5, f. 351v°]. И в подтверждение тому приводит текст сатирической поэмы «Диалог между господином Дидро, Книгоношей и Книгопродавцем о словаре “Энциклопедия”» (*Dialogue entre M. Diderot, un Colporteur et un Libraire sur le Dictionnaire de l'Encyclopédie*).

На этом произведении следует сделать особый акцент, поскольку оно редко становилось объектом критического анализа как со стороны историков, так и литературоведов, хотя его содержание весьма красноречиво, а время появления в читающем обществе не случайно. Впервые этот текст зафиксирован 16 сентября 1751 года (а не 16 августа, как утверждает Дж. Лох [6, р. 289], – видимо со стороны именитого ученого имеет место простая описка) в собрании Жозефа д'Эмери, инспектора парижской полиции, ответственного за контроль над печатной продукцией [7, f. 118r°–119r°]. Его вариант текста имеет лишь два разночтения с вариантом, распространенным в «Литературных новостях», но одно – весьма существенное. Заголовок в копии д'Эмери гласит – «Диалог между Книгоношей и Дидро в лавке Книгопродавца о словаре “Энциклопедия”» (*Dialogue entre un Colporteur et Diderot dans la boutique d'un Libraire, sur le Dictionnaire de l'Encyclopédie*). Достаточно сравнить его с содержанием поэмы, чтобы принять как более точный¹. Во-первых, Книгопродавец справедливо, по сравнению с вариантом Рейналя, не фигурирует в числе действующих лиц. Он произносит только одну реплику, указывая на Дидро как на автора «Энциклопедии», фактически его функции сводятся к обозначению социального пространства разговора. Во-вторых, на первом месте стоит Книгоноша, который является зачинщиком беседы и ее центральным участником.

¹ В рукописных фондах библиотеки Арсенала также сохранилась копия «Диалога» [8, f. 94r°–95v°]. Первые публикации текста – Ж. Асеза и М. Турне [9, р. 126–128] и Э. Ронье в «Сборнике Клерамбо-Морепа» [10, р. 200–203], – появившиеся в последней четверти XIX века, восходят, очевидно, к рукописи из собрания д'Эмери, но обе они содержат несколько опечаток, искажающих смысл текста в ключевых местах. Мы цитируем эту сатиру по новейшей публикации Дж. Лоха и Ж. Пруста [11, р. 34–36].

Наконец, в-третьих, Дидро не случайно отодвинут на второе место и назван запросто по фамилии без уважительного обращения «господин» (*Monsieur*, сокращенно в заглавии Рейналя – М.) – никакого уважения Книгоноша к автору «Энциклопедии» не проявляет и в помине.

Этот персонаж, по статусу лишь посредник в реальной иерархии Республики словесности, берет на себя в «Диалоге» функции критика. Начав с жалоб на вес тома, он переходит к выпадам в сторону его автора. Даже получив предупреждение от Книгопродавца, что перед ним стоит издатель словаря, Книгоноша иронизирует на грани дозволенного:

Je connais Monsieur par un livre
Fort utile à lui comme à moi,
Et qui par bonheur nous fit vivre
Tous deux longtemps aux frais du Roi [11, p. 35].

А господина знаю я по книге,
Принесшей равно пользу нам обоим,
Нам счастье выпало такое
На королевское довольство поступить.

Под «полезной обоим» книгой Книгоноша имеет в виду «Письмо о слепых в назидание зрячим», за которое Дидро попал в тюрьму Венсенского замка в 1749 году и жил, таким образом, «на королевском довольстве». Книгоноша под своим «счастьем» подразумевает выгоду, которую он извлек из запрета на публикацию, а следовательно и из роста интереса к ней. «Энциклопедию» он тоже относит к запрещенным книгам и потому досадует на ее размер – огромный том не утаишь:

Je ne blâme ici que la forme,
Et par ma foi, j'en suis fâché.
Cet écrit, sans sa masse énorme,
Pourrait être un écrit caché.
Si sa taille était plus petite
J'en répandrais incognito
Car il a, dit-on, le mérite
De ce qu'on vend sous le manteau [11, p. 35].

А тут я только форму порицаю
И право, очень злюся на нее.
Ведь сочиненье, будь оно полегче,
Сошло б за запрещенное. А будь
Оно хотя бы по размеру меньше,
Инкогнито его б распространял,
Поскольку, говорят, оно достойно,
Чтоб продавать его из-под полы.

И эти насмешки Книгоноши звучат совсем не безобидно. «Энциклопедия» помещается в один ряд с антирелигиозными трактатами, порнографическими романами и сатирическими памфлетами – самым ходовым товаром на «черном» книжном рынке Старого режима. Фактически перед нами – донос. Двойная роль книгоноша как подпольных распространителей подцензурных изданий и полицейских осведомителей была хорошо известна современникам Дидро. Так, заглавный персонаж романа Ф.-А. Шеврие «Книгоноша» (*Le Colporteur*, 1761) заявляет своим клиентам, что он вовсе не «книгоноша, а эта медаль, что вы видите на мне, – пропуск, что полиция выдает мне, дабы я, разнося книги под полой, собирал скандальные анекдоты и рассказы о любовных похождениях, составлял о них памятную записку да относил ее в околоток» [12, p. 760]. Историк книги Р. Дарнтон на материалах полицейских донесений демонстрирует, что литературные поденщики не чурались разносить запрещенные книги и заодно шпионить для полиции [13, p. 26; также о книгоношах см. 14, p. 57–72].

Отметим между прочим: в следующем литературном скандале вокруг имени Дидро вновь появляется символическая фигура книгоноши-разносчика, наделенная все теми же социальными функциями. Так, пятая сцена третьего акта известной комедии Ш. Палиссо «Философы» (1760) явно напоминает «Диалог» 1751 года. В драматическом произведении книгоноша выполняет функцию не столько распространителя «Нескромных сокровищ», «Отца семейства» и «Письма о глухих», сколько их очернителя. У Дидро в «Племяннике Рамо» заглавный персонаж сам именуется разнощиком (*colporteur*), но не печатной продукции, а исключительно светских новостей, сплетен, анекдотов, приписывает себе идею упомянутой сцены из «Философов».

В этом свете иное значение обретает фраза Книгоноши в «Диалоге» о жизни «на обеспечении короля» благодаря сочинению Дидро. Не скрывается ли здесь намек на тайные услуги государству, а не только на личную выгоду? Вообще же в сатире все серьезные выпады закамуфлированы под легкие насмешки. Сделано это до такой степени виртуозно, что даже современники нуждались в комментариях. В обоих упомянутых нами списках «Диалога» имеются маргиналии (всего их семь), разъясняющие соль той или иной шутки. О книге, «принесшей счастье» одновременно Дидро и Книгоноше, уже говорилось. Еще одна маргиналия также касается дела минувших дней – «Проспекта»: «Vous vous échauffez là tout comme / S'il s'agissait du *Prospectus*» («Вы горячитесь так, как будто / Речь о “Проспекте” вновь идет») [11, p. 36]. Оставшиеся пять примечаний метят в статьи из только появившегося первого тома «Энциклопедии». Если статья «Искусство», как мы помним, уже относительно давно, более полугода, была предметом публичного обсуждения, то в отношении остальных, скрыто подразумеваемых в сатире, общественное мнение вряд ли могло окончательно сформироваться. Книгоноша остроумно подсказывает публике оценки. «Государственная власть», по его мнению, – и статья невыдержанная, и институция «неуважаемая» ее автором («Dans lui, l'autorité publique / N'est pas l'article respecté»). «Душа», что в словаре, что у Дидро – дрянная («L'âme

chez vous est trop mauvaise»), потому разносчику боязно, как бы автор-составитель словаря не обошелся с ним как с Иоанном Дунсом Скотом в статье «Аристотель» [11, р. 35–36]. Книгоноша называет Дидро умелым кондитером («bon confiseur») – маргиналия подсказывает, что «нужно смотреть статью “абрикос”, чрезвычайно неуместную» («il faut voir l'article Abricot, très déplacé») [11, р. 36].

Внимательный читатель затем узнает эти суждения в критических разборах «Энциклопедии» на страницах «Журналь де Треву». Статья «Государственная власть» будет упоминаться в заметках, предупреждающих правительство об опасности. В рецензии на первый том «Энциклопедии» в выпуске за декабрь 1751 года журналисты-иезуиты намекают на наивное, на их взгляд, намерение представить в ученом словаре рецепты приготовления абрикосового варенья, мармелада и повидла [15, р. 2616–2617]. Значительная часть рецензии в номере за январь 1752 года посвящена отрицанию основных положений энциклопедической статьи «Душа» [16, р. 176–186]. В последнем из разборов первого тома «Энциклопедии» за март 1752 года критик берет под защиту Иоанна Дунса Скота, которого, считает он, автор статьи «Аристотель» выставил глупцом, неспособным мыслить [17, р. 441–444]. Сопоставлять прочитанное с подразумеваемым, понимать подтекст – умение чрезвычайно развитое как в «партии философов»¹, так и у их оппонентов.

Возникает вопрос об авторстве сатирического доноса. Им задавались граждане Республики словесности сразу после появления этого текста. Так, П. Клеман в своих литературных новостях для лорда Уолдгейва от 1 октября 1751 года, сообщая восемь первых строк «Диалога» и в жанровом отношении очень точно характеризуя его как водевиль, вопрошает: «Кто же говорит тут, кто выносит решение? Кафе Проккопа, бюро госпожи такой-то, публика, состоящая из жеманной дамы, глупого щеголя, злого болвана, невежественного остроумца, уязвленного или тупого ученого (курсив наш – Д. К.)?» [19, р. 760]. Последние слова – очевидный намек на иезуитов, якобы участвующих в коллективном заговоре против энциклопедистов. И в разгар полемики вокруг нового словаря, и в исследовательской среде XX века было распространено мнение, что редакторы «Журналь де Треву» питали особую ревность к «Энциклопедии» как к конкуренту «Словаря Треву». Это утверждение доказательно опроверг К. Альбертан – эти два иезуитских проекта не были родственными [3, р. 114]. Тем не менее, скорее всего, на это, а также на язвительное февральское письмо Дидро отцу Бертье намекает П. Клеман своими дополнительными эпитетами к слову «ученый».

Кроме этой догадки современника и очевидных параллелей между сатирическими выпадами Книгоноши и критическими заметками «Журналь де Треву», у нас нет других доказательств причастности иезуитов к появлению «Диалога между Книгоношей и Дидро в лавке Книгопродавца о словаре “Энциклопедия”». Возможно, об этом имелись какие-то сведения у инспектора д’Эмери, однако его бумаги не проливают дополнительного света на это сочинение и его общественный контекст. Кто бы ни был автором «Диалога», он уловил основные тенденции полемики и, высветив плагиат и неудачную редактуру статей первого тома, придал дискуссии, помимо научного, дополнительное литературное измерение, подстегнул ее и повысил градус выступлений.

В номере 94 от 7 августа 1784 года «Журналь женераль де Франс» (*Annonces, affiches et avis divers, ou Journal général de France*) аббат де Фонтенуа опубликовал некролог Дидро вместе с двумя его письмами за 1751 год к отцу Луи Бертрону Кастелю. Этот ученый иезуит, неординарный физик и математик, пользовался особым расположением философа, его идея цветового клавирина сочувственно упоминается как в статье «Душа» из того же первого тома «Энциклопедии», так и в «Нескромных сокровищах», и в «Сне Д’Аламбера» [см. 20]. Позволим себе процитировать длинную выдержку из одного из этих посланий² – оно получит в дальнейшем среди иезуитов значительный отклик: «Но Бога ради, преподобный отец, отчего отец Бертье преследует честного человека, у которого нет иных врагов в обществе, кроме тех, что он нажил себе своей привязанностью к Обществу Иисуса, и который с неудовольствием и крайним презрением недавно отверг оружие, что предоставили ему против ордена? Расскажите ли Вам об этом, преподобный отец? Я, без сомнения, расскажу, ибо Вы правдивый человек, и соответственно судите других. Едва два моих письма³ появились в свет, как я получил записку следующего содержания: “Если господин Дидро хочет отомстить иезуитам, то для него имеются деньги и документы; он честный человек, это известно; ему достаточно лишь сказать слово – дело за ответом”. Вот он, этот ответ: “Я сумею выпутаться из ссоры с отцом Бертье без посторонней помощи. Денег у меня вовсе не имеется, да они мне и ни к чему. Что до предлагаемых документов, то я смог бы ими воспользоваться, только весьма серьезно изучив их, а времени у меня на это нет”» [21, р. 115–116].

Удивительна не сама по себе апелляция Дидро к отцу Кастелю как арбитру в споре, а исключительно его интонация. Серьезен ли славящийся своей тонкой иронией философ, когда признается в «при-

¹ Аббат Галиани писал Ж.-Б.А. Сюару: «Черт возьми! Вы состоите в секте Дидро и в моей и не читаете между строк? Читайте между строк, читайте то, что не написано, и что все же есть в тексте» [цит. по: 18, р. 26].

² Это письмо Ж. Рот датировал серединой марта 1751 года; в готовящемся к выходу новейшем полном собрании сочинений Дидро оно датируется концом февраля – началом апреля того же года (сообщено Ж. Дюлаком).

³ Имеются в виду упомянутые ранее открытые письма Дидро к отцу Бертье.

вязанности» к ордену иезуитов? Получал ли он и вправду подобного рода записку с предложением отомстить отцу Бертье? И вообще это письмо – фальшивка или настоящее? Поскольку его автограф неизвестен, исчерпывающе ответить на эти вопросы не представляется возможным. Можно лишь предположить, что обращаясь к отцу Кастелю, Дидро надеялся создать впечатление у публики, что отец Бертье – одиночный противник, и избежать таким образом враждебности всего ордена. Впрочем, впоследствии Общество Иисуса воспримет это послание совершенно иначе. Более чем через полвека после окончания парижской распри вокруг «Проспекта» и первого тома «Энциклопедии», когда все ее фигуранты уйдут в мир иной, в другой стране иезуиты извлекут это письмо и, истолковав буквально, сделают сильным аргументом в новом противостоянии с «философами».

Отец Розавен в борьбе с «древней и новой клеветой». В конце декабря 1817 года из типографии Полоцкой Академии вышла анонимно на французском языке книга под заголовком «Защищенная и доказанная фактами истина против древней и новой клеветы» (*La Vérité défendue et prouvée par les faits, contre les calomnies anciennes et nouvelles*) [22]. Из весьма скупого на имена и факты предисловия трудно понять, о какой именно «новой клевете» на иезуитов идет речь. Ретроспективный взгляд позволяет прояснить ситуацию и соотнести появление книги с определенными событиями.

В ночь с 20 на 21 декабря 1815 года Общество Иисуса было выдворено из Санкт-Петербурга. Официальным поводом для этого послужило обращение в католичество священниками ордена (прежде всего подозрения пали на француза отца Жана-Луи Лессега де Розавена) нескольких столичных аристократов и, главное, Алексея Алексеевича Голицына, пятнадцатилетнего племянника министра духовных дел князя А.Н. Голицына. Вслед за изгнанием последовала публикация в газете «Русский инвалид» (№ 28 за

3 февраля 1816 года), в которой иезуитам были предъявлены обвинения не просто в прозелитизме, строго запрещенном в Российской империи, но, более того, в попытке узурпации духовной (возможно, и политической) власти, своего рода деспотизме. Эта «новая клевета» фактически повторяет «старый» тезис энциклопедистов, развернутый в статье «Иезуиты» («Энциклопедия», т. 8, 1765) и трактате «Об упразднении иезуитов во Франции» Д'Аламбера. Отец Розавен, высланный вместе с другими иезуитами в Полоцк, отправляет главному редактору Санкт-Петербургского издания письмо, отрицающее обвинения, и 20 февраля его копию – графу Ж. де Местру вместе с собственными комментариями и реакциями братьев по ордену на «наветы» «Русского инвалида» [23, без пагинации].

На этом Розавен не остановился и, как выясняется из другого письма от 15 сентября 1818 года к уже сложившему к этому времени полномочия сардинского посланника в России и отбывшему в Турин Ж. де Местру, последовательно опроверг «древнюю и новую клевету» в книге, изданной в конце 1817 года в Полоцке и распространенной его стараниями в столице. Завершая свои рассуждения о холодном приеме, оказанном его сочинению в высшем свете Петербурга, преподобный отец пишет: «Я предвидел, что так и будет, особенно в городе, где к чтению некоторые люди не привычны. Вообще же вовсе не для этой страны была написана книга, и она была напечатана в Полоцке только с тем, чтобы легче было ее разносить в те края, где она может оказать благотворное влияние» [23, р. 36–37]. Невозможно оценить это высказывание однозначно. С одной стороны, отец Розавен очевидно лукавит. Вряд ли в Петербурге начала XIX века в придворных кругах можно было найти нечитающего человека – видимо, в сложившейся ситуации не было потребности читать такого рода текст. Вряд ли только близость Полоцка к границе империи сделала его самым удобным местом издания – после изгнания Общества Иисуса из столицы и в перспективе изгнания за пределы России (очевидного для всех, для иезуитов в том числе) нигде больше публикация не могла состояться. С другой стороны, в этих словах есть и доля истины. Уже в 1819 году в герцогстве Моденском появляется перевод книги на итальянский язык [24], после запрета ордена в России второе издание выпускается в Авиньоне и Лувене (1825). Верно и то, что объектами критики отца Розавена становятся не российские защитники православия, а французские просветители и янсенисты. И если влияние философии Вольтера и Дидро на умы в России в 1810-е годы продолжало оставаться значительным, то что было столичной и провинциальной публике православного государства до конфликтов внутри католической церкви?

Для отца Розавена связь между янсенистами и энциклопедистами в деле разрушения Общества Иисуса и подготовки революции во Франции несомненна и важна (правомерность такого умозаключения современные историки ставят под вопрос [25, с. 177–193]). Первые были слепым оружием в руках вторых в век Просвещения, с возвращением на французский престол Бурбонов янсенисты вновь возвысили голос под воздействием последователей Вольтера, Дидро и Д'Аламбера – таков основной тезис «Защищенной и доказанной фактами истины против древней и новой клеветы»¹. Но сердцевина смысла этой книги, как

¹ Трактат завершается критическим разбором сочинения «О папе и иезуитах» (*Du Pape et des jésuites*, 1814) янсениста М.-М. Табаро, имя которого Розавен скрывает под инициалами – М. Т. [22, р. 143–175]. Из упомянутого письма Полоцкого иезуита следует, что материалы для него, в частности книгу Табаро, предоставлял Ж. де Местр [23, р. 36].

почти всегда у иезуитов, заключается не в генеральной идее, а в приемах ее доказательства. Рассуждая и анализируя в духе журналистов Треву, отец Розавен в целом чрезвычайно негативно оценивает деятельность «философской партии», однако стремится выдержать беспристрастность в суждениях. Называя мыслителей XVIII века, «деистов или безбожников», одними из трех непримиримых врагов религии и Общества Иисуса, автор в то же время замечает, что не все просветители «были в равной степени несправедливы по отношению к иезуитам», что П. Бейль не одобрял ожесточения, с которым нападали на последователей Игнатия Лойолы, что Ж.-Ж. Руссо отказывался выступать против них вопреки нажиму со стороны [22, р. 39]. Последний пример в этом ряду – процитированное выше письмо Дидро отцу Кастелю от 1751 года, названное Розавеном «любопытным анекдотом», оставленное без развернутого комментария, но приведенное целиком в сноске [22, р. 39–40].

Вряд ли следует доверять авторской оценке и относиться к этому письму исключительно как к курьезу, о чем уже было сказано выше. Тем более что сам полоцкий полемист вводит его, дабы усилить антитезу. Уже в следующем за проанализированным абзацем он переходит от признания за отдельными просветителями благожелательного отношения к ордену к обобщенным обвинениям. Розавен уличает «философов», «этих ... открытых врагов религиозного прозелитизма», в том, что они сами отличались горячим желанием насаждать свою точку зрения. Такова последовательная тактика ведения полемики автором-иезуитом – повернуть обвинения, выдвинутые в адрес Общества Иисуса, против самих обвинителей, обнаружить у них те же пороки и недостатки, которые они приписывали своим врагам. Для этого нужно находить схождения, какими бы они ни были, в диаметрально противоположных точках зрения. Но это также требует внимания и доверия по отношению к чужой, в целом неприемлемой позиции.

Наилучший пример такого анализа мы находим в заключительной части трактата отца Розавена. Автор подробно разбирает один из порочащих иезуитов примеров, приведенных Д'Аламбером в сочинении «Об упразднении иезуитов во Франции». Речь идет о некоем миссионере из Общества Иисуса, двадцать лет проповедовавшем в Канаде перед индейцами, неоднократно подвергавшемся смертельной опасности, но не верившем в Бога. В ответ на удивленные вопросы иезуит будто бы восклицал: «Вы не представляете, какое удовольствие испытываешь, выступая перед двадцатью тысячами людей и убеждая их в том, во что сам не веришь» [ср. 26, р. 75–76]. Отцу Розавену недостаточно раскрыть лживость этой истории. Он разоблачает позицию французского мыслителя, идущего, по его мнению, на сделку с собственной совестью: «Д'Аламбер, конечно же, не верил, что человек, который не верит в Бога, мог бы обречь себя на жизнь миссионера в Канаде; он не верил, что в ее лесах легко собрать аудиторию в двадцать тысяч человек, готовых слушать. Но какое удовольствие для философа, если бы он смог убедить всех в том, *во что он сам не верил* (выделено Розавеном – Д. К.), – что миссионеры, и в особенности миссионеры-иезуиты, настолько безбожны!» [22, р. 135]. Здесь мы находим и молчаливое признание за автором анти-иезуитского памфлета проницательности, умения «разыграть» семантический потенциал анекдота, и одновременно – уверенность в том, что Д'Аламбер внутренне признает свою неправоту. Если принять такую логику рассуждений и перейти к следующему умозаключению, то антитеза превратится в парадокс, а враг иезуитов – в их тайного единомышленника.

И отец Розавен делает такой переход. Сразу после разбора частного случая, представленного в сноске, он делает обобщенный вывод: «Философы в глубине сердца имели такое же мнение на счет иезуитов, что и папа, что и образованные и ревностные католики; они рассматривали запрет иезуитов как страшный удар по самой Церкви» [22, р. 135]. «Парадоксальная объективность» Розавена – позиция не рядовая. Его оппоненты, конечно, тоже стремятся выбрать непредвзятый тон – вспомним, что Д'Аламбер называет себя именно «беспристрастным» автором и в качестве эпитета к своей книге берет цитату из Тацита, «правдивого» историка. Но у Д'Аламбера все сводится к тактическому приему, не подразумевающему хотя бы условное объединение противоположных точек зрения (гораздо более сложной, как мы помним, выглядит позиция Дидро в письме к отцу Кастелю).

Логика рассуждений и оценки Розавена не совпадают полностью и с тем, что пишут о «философах» в эти же годы его братья по ордену. Анонимная ода 1814 года в честь победы Александра I над Наполеоном завершается строфой, в которой «безумный, безбожный “философ” / со взором неверным и тусклым» безапелляционно призван отступить перед силой христианской веры («Mais toi Philosophe en démence / Impie, à l'œil faux et blafard ... / sois confondu pour jamais») [27, р. 41; см. анализ этой строфы: 28; 29]. В выпуске «Месячника Полоцкого» за 1820 год автор, подписавшийся Х.С., размышляя над вопросом «Справедливо ли обвинять богословов за нападки на философию XVIII века?», вовсе отказывается Вольтеру, Дидро, Д'Аламберу, Кондорсе и Руссо в формальном праве называться философами. Носить это имя, полагает он, могут иметь лишь истинные духовные мыслители, но не безбожники [30, р. 56–57].

Позицию отца Розавена следует все же признать более дальновидной и, как ни странно, более последовательной. Заочная полемика с «философами» разворачивается в переломный для Общества Иисуса момент. С одной стороны, в 1814 году орден восстановлен повсеместно – это реальный успех. С другой стороны, политическая конъюнктура, сложившаяся в России после наполеоновских войн, подсказывает

неизбежность конфликта Общества Иисуса и самодержавной и православной власти. Таким образом, отец Розавен, пишущий свой трактат «не для этой страны», а для западного читателя, предпринимает попытку преодоления идей Просвещения посредством снятия противоречий через парадокс. Он готовит общественное мнение к массовому возвращению иезуитов в Западную Европу, последовавшему после окончательного запрета ордена на территории Российской империи. С июня 1820 года до самой смерти отец Жан-Луи Лессег де Розавен живет и служит в Риме.

Заключение. Для наблюдателя, наделенного одновременно воображением, вниманием, специальными и разносторонними знаниями, не может быть ничего удивительного во взаимном сближении непримиримых соперников, энциклопедистов и иезуитов. Историк и писатель в одном лице, Леопольд фон Захер-Мазох в повести «Дидро в Петербурге» (*Diderot in Petersburg*, 1874) весьма иронично описывает «хождение» философа в российскую власть и проницательно подмечает, как стирается в критической ситуации граница между материалистическими убеждениями и религиозными верованиями. Лажечников, жестокий чучельник, возвышенный до звания ученого, добивается кнутом от облаченного в обезьянью шкуру Дидро признания, что Бог существует, а также рекомендует Екатерине II преобразованного просветителя как «опасное» животное, полное «коварства» и «иезуитского лицемерия» [31, с. 423; анализ этой новеллы см. 32, с. 606–612].

Рассмотренные нами эпизоды полемики между иезуитами и энциклопедистами требуют многостороннего подхода. Не только потому, что материалом и темами для обсуждения служат теологические, философские (этические и эпистемологические), литературные тексты и проблемы. Без соответствующего социокультурного контекста «Диалог между Книгоношей и Дидро в лавке Книгопродавца о словаре “Энциклопедия”» и «Защищенная и доказанная фактами истина против древней и новой клеветы» утрачивают то значение, которое они имели в свое время. То же можно сказать и о событиях, с которыми эти сочинения связаны. Картина полемики между Обществом Иисуса и «философской партией» (и всякой литературно-идейной полемике вообще как борьбы за символическую власть) будет искаженной, если не учитывать сопутствующие общественные настроения и ожидания, длительную историю развития отношений, не привлекать широкий круг архивных источников. Там, где в первом приближении видится антагонизм, междисциплинарный анализ может раскрыть более сложный механизм взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pappas, J.N. Berthier's Journal de Trévoux and the Philosophes / J.N. Pappas // Studies on Voltaire and Eighteenth Century. – 1957. – Vol. III. – 318 p.
2. Pappas, J.N. La première suppression de l'Encyclopédie dans la correspondance de D'Alembert / J.N. Pappas // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie. – 1986. – N°1. – P. 64–70.
3. Albertan, C. Les journalistes de Trévoux lecteurs de l'Encyclopédie / C. Albertan // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie. – 1992. – N°13. – P. 107–116.
4. Article XIX // Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux arts. – Paris: Briasson & Chaubert. – Janvier 1751. – Vol. 2. – P. 303–27.
5. [Raynal, G.-T.] Nouvelles littéraires 1747–1751 / [G.-T. Raynal] // Gotha Forschungszentrum Bibliothek. – Chart. B 1138a.
6. Lough, J. The Encyclopédie / J. Lough. – Genève: Slatkine reprints, 1989 [1971]. – 430 p.
7. Bibliothèque nationale de France, Département des Manuscrits, Fond français 22156 (XCVI – Journal de l'inspecteur d'Hémery, 1750 – le 12 novembre 1751).
8. Bibliothèque nationale de France, Bibliothèque de l'Arsenal, Ms 2964.
9. Diderot, D. Œuvres complètes. 20 t. / D. Diderot. – Paris: Garnier frères, 1875–1877. – T. 20: Correspondance générale. – 1877. – 456 p.
10. Recueil Clairambault-Maurepas: chansonnier historique du XVIIIe siècle. 10 vol. / publié par E. Raunié. – Paris: A. Quantin, 1879–1884. – Vol. VII: Troisième partie. Règne de Louis XV. Madame de Châteauroux et Madame de Pompadour. 1743–1763. – 1882. – 373 p.
11. Diderot, D. Œuvres complètes. 33 t. / D. Diderot; édition critique et annotée par J. Fabre [et alt.]. – Paris: Hermann, 1975. – T. 5: Encyclopédie (Lettre A); édition critique et annotée, présentée par J. Lough et J. Proust. – 1976. – 550 p.
12. Romans libertins du XVIIIe siècle / textes établis, présentés et annotés par R. Trousson. – Paris: Robert Laffont, 1993. – 1329 p. (Collection «Bouquins»).
13. Darnton, R. The Literary Underground of the Old Regime / R. Darnton. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982. – 258 p.
14. Darnton, R. Edition et sédition. L'univers de la littérature clandestine au XVIIIe siècle / R. Darnton. – Paris: Gallimard, 1991. – 288 p.

15. Article CXXX // Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux arts. – Paris: Briasson & Chaubert. – Décembre 1751. – P. 2593–2623.
16. Article IX // Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux arts. – Paris: Briasson & Chaubert. – Janvier 1752. – P. 147–190.
17. Article XX // Mémoires pour l'histoire des sciences et des beaux arts. – Paris: Briasson & Chaubert. – Mars 1752. – P. 425–469.
18. Cabane, F. L'écriture en marge dans l'œuvre de Diderot / F. Cabane. – Paris: Honoré Champion, 2009. – 495 p. (Collection «Les Dix-huitièmes siècles», n°134).
19. Clément, P. Les cinq années littéraires ou Lettres de M. Clément, sur les ouvrages de littérature qui ont paru dans les années 1748–1752. T. 2 / P. Clément. – Berlin, 1755. – 476 p.
20. Perol, L. Diderot, le P. Castel et le clavecin oculaire / L. Perol // Etudes sur le XVIIIe siècle. Vol. XXIII (Autour du père Castel et le clavecin oculaire); éditées par R. Mortier et H. Hasquin. – Bruxelles: Editions de l'Université de Bruxelles, 1995. – P. 83–94.
21. Diderot, D. Correspondance. 16 vol. / D. Diderot; édition établie, annotée et préfacée par G. Roth. – Paris: Editions de Minuit, 1955–1970. – Vol. 1: 1713–1757. – 1955. – 279 p.
22. [Lesseigue de Rozaven, J.-L.]. La Vérité défendue et prouvée par les faits, contre les calomnies anciennes et nouvelles / [J.-L. Lesseigue de Rozaven]. – Polock, 1817. – 178 p.
23. Archives jésuites à Vanves, Bibliothèque slave, Fonds Gagarine, carton 5-IX.
24. [Lesseigue de Rozaven, J.-L.]. La verità difesa e provata coi fatti contro le calunnie viete e nuove. Opera recentissima tradotta dal francese in italiano dal Conte Francesco Pertusati. Polock, 1817 / [J.-L. Lesseigue de Rozaven]. – Reggio: G. Davolio, 1819. – 195 p.
25. Чудинов, А.В. Французская революция: история и мифы / А.В. Чудинов. – М.: Наука, 2006. – 310 с.
26. [D'Alembert, Jean Le Rond]. Sur la destruction des jésuites en France / [Jean Le Rond D'Alembert]. – [S.l.], 1765. – 235 p.
27. Augustissimo ac potentissimo Alexandro I. Imperatori et autocratori totius Rossiae De innumeris hostium Copiis Triumphatori Magno Regnum Regnorumque Pacificatori Magnanimo, fundatori suo clementissimo Academia Polocensis Societatis Jesu. D.D.D. – [Polociae, 1814]. – 74 p.
28. Кондаков, Д.А. Франкофония ордена иезуитов в Беларуси XVIII–XIX веков / Д.А. Кондаков // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки. – 2011. – № 10. – С. 2–9.
29. Kondakov, D. Les «coquins de la Russie Blanche»: la francophonie jésuite en Biélorussie aux XVIIIe et XIXe siècles / D. Kondakov // La francophonie européenne aux XVIIIe–XIXe siècles: Perspectives littéraires, historiques et culturelles, sous la direction de Elena Gretchanaïa, Alexandre Stroeve et Catherine Viollet. – Bruxelles: Peter Lang, 2012. – P. 137–150.
30. Czy można teologów słusznie obwiniać, że na filozofią 18go wieku powstawali ? // Miesięcznik Połocki. – 1820. – T. I (N°1–4). – P. 44–57.
31. Захер-Мазох, Л. фон. Колемейский Дон-Жуан: [Повести и рассказы] / Л. фон Захер-Мазох; [пер. с нем., предисл. и примеч. Е. Воропаева]. – СПб.: Акад. проект, 2000. – 440 с.
32. Полубояринова, Л.Н. Леопольд фон Захер-Мазох – австрийский писатель эпохи реализма / Л.Н. Полубояринова. – СПб.: Наука, 2006. – 646 с.

Поступила 25.10.2013

JESUITS VERSUS ENCYCLOPAEDISTS: PAGES WRITTEN IN PARIS AND POLOTSK FOR A LITERARY CONTROVERSY

D. KONDAKOV

The article deals with two episodes of the literary controversy between the Jesuits and the Encyclopaedists. The first one focuses on an anonymous and little-known satire “Dialogue entre un Colporteur et Diderot dans la boutique d’un Libraire, sur le Dictionnaire de l’Encyclopédie” (“Dialog between a Book peddler and Diderot in a Bookshop about the Dictionary of Encyclopedia”) spread in Paris in mid-September 1751 and anticipating the headlines of Father Berthier’s attack on the articles of the Encyclopedia’s first volume. The second episode is related to the treaty by Father Rozaven “La Vérité défendue et prouvée par les faits, contre les calomnies anciennes et nouvelles” (“Verity Protected and Proved by the Facts against Ancient and New Calumnies”) published in Polotsk in December 1817. This writing includes the refutation of deistic ideology as well as a paradoxical attempt to match opinions of the Society of Jesus and the “philosophical party”. In both cases, the matters of knowledge turn to be the means in the struggle for symbolic power.

УДК 821.111(043.3)

**СКАНДИНАВСКИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИ-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ БАЛЛАДЫ:
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ****Е.А. ПАПАКУЛЬ***(Полоцкий государственный университет)*

На примере Швеции представлен анализ особенностей исторического, экономического и культурного развития Скандинавии, обусловивших тот факт, что по количеству сюжетов мифологического и фантастического характера скандинавское балладное наследие не имеет себе равных среди других регионов Европы. К таким особенностям развития необходимо отнести, в первую очередь, специфику распространения христианства и сохранения мифологического мировоззрения и старых верований в период расцвета балладного творчества, а также уникальность природы и ландшафта Скандинавии (на примере Швеции). Исследование затрагивает проблему различия терминологии относительно мифологически-фантастических баллад в шведской, датской, норвежской и англо-шотландской традиции. В качестве примера приводится авторский перевод одной из природно-мифологических баллад со шведского языка с краткой предысторией и необходимым комментарием.

Введение. XIV–XVI века во всех западноевропейских странах (в то же время указанные временные границы в разных странах и местностях могли не совпадать) ознаменованы широким расцветом балладного творчества, представляющего значительные аналогии по своему содержанию и структуре. Особенно широкое распространение баллады имели в германских странах – у немцев, англичан и у скандинавских народов. Но наиболее богатый и архаичный балладный репертуар сохранился в Скандинавии [1, с. 127–128]. Скандинавские баллады, включающие в себя произведения на датском, шведском, норвежском, исландском и фарерском языках, по количеству основных балладных сюжетов и по числу опубликованных текстов занимают одно из первых мест в Европе. Так, в издании “Danmarks gamle volkeviser” [2] число датских балладных сюжетов превышает 530, шведских – 220. Безусловно, часть баллад – общескандинавское достояние, другие же – только датские, только шведские или только исландские. Древнейшей родиной баллады в Скандинавии считается Дания, где жанр этот, по мнению исследователей, широко развился уже в XII–XIII веках. Предполагается, что стихотворная форма баллады как песни повествовательного (а не лирического, как в Провансе, Франции и Италии) характера сложилась в Дании самостоятельно и раньше, чем во Франции [3, с. 224].

Основная часть. Важным фактором для широкого распространения балладного творчества в Скандинавии была не такая интенсивная, как в других странах Западной Европы, феодализация региона. Благодаря этому земля в наибольшей мере оставалась во владении крестьян и не переходила в руки крупных землевладельцев, и поэтому крестьянство больше сохраняло свою свободу, в том числе и свободу творческую. По-видимому, сходное объяснение может быть дано и тому факту, что, хотя баллада представлена как жанр во всех европейских странах, она представлена больше всего в Скандинавии и на севере Англии (в Шотландии), т.е. как раз в тех странах, где феодализация была в свое время менее интенсивной, чем в остальной Европе. Впрочем, тот факт, что в Скандинавии балладное творчество получило большее развитие, чем в других европейских странах, объясняется, вероятно, также и тем, что в средние века письменная литература здесь была очень бедной, и поэтому не могла быть конкурентом баллады, тогда как в других европейских странах в средние века существовала более богатая письменная литература, в частности куртуазная поэзия, и баллада не выдерживала там конкуренции этой литературы [3, с. 217–218].

Обычно, когда речь заходит о скандинавских балладах, на ум приходят образы троллей, эльфов, русалок, духов гор и других сверхъестественных существ. Да и самая известная и популярная вплоть до сегодняшнего дня скандинавская (а точнее, шведская) баллада “Herr Mannelig”, переведённая на большинство европейских языков, рассказывает о встрече молодого рыцаря с уродливой горной троллихой. И в самом деле, количество мифологических и фантастических баллад от общего объёма произведений данного жанра весьма велик. Так, в датской и шведской балладной традиции их около 16 %, в Норвегии – около 20 %, т.е. фактически каждую пятую балладу можно отнести к данной группе. Отсюда возникает естественный вопрос, почему именно в скандинавских странах мифологические и фантастические баллады получили такое распространение, хотя в других европейских странах ничего подобного в таком объёме мы не наблюдаем (за исключением, разве что, Шотландии, исторически и культурно тесно связанной со Скандинавией). На примере Швеции, особенностей её историко-культурного развития, природы и других аспектов можно сделать определённые выводы по данной проблеме.

Расцвет баллады в Швеции приходится на то время, когда официально страна уже несколько веков была христианской, однако весьма массивный пласт мифологических и фантастических баллад говорит о том, что старые верования прочно укоренились в сознании тогдашних людей. В связи с этим важной видится необходимость кратко обозначить особенности распространения христианства в Швеции. Так, первые попытки предпринимались ещё в 20-х годах IX века. В Бирке, широко известном торговом городе того времени в области Меларн в Центральной Швеции, франкский монах Ансар сумел организовать первую миссию, просуществовавшую до 831 года. Однако позиции язычества были чрезвычайно сильны, не содействовала распространению нового учения и внешняя политика тогдашней Швеции, ибо она была мало заинтересована в связях со странами, лежащими к югу от нее. Она была связана главным образом с государствами, расположенными на востоке и юго-востоке. Около 1000 года попытки христианизации участились, они становились все более упорными; один за другим в различных местах возникали новые очаги христианства, которые как бы окружали главные центры язычества. Весь XI век в истории Швеции наполнен заметной борьбой между язычеством и христианством, в которой традиционная вера постепенно стала сдавать позиции. Большое значение в данном процессе имело то, что в течение XI века ориентация внешней политики Швеции изменилась. Страна начала ориентироваться на Юг, и это, конечно, сыграло свою роль при введении христианства. Язычники, однако, не прекращали борьбы, и эти разногласия нашли свое отражение в политической истории XI века: в междоусобных войнах и столкновениях разных претендентов на престол. Всё же, в конце концов, сопротивление язычников было сломлено. Главный языческий храм в городе Упсала пал, его боги были низвергнуты и уничтожены, и на развалинах языческого святилища была построена церковь. Разрушение храма произошло, вероятнее всего, в конце XI века, приблизительно при жизни датского короля Кнута Святого. В 1103 году христианская церковь в Швеции попала в подчинение архиепископству в Лунде, что можно считать датой официального падения язычества. Но, безусловно, о резком и кардинальном изменении в образе мышления шведов в это время говорить не приходится, равно как и утверждение о том, что с XII века Швеция становится христианской страной, далеко от истины [4, с. 44–51].

В качестве примера можно привести интересный факт из нашей белорусской истории. Официальной датой принятия христианства считается 988 год. Согласно другой версии, произошло это на 2 года раньше, когда исландский миссионер Торвальд Кодранссон основал в Полоцке монастырь Иоанна Предтечи [5]. Однако последнее действующее языческое капище на территории Беларуси было закрыто по требованию православных священников лишь в 1904 году. Представляло оно собой небольшую площадку в болотистой местности, где рос огромный дуб, стоял святой камень и постоянно горел костёр. На протяжении всего XIX века капище обслуживала семья Севастеев, а последний языческий жрец был репрессирован в печально известном 1937 году и сослан в Сибирь. Самое же необычное во всей этой истории то, что капище это находилось не в какой-нибудь глухой деревне, а в центре Минска, на берегу реки Свислочь, в районе современной улицы Красноармейской [6, с. 226].

Таким образом, с уверенностью можно утверждать, что в Швеции, как и в других европейских странах, в последующие века старые верования, да и мифологическое мировоззрение в целом никуда не пропали, а сохранялись и отражались, в том числе, и в богатой балладной традиции мифологического и фантастического характера. И хоть языческие боги исчезли ещё до расцвета балладной литературы, но древние страхи никоим образом не ослабли. Каждый мост нёс опасность, ведь под ним скрывался кровавадный водяной. Русалки и водяные, гномы и эльфы, тролли и драконы окружали скандинавов, которые ещё не были настолько религиозны, чтобы защищаться от врага христианским крестным знаменем. Руны имели гораздо большую силу по сравнению с христианскими символами, и всемогущий арфист (как, например, в балладе “*Nafrans kraft*”) мог заставить нечисть отпустить их несчастных жертв [7, с. 219]. Удалённость Швеции от крупных христианских центров, в первую очередь Рима, содействовала сохранению самобытной шведской культуры, в частности мифологическо-фантастической балладной традиции.

Ещё один важный фактор, повлиявший как на балладную традицию, так и в целом на всё мировоззрение шведов – природа, чья мощь по-настоящему повергала человека в трепет. Неистовое море поглощало корабли во время бурь и штормов, девушки гибли в бурном потоке рек, мрачные горы виделись как обитель троллей, непроходимые леса кишели вурдалаками – везде и всегда человека ожидала опасность. Но это был не просто страх перед чем-то сверхъестественным, перед фантастическими существами – шведы на самом деле верили во всевозможных троллей, эльфов и линдвормов (двухлапых крылатых драконов), ибо они были неотъемлемой частью их мировоззрения, во многом остававшегося в Средние века мифологическим.

Водяные, русалки, горные тролли и короли гор – типичные фольклорные существа. Они являются примером персонификации природы и её силы. Они опасны и угрожают так же, как и окружающая природа. Каждый дух природы имеет свою сферу власти. Водяные контролируют озёра и ручьи, но в самом

общем смысле воды во всем мире. Русалки управляют в основном морем, но в целом, как и водяные, всеми водами. Горные тролли и короли гор – в принципе, одно и то же, в их власти находятся не только горы. Леса, в конечном счете, также их собственность. В своих владениях перечисленные существа имеют абсолютную власть, они, таким образом, олицетворяют определённые стихии. Эльфы отличаются от вышеупомянутых существ тем, что они не могут рассматриваться как воплощение природной стихии, имеющие над ней власть, хоть в фольклоре они тесно связаны с туманом, бессонными ночами и ранними утренними часами. В отличие от других духов природы, они редко встречаются в одиночку, но почти всегда они собираются вместе и танцуют [8, с. 14–16].

Особое отношение жителей Швеции к природе мы видим даже в балладной терминологии. Для обозначения баллад мифологического и фантастического характера в скандинавских странах используются разные понятия. В Дании их называют “trylleviser” от глагола “trylle” – “колдовать”, по-норвежски “trollvisor” от “troll” – “тролль, великан”. Так или иначе, содержание данных баллад считается не более чем вымыслом, некоей сказкой о вымышленных существах. Данный термин отражает современное отношение к мифологическим и фантастическим балладам, но вряд ли раскрывает их истинное значение во время их создания. Противопоставляет содержание данного типа баллад реальности и английский термин “ballads of supernatural”, т.е. “баллады о сверхъестественном”, как они названы, например, в одном из самых авторитетных многотомных сборников англо-шотландских баллад “English and Scottish Ballads” Фрэнсиса Чайлда [9]. В Швеции же используется термин “naturmytiska visor” – “природно-мифологические баллады” (как, например, в крупнейшем издании XX века “Sveriges medeltida ballader” [10]), т.е. миф и природа (всё то, что окружает человека) представляют собой не что-то полярно противоположное, а единое целое.

В то же время нельзя не принять и того факта, что в данную группу попадают баллады, имеющие различное происхождение: с одной стороны, те, которые восходят к сказкам-быличкам, т.е. тому, что в свое время представлялось реальностью, правдой, а с другой – баллады, которые восходят к волшебным сказкам, которые всегда представлялись лишь неким забавным вымыслом, небылицей [3, с. 235]. Поэтому рассмотренные выше скандинавские термины не отражают в полной мере особенностей данной группы баллад, рассматривая их лишь с одной позиции. Именно в связи с этим логичным видится использование двух понятий вместо одного: “мифологические” и “фантастические” баллады, – которые более соответствуют содержанию произведений данного жанра, нежели баллады “сказочные”, “колдовские” либо “природно-мифологические”.

Возможно, это всего лишь особенности терминологии, и не стоит искать глубинный смысл в различии понятий, но то, что природа для шведов имеет первостепенное значение вплоть до сегодняшнего дня – факт бесспорный. Экологически чистые технологии, вторичная переработка отходов, стремление оказывать наименьшее влияние на природу в целом – не идеал, к которому необходимо стремиться, а шведская повседневность. Вполне вероятно, что такое трепетное отношение к природе неосознанно сохранилось в шведском подсознании ещё со времён веры в Асгард с Одином, Тором и Фрейей, равно как и в эльфов, водяных и троллей, так часто встречающихся в балладах. Как бы то ни было, следует помнить, что изучение прошлого даёт неоценимый опыт для понимания настоящего.

В качестве примера “naturmytiska visor” хотелось бы представить собственный перевод на белорусский язык шведской баллады “Warulfven”, взятой из сборника “Svenska fornsånger” Адольфа Ивара Арвидссона [11, с. 273–274]. Текст данного произведения вместе с мелодией, под которую он исполнялся, записан в местности Södermanland. Эта баллада известна в большом количестве вариантов. Сюжет сводится к тому, что молодая девушка одна отправляется через лес, чтобы, в большинстве случаев, встретиться со своим возлюбленным либо женихом. В некоторых вариантах девушка добирается до двери жилища своего жениха и хочет, чтобы её пустили, но он отказывается, ибо на дворе ночь. В других текстах девушка ночью укладывает отца спать, чтобы затем, тайно, идти на встречу с женихом. В лесу она встречает оборотня в виде обыкновенного волка, но с множеством подарков. Затем она пытается с ним торговаться, ведь на кону её жизнь. Девушка предлагает ему свои ценности, но оборотень отказывается и хочет заполучить только её жизнь. В большинстве вариантов после этого девушка издаёт душераздирающий крик, достигающий её жениха, который спешит ей на помощь. Когда же он находит девушку, она оказывается мёртвой. В некоторых версиях жених встречает оборотня, который в зубах держит так и не родившегося ребёнка, так как девушка была беременна [8, с. 8]. В “Warulfven” встреча чаще всего происходит в “rosende lund” (в розовой роще, а точнее в роще роз). В шведском литературоведении существует целая концепция “розовой рощи”. Утверждается, что роза символизировала влюблённую женщину, а роща было местом любви и любовных встреч. Но в “Warulfven” розовая роща – опасное место. Молодая девушка выходит из дому, чтобы встретиться молодым человеком, в которого она влюблена, но в розовой роще она встречает оборотня. Даже в прекрасном месте, созданном для любовных

встреч, постоянно угрожает опасность. То, что роковая встреча с оборотнем происходит прямо здесь, в розовой роще, в месте, заполненном символами любви, можно объяснить тем, что многие из версий этой баллады изображают любовь как нечто опасное. Во многих вариантах девушка беременна. И то, что место любви может приютить кровожадного волка, – своеобразный символ-предостережение того, что физическая любовь может привести к нежелательной беременности [12, с. 51]. Однако балладный символизм – тема для отдельного тщательного исследования.

Warulfven

Jungfrun hon bad sin moder om lof,
För linden han dammar uti lunden!
 Att hon må till sin käraste gå.
Ty hon var med älskona bunden!

“Gerna skall du till din käraste få gå,
 “Akta dig väl för den lilla ulfven grå.” –

“Nog aktar jag mig för lilla ulfven grå,
 “Bara att jag till min käraste får gå!”

Jungfrun hon går sig åt rosende lund,
 Då möter hon den lilla ulfven grå.

“Hör du, lilla ulf, inte biter du mig,
 “Det röda guldband det gifver jag dig.” –

“Det röda guldband det har jag när jag kan;
 “Men aldrig så skön jungfru jag fann.”

Jungfrun sprang upp i det högaste träd:
 “Men torsa dig hit om du biter mig här!”

Ulfven gaf upp ett så hiskeligt rop,
 Så trettio ullvar de kommo på en hop.

De refvo och sleto det trädet omkull,
 Så att jungfrun föll ned i den jordiska mull.

Jungfrun gaf upp ett så’nt hiskeligt rop,
 Så att det hördes till Herr Peders borg.

Herr Peder han sadlade gångaren grå,
 Han red litet fortare än lilla fogeln flög.

Herr Peder han red sig åt rosende lund.
 Då möter han ulfven med fostret i mund.

När det blef dager och dager blef ljus,
 Då var det tre lik i Herr Peders hus.

Det ena var Herr Peder, det andra var hans mö,
För linden han dammar uti lunden!
 Det tredje det fostret som ulfven ref till död.
Ty hon var med alskona bunden!

Ваўкалак

Дазволу дачка стала ў маці прасіць.
Ліпка ў лесе трымцела!
 Ці можна да люблага хлопца схадзіць.
Каханага бачыць хацела!

“Дазволу свайго не магу я не даць,
 Але сперажыся ты воўка спаткаць.”

“Матуля мая, я сябе зберагу,
 Ваўкоў не сустрэну ў сябе на шляху.”

Ды ў ружавым гаі яе незнарок
 Уночы той цёмнай спаткаў шэры воўк.

“Прашу, любы воўча, не крыўдзі мяне,
 Аддам залаты я свой пояс табе.”

“Здабуду я шмат паясоў залатых,
 А вось прыгажунь не знаходзіў такіх.”

І ўзлезла на дрэва дзяўчына тады:
 “Ніколі табе не даскочыць сюды!”

Драпежнік жажліва ў адчаі зароў;
 І хутка было ўжо там трыццаць ваўкоў.

Ірваць тое дрэва яны пачалі,
 Праз момант дзяўчына была на зямлі.

Пранёсся крык немых над гаем над тым,
 Гэр Пэдэр пачуў яго ў замку сваім.

Ён шэрага коня свайго засядлаў,
 За птушку хутчэй ён у гай той памчаў.

І ўбачыў там цела дзяўчыны, пасля –
 Забітае зграяй ваўкоў немаўля.

Пачаўся світанак, і сонца ўзышло;
 У Пэдэра ў замку тры трупы было:

Гэр Пэдэр, дзяўчына яго ды дзіця,
Ліпка ў лесе трымцела!
 Пазбавіла зграя няшчасных жыцця.
Каханага бачыць хацела!

Заклучение. Проведенное исследование скандинавских мифологически-фантастических баллад и анализ их историко-культурного аспекта позволяют сделать вывод, что к основным факторам, повлиявшим на процветание народной балладной литературы и мифологически-фантастических баллад в частности, в Скандинавии (на примере Швеции), можно отнести:

- слабую феодализацию страны;
- не такую богатую, как в других европейских странах XIV–XVI веков, письменную литературу в Швеции;
- достаточно позднюю христианизацию страны, а также удалённость от крупных христианских центров, что способствовало долгому сохранению старых верований;

- своеобразие шведской природы и ландшафта.

В пользу более долгого сохранения дохристианского мировоззрения выступает и современная шведская балладная терминология.

ЛИТЕРАТУРА

1. История зарубежной литературы. Средние века и Возрождение: учебник для филол. спец. вузов / М.П. Алексеев [и др.]. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 415 с.
2. Danmarks gamle volkeviser. Samfundet til den danske literaturs fremme. 1–12. Udgivne Svend Grundtvig, Axel Olrik u.a. Kjöbenhavn. Forlagt af Thieles bogstykkeri. 1853–1976.
3. Стеблин-Каменский, М.И. Баллада в Скандинавии / М.И. Стеблин-Каменский // Скандинавская баллада. – Л., 1978. – 275 с.
4. Андерссон, И. История Швеции / И. Андерссон. – М.: Иностр. лит., 1951. – 408 с.
5. Катлярчук, А. Місія Торвальда Вандроўніка, або скандынаўскія пачаткі хросту Беларусі / А. Катлярчук // Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў / А. Катлярчук. – Вільня, 2007. – С. 231–236.
6. Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўн. / С. Санько [і інш.]; склад. І. Клімковіч. – Мінск: Беларусь, 2006. – 599 с.
7. William, J. Entwistle. European Balladry / J. William. – Oxford: the Clarendon Press, 1939. – 404 с.
8. Sand, Nadja. Gränser och gränstillstånd: Möten med det övernaturliga i den naturmytiska balladen / Nadja Sand. – Uppsala University, 2011. – 36.
9. Child Francis James. English and Scottish Ballads / Francis James Child. – Boston: Little, Brown and Company, 1860. – Vol. I. – 334 с.
10. Jonsson, Bengt R. Sveriges medeltida ballader, utgivna av Svenskt visarkiv, band 1, Naturmytiska visor / Bengt R. Jonsson. – Stockholm: Almqvist & Wiksell international, 1983. – 495.
11. Arwidsson, A.I. Svenska fornsånger. En samling af kämpavisor, folk-visor, lekar och dansar, samt barn- och vall-sånger. Andra delen / Adolf Iwar Arwidsson. – Stockholm: tryckt hos P.A. Norstedt söner, Kongl. Boktryckare, 1837. – 482.
12. Jansson, Sven-Bertil. Den levande balladen: Medeltida ballad i svensk tradition / Sven-Bertil Jansson. – Stockholm: Prisma Cop., 1999. – 271.

Послынула 17.12.2013

SCANDINAVIAN MYTHOLOGICAL-FANTASTIC BALLADS: HISTORICAL AND CULTURAL ASPECTS

E. PPAKUL

The analysis of some peculiarities of the historical, economic and cultural development of Scandinavia (first of all Sweden) is given. It is they that are the reason for the fact that according to the number of mythological and fantastic plots Scandinavian ballad heritage has no match in other European regions. Among such peculiarities, it is necessary to mention, first of all, the specificity of the spreading of Christianity and the retention of the mythological outlook and old beliefs during the period of ballad flourishing, as well as the uniqueness of the nature and the landscape of the region. The article touches upon the issue of some terminological differences in Swedish, Danish, Norwegian and Anglo-Scottish traditions. The own translation of one of "naturmytiska visor" from the Swedish language with a short history and the necessary comment to it is given here as an example of a mythological-fantastic ballad.

УДК 821.111.09 “13”

**«ИСПОВЕДЬ ВЛЮБЛЕННОГО» ДЖОНА ГАУЭРА:
ЕДИНСТВО В РАЗНООБРАЗИИ****А.А. СМУЛЬКЕВИЧ***(Полоцкий государственный университет)*

Рассматривается одно из ключевых произведений средневековой английской литературы – «Исповедь влюбленного» Джона Гауэра. Целью исследования является анализ некоторых способов создания целостности произведения в рамках повествовательной традиции XIV века. Показаны традиционные способы – сочетание серьезного и шутивого тонов, а также приемы создания «множественности» авторского голоса. Формулируется вывод о разработке поэтом рамочного обрамления с помощью развернутой характеристики главного героя и введения сложной аллегории для объединения разнообразного сюжетного, тематического и жанрового материала. В рамках жанрового синтеза Джон Гауэр достигает мастерства в сочетании религиозного и светского (литературного) начал. Стилистическое единство рассматриваемого произведения отражает его идейную целостность, основывающуюся на намерении поэта уравновесить общественные и индивидуальные интересы, отобразить многообразие жизни человека, фундаментом которой является мир и любовь, в широком смысле.

Введение. Джон Гауэр приобрел широкую известность своей разносторонней эрудированностью. Свои достижения он отразил в трех крупных произведениях на разных языках: «Зерцало человеческое» (1376) на французском, «Глас вопиющего» (1382) на латинском и «Исповедь влюбленного» (1386–1393) [1] на английском языке. В начале XV века последняя из книг была переведена на португальский и испанский языки и оставила большой след в английской литературе¹. Одно из самых значительных и характерных для этого периода достижений Джона Гауэра – способность синтезировать литературные традиции.

Литературоведы проводят аналогии и изучают особенности восприятия Джоном Гауэром произведений Овидия, Бозция, Жана де Мена, Данте, фольклорных источников, традиций рыцарской литературы. Велико значение «Исповеди влюбленного» для средневековой новеллистической традиции повествовательных сборников², в рамках которой были выработаны особые средства для связывания разнородного материала в книгу для создания художественной целостности.

Основная часть. Особенностью литературного развития в Англии XIV века является большой интерес к повествовательным сборникам, разного рода компиляциям и сводам. Количество сохранившихся рукописей таких произведений и заимствованных из них аналогий подтверждает замечание Х. Купер: «Искреннее удовольствие от рассказывания или прослушивания повествований характеризует Англию конца четырнадцатого века, как и Италию. Интерес к повествованию, демонстрируемый великими поэтами времен Ричарда II, выделяют в качестве ведущей объединяющей их черты» [2, с. 38]. В качестве их основной цели выступает дидактизм, также авторы пытаются решить познавательную и развлекательную задачи. Совмещение нескольких задач в одном произведении считается вершиной мастерства, примером которого в английской литературе принято считать «Кентерберийские рассказы» (1390-е годы) Джеффри Чосера. По сюжетному разнообразию и поэтическому мастерству «Исповедь влюбленного» Джона Гауэра не уступает «Кентерберийским рассказам» и обладает целостностью в той же мере, что и книга Джеффри Чосера.

Своеобразие Джона Гауэра заключается в его специфическом применении традиционных приемов объединения многочисленных разнообразных персонажей, сюжетов, тем, жанров и задач для создания целостного сборника. Одним из основных и наиболее известных приемов является обрамление. В обрамляющем повествовании автор обосновывает связь между отдельными сюжетами из различных источников, задает общий тон и направленность собранных вместе повествований, определяет основную тему и аспекты ее раскрытия. Джон Гауэр, как и другие авторы, прибегающие к приему обрамления, расширяет его содержание и возможности.

Обрамлением «Исповеди влюбленного» служит пролог, включающий посвящение и постановку проблемного вопроса, также вымышленную сюжетную линию. Джон Гауэр уточняет, что хочет контрастно показать причины морального падения современного человека и заново переписать некоторые

¹ Многочисленные современные исследования посвящены сравнительному изучению «Исповеди влюбленного» и «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера, а также имеются исследования о соотношении отдельных моментов творчества Джона Гауэра и Джона Лидгейта, Эдмунда Спенсера и др. (На основе анализа публикаций о творчестве Джона Гауэра, размещенных на сайтах <http://gowerbib.lib.utsa.edu> и <http://www.gowerproject.org/bibliography.htm>).

² Исследователи находят следы переработки Джоном Гауэром восточного сборника «Семь римских мудрецов».

ценные вещи, «чтобы они таким же путем/ Были сохранены для всего мира/ В последующие времена»³ [1]. Обе задачи поэт осуществляет с помощью противопоставления времен прошлых и современных. Намерение Джона Гауэра «перекинуть мост между прошлым и будущим, который поможет читателям лучше понять настоящее» отмечает Р.А. Пек [3]. Прошлое основывается на мифологических сюжетах (об античных богах, о Горгоне, о подвигах Геракла и т.д.), античных источниках (легенды об Александре Великом, заимствования из Овидия о Нарциссе и т.д.), религиозных легендах и фольклорных сюжетах. В эти сюжеты поэт вносит свои изменения, приспособляя к новому контексту его мира. Современность отражается в рассказах о папе Бонифации, о Константине, об испанском короле Альфонсе, сюжетах фавлю (книга II). Истории древних времен читателям следует воспринимать в качестве урока и сделать вывод на будущее. В осуществлении преемственной связи В.В. Суховая видит намерение Гауэра обеспечить «своим произведениям будущее благодаря последователям, которые, в свою очередь, станут подражать, и будут пытаться превзойти своих предшественников», а также сохранить ценные знания древних книг [4, с. 8]. Основываясь на частоте использования в тексте поэмы слова «remembrance» и количестве примеров о грехе забывчивости, Дж.А. Мичел отмечает большое значение исторической памяти для Гауэра [5, с. 66].

Многие рассказы посвящены падению государств и правителей. Причину нравственного упадка общества и человека поэт видит в разладе, который наблюдается в каждом отдельном человеке между душой и телом, между разумом и чувствами. Для иллюстрации Джон Гауэр вводит в обрамление образ Аманса (влюбленного), простого человека, близкого и понятного любому читателю. Аманс страдает от безответной любви и, поговорив с Венерой, решает исповедаться. Каждого отдельного человека Джон Гауэр считает основой мира. Если мир человека не един, это отражается на жизни всего общества: «Все качества человека/ Напоминают нам, что его жизнь/ Представляет собой мир в миниатюре/ И когда его мир постигает несчастье,/ Это отражается во всем мире... / Человек является причиной всех бед/ И разлада во всем мире»⁴ [1]. В книге Джона Гауэра Х. Купер отмечает «необычное пристальное внимание к общественному и одновременно к личному, к политической и вместе с тем к эмоциональной сфере» [2, с. 39]. В прологе намечается намерение поэта уравновесить эти сферы человеческой жизни между собой. Оно осуществляется на основе аллегории, воплощенной в образе истукана из сна Навуходоносора, символа упадка. Он имеет голову и шею из золота, туловище до пояса из серебра, ниже пояса – из меди, ноги из стали и ступни из стали и глины. Причиной его гибели становится удар камнем по ступням, воля Божья. Джон Гауэр в иносказательной форме говорит об общественном разладе Англии XIV века в результате политических событий 1380-х годов. На двойное значение истукана указывает В.В. Суховая: он символизирует упадок английского общества конца XIV века и конечную стадию человеческой истории [6]. Суховая также отмечает возможное соотнесение иллюстрации конца жизни человека с образом повествователя Аманса, предстающим перед читателем несчастным, пожилым влюбленным, к которому в конце жизни возвращается здравый смысл [6].

Причиной дисгармонии является греховное поведение каждого отдельного человека, будь он представителем государственного аппарата, церковного института или народных масс. Джон Гауэр выделяет именно эти три составляющие современного ему общества, согласованная деятельность которых необходима для процветания любого государства. Выход из создавшегося положения поэт видит в избавлении от грехов. С этой целью поэт вводит в обрамление образ Гения, исповедника Венеры. Его задача – раскрыть суть семи грехов относительно всего человечества. В задачу образа Аманса входит расшифровка общечеловеческих грехов для каждого отдельного человека. Джон Гауэр аллегорически воплощает тему общественного разлада в самоанализе Аманса и анализе его отношений с возлюбленной. Образы из различных литературных источников повествователь соотносит с образом своей возлюбленной. Приводя пример общественного недуга обмана зрения, Гений упоминает Горгону Медузу, Аманс переносит ее образ в свой мир: «Отец мой, я признаю свою вину,/ Я видел Медузу и,/ Поэтому мне нет прощения, поскольку/ Мое несчастное сердце превратилось в камень...»⁵ [1]. Обсуждая обман слуха, главный герой говорит: «Боюсь, я виновен, отец, в этом грехе/ Потому что, когда я слышу утонченный голос моей дамы/ Я не могу контролировать свой разум»⁶ [1]. Это свидетельствует о мастерстве поэта в свободном обращении с литературным наследием. Наличие в произведении аллегории, элементов жанра исповеди, образа исповедника Гения свидетельствует о значительной дидактической нагрузке «Исповеди влюбленного».

Дидактическая задача автора включает два аспекта: научить распознавать добродетели и грехи, а также составить программу надлежащего обучения правителя. Произведение разделено на книги в зави-

³ «Do write anew some things of worth... So that such in like manner might, Remain for all the world to hear/ In ages following our own» (здесь и далее подстрочный перевод мой – С. А.).

⁴ «Thus all man's qualities we see/ Remind us that this life of his/ A world in miniature is,/ And when his world disaster courts,/ The world at large is out of sorts... That man's the cause of every woe,/ And why this world's divided so».

⁵ «My father, I my guilt admit,/ Medusa I have seen, and I/Am thus without excuse: for my/ Unhappy heart has turned to stone...».

⁶ «I'm guilty, father, there I fear,/ For at my lady's voice refined,/ I can no longer steer my mind».

симости от обсуждаемого греха и его проявлений, седьмая книга посвящена образованию принцев⁷. Книги построены на описании греха и примеров его проявления и наказания, а также противопоставляемой ему добродетели. Сюжеты рассказов подчинены одной цели, хотя их многообразие часто уводит от сюжета обрамления, и читатель не всегда может вспомнить, о каком грехе идет речь. Содержание седьмой книги теоретическое, раскрывает научную основу мудрости Александра Великого. Перечисление теоретических и практических аспектов средневековой философии доказывает разносторонние интересы Джона Гауэра: «отступления в «Исповеди», касающиеся тем о науке, псевдонауке, образовании, политической теории и им подобных, зачастую вызывают у нас больший интерес, чем известные рассказы, содержащие их обсуждение» [7, с. 224]. Цель героя и автора достигнута в конце произведения – после исповеди Аманс прозревает и отказывается от земной любви в пользу духовной, король обеспечивает и поддерживает мир и согласие с помощью любви. Эти две аллегорические темы объединяют произведение.

Джон Гауэр освещает тему любви в нескольких аспектах. В более широком смысле любовь подразумевает отсутствие войн, раздора, она соотносится с политической и религиозной нравственностью и всеобщей добродетелью. Автор также видит в любви необузданную стихию, неподдающуюся разуму: «Влюбленный не может владеть собой,/ Поскольку законам любви не обучают... / Нет в мире мудрецов,/ Которые могли бы создать любовное снадобье/ В правильном соотношении,/ Так как любовь возникает по воле случая»⁸ [1]. Ей может управлять как фортуна, так и человек. Но и ее можно обуздать, как это делает повествователь в итоге. Любовь у Джона Гауэра охватывает взаимоотношения между людьми. Аллегория любви является для Джона Гауэра средством наставления великих людей в различении добродетели и порока. Как утверждает П. Николсон, поэт оправдывает место любви в мире и посвящает свою поэму отнюдь не отречению от нее, он помогает людям найти утешение в нашей природной склонности к ошибкам и изменчивости даров любви [8, с. 394].

Таким образом, Джон Гауэр выстраивает сложную аллессию на противопоставлении старого и нового, добродетели и порока, любви духовной и чувственной. Аллегорическая интерпретация грехов любви, проецирующаяся на общественные недостатки, создает крепкий внутренний стержень «Исповеди влюбленного».

Многие исследователи отмечают искусственность сюжета обрамления «Исповеди влюбленного», сухой дидактизм, строгую мораль Джона Гауэра и, казалось бы, не замечают поиск поэта способов его разнообразить с целью наиболее эффективного воздействия на читателя. В прологе «Исповеди влюбленного» поэт объявляет о своем намерении соединить полезное с приятным: «Если Вы согласны, я буду/ Придерживаться середины,/ Иногда буду писать о серьезном/ И иногда ради развлечения/ Буду следовать по более легкому пути удовольствия,/ Чтобы каждый смог найти здесь что-то приятное»⁹ [1]. Традиционное для повествовательных сборников сочетание забавного и серьезного нацелено на широкую аудиторию. Поэтому поэт выбирает в качестве «приятного» обсуждение темы любви и поведения влюбленных. Образ страдающего влюбленного Аманса, который описывает то, что происходит со слугой Венеры и Амура, придает произведению некоторую достоверность. Однако типичность ситуаций и образов влюбленных свидетельствует о второстепенности сюжетной линии обрамления, отнесенной дидактизмом¹⁰. В качестве самого действенного примера для поучения повествователь выбирает свой собственный опыт отношений с возлюбленной: «Чтобы каждый влюбленный услышал,/ Как я шаг за шагом буду/ Писать о моей самой тяжелой боли,/ Моем печальном дне, моей печальной судьбе... Я просто покажу Вам,/ Как в мою жизнь пришла любовь»¹¹ [1]. Повествование представлено в форме исповеди, характерного для средневековой религиозной литературы жанра. Джон Гауэр обращается к такой функции литературной исповеди, как вымысел. По замечанию К.М. Мейер, именно исповедь помогает ввести вымышленный образ Аманса и создать множественность голосов [9, с. 38]. Мастерство Джона Гауэра проявляется в соединении элементов исповеди и проповеди, оснащаемой большим количеством иллюстрационного материала. Одной из особенных функций «примеров», отмечаемых Дж.А. Мошером, является пробуждение интереса у читателей [10]. Для адресата повествований, будь то вымышленный Аманс или читатель произведения Джона Гауэра, «примеры» являются наиболее эффективным способом понять мо-

⁷ что также указывает на отголоски традиции восточных сборников («Панчатантра», «Калила и Димна» и др.), в которых образование правителей является основой обрамляющего сюжета.

⁸ «In love no man himself can rule,/ For love's laws are not taught in school;/ For fanning high or low love's flame/ Man only has himself to blame,/ And in this world there is no man/ So wise that he love's potion can/ Precisely mix to yield romance,/ For it is stirred by random chance».

⁹ «If you agree I'll choose to go/ Along a kind of middle ground/ Sometimes I'll write of things profound,/ And sometimes for amusement's sake/ A lighter path of pleasure take/ So all can something pleasing find».

¹⁰ Поэтому герой Джона Гауэра исповедуется в своих грехах, а не обвиняет в них богов любви, как это делает архи-пресвитер из Иты в испанском повествовательном сборнике («Книга благой любви» (1343) Хуана Руиса).

¹¹ «To every lover listen well/ As point by point I shall explain/ And write of my most woeful pain,/ My woeful day, my woeful fate... And open plainly to your sight/ How love upon my life did dawn».

раль: «Но если бы Вы могли поведать мне/ Рассказ, чтобы пролить свет/ На третье проявление греха Гордыни./ Это было бы намного полезнее»¹² [1].

Исследователи отмечают особенность обращения поэта с жанром «примеров». Достижением Джона Гауэра является сочетание религиозного начала, присутствующего в описании грехов и добродетелей, и литературного (адаптация мифологических сюжетов вставных рассказов), производимое на основе обыгрывания темы любви христианской и чувственной: «Возможно, Гауэр <...> сделал наиболее примечательную попытку повернуть “пример” в светское русло или, лучше сказать, поместить светский рассказ в океан “примеров”. Несмотря на то, что рассказы “Исповеди влюбленного” имеют сходство с моральными пояснениями, они выходят далеко за границы рассматриваемого жанра» [10]. Фактически поэт использует только саму идею «примера», его форму, наполняя новым содержанием о необходимости общего взаимодействия. Также поэт включает в пролог элементы видения, плача, социальной критики. Такое смешение жанров, по мнению В.В. Суховой, не только «подчеркивает взаимное проникновение жанров как основную тенденцию светской литературы конца XIV века и сюжетную вариативность» «Исповеди влюбленного», но также играет важную роль в понимании авторского замысла сборника [4, с. 13]. Такой путь ведет Джона Гауэра к единству на основе жанрового синтеза и стиля. Например, Х. Купер комментирует стилистические способности поэта следующим образом: «В рамках жанра Гауэр также сводит все повествования к общему центру, в котором однородность стиля сглаживает типологические различия, обусловленные жанровой природой отдельных рассказов» [2, с. 40].

Еще одним принципом достижения внутреннего единства и выражения авторского мнения является раскрытие/сокрытие образа автора. Авторское мнение выражается главным героем Амансом и его собеседником. Гений непорочен, его слова читатель воспринимает как должное. Его функция однозначная морализаторская. Главный герой является обычным человеком, которому свойственно ошибаться. На примере трансформации Аманса Джон Гауэр представляет более развитый механизм характеристики: внутреннее незнание главного героя, с начала произведения противопоставляемое всезнанию Гения, кардинально изменяется в конце сборника в результате самопознания как элемента исповеди. Аманс в конце произведения побеждает в себе страсть, показывает на собственном примере, как это надо делать всем людям. По мнению К.С. Гитс, такой духовный рост достигает в «Исповеди влюбленного» наивысшей степени интенсивности по сравнению с другими сборниками (например, «Амето» Дж. Боккаччо и др.) и играет объединяющую роль в сюжете обрамления [11, с. 99]. Характерной чертой повествовательных сборников является применение приемов сокрытия автора. Так, в конце восьмой книги читатели узнают, что за главным героем Амансом прячется автор книги. Исследователи отмечают применение элементов автобиографии в отождествлении образа постаревшего Аманса и поэта, которому на момент создания «Исповеди влюбленного» исполнилось 60 лет. Однако это мог быть лишь художественный прием, необходимый для введения включенного наблюдателя и рассказчика для большей достоверности. Джон Гауэр отдаляет себя от других и становится, по мнению М. Шлаух, неким наблюдателем, глубоко заинтересованным в благополучии человечества [7, с. 224].

Так, П. Николсон делает вывод о масштабности поэмы: «В «Исповеди» заключена гораздо более значительная мудрость, трудно достигаемая в мире жизненного опыта и более полезная как для жизненных испытаний, так и для спасения души читателей» [8, с. 394]. Джон Гауэр обращает внимание на многие вопросы политической, религиозной и культурной жизни. Он осуждает церковь за участие в войнах, крестовых походах, осуждает лоллардизм. Темы, затрагиваемые Гением, касаются не только христианской морали, но также и норм поведения на каждый день, и политической грамотности.

Как видно из содержания и формы восьми книг «Исповеди влюбленного», основной целью автора является постановка перед читателем вопросов, требующих его реакции: «Вопросы, которые ты услышишь от меня./ Сын мой, будут очень простыми и ясными./ И тебе решать./ Как они относятся к исповеди»¹³ [1]. «Поэму, – также утверждает Р.А. Пек, – лучше рассматривать как ряд последовательных вопросов, чем сборник ответов» [3]. Для осуществления своего замысла поэт целенаправленно выбрал нравственный «пример» в качестве жанра для обрамленных повествований. В обрамленном сборнике автор обычно делает ударение на вставных рассказах. А поскольку нравственный «пример» требует индивидуального осознания, его выдвижение на первый план подтверждает стремление Джона Гауэра побудить свою аудиторию к поиску ответов.

Заключение. Создаваемое Джоном Гауэром разнообразие сюжетов, жанров отражает многообразие человеческой жизни, имеет единый стилистический центр, подчинено художественной задаче автора – найти живой отклик у читателя. Единство «Исповеди влюбленного» основывается на сложной

¹² «But if there's any tale you might/ Relate to me to shed some light/ Upon this, Pride's vice number three, /It would most beneficial be».

¹³ «The questions that from me you'll hear/ My son, will be most plain and clear,/ So that you may appreciate/ How to confession they relate».

аллегорической системе, объединяющей противопоставляемые уроки древних времен и опыт современности поэта, сферу светского и религиозного, сферу личного и общественного. Единство отмечается на жанровом уровне, а также на структурном. Рамочное обрамление имеет развитую сюжетную линию, в которой возможна более полная характеристика главного героя. Целостность книги отражает мнение Джона Гауэра, высказываемое им в прологе и подытоживаемое в эпилоге, о необходимости для жизни человека единства души и чувств, для жизни государства – единства деятельности трех рассматриваемых общественных сфер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gower, J. *Confessio Amantis* / J. Gower // *Modern English Version* by Richard Brodie, 2005. Text Adapted from: *The English Works of John Gower*; ed. G.C. Macaulay, EETS e.s. 81–82 (London, 1900–01) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.richardbrodie.com>. – Date of access: 12.04.2011.
2. Cooper, H. *The Structure of the Canterbury Tales* / H. Cooper. – London: Gerald Duckworth & Co. Ltd., 1983. – 256 p.
3. Peck, R.A. Introduction / R.A. Peck // *Confessio Amantis* by John Gower. Vol. 1; ed. by R.A. Peck, translated by A. Galloway, 2006 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://d.lib.rochester.edu/teams/text/peck-gower-confessio-amantis-volume-1-introduction>. – Date of access: 12.04.2011.
4. Суховая, В.В. Об особенностях и роли пролога в «Исповеди влюбленного» Джона Гауэра / В.В. Суховая // *Від бароко до постмодернізму: зб. наук. пр. / редкол.: Т.М. Потніцева (відп. ред.) [та інш.]*. – Д.: Вид-во ДНУ, 2008. – Вип. XII. – 290 с.
5. Mitchell, J.A. *Ethics and Exemplary Narrative in Chaucer and Gower* / J.A. Mitchell // *Chaucer Studies*. Vol. 33. – GB: St Edmundsbury Press Limited, Bury St Edmunds, Suffolk, 2004. – 158 p.
6. Суховая, В.В. Своеобразие жанра видения в средневековой поэме Джона Гауэра «Исповедь влюбленного» / В.В. Суховая // *Література в контексті культури (збірка наук. пр.)*. Вип. 18.; ред. кол.: В.А. Гусев (відп. ред.) [та інш.]. – Д.: Вид-во ДНУ, 2008. – 320 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.info-library.com.ua/books-book-194.html>. – Дата доступа: 19.11.2012.
7. Schlauch, M. *English medieval literature and its social foundations. Revised reproduction* / M. Schlauch. – London: Oxford University Press, 1967. – 366 p.
8. Nicholson, P. *Love and Ethics in Gower's Confessio Amantis* / P. Nicholson. – The University of Michigan Press, 2005. – 471 p.
9. Meyer, C.M. *Producing the Middle English Corpus: Confession and Medieval Bodies* / C.M. Meyer: Dissertation ... in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. – The University of Texas at Austin, 2006. – 342 p.
10. Mosher, J.A. *The Exemplum in the Early Religious and Didactic Literature of England* / J.A. Mosher. – Columbia University Press, 1911 [Electronic resource]. – Mode of access: http://archive.org/stream/exempluminearly00mosh/exempluminearly00mosh_djvu.txt. – Date of access: 12.06.2013.
11. Gittes, K.S. *Framing the Canterbury tales: Chaucer and the medieval frame narrative tradition* / K.S. Gittes. – New York: Greenwood Press, 1991. – 174 p.

Поступила 27.12.2013

CONFESSIO AMANTIS BY JOHN GOWER: COHERENCE IN DIVERSITY

A. SMULKEVICH

The present article studies one of the crucial literary works in medieval English literature "Confessio Amantis" by John Gower who was a master in blending literary traditions. The article aims at the analysis of means to create a coherent work within the XIVth story-collection tradition. Traditional means include combination of serious and playful tones as well as the use of devices to make a multiple author voice. A conclusion is made that the poet develops the frame using a detailed description of its main character and introducing a complex allegory to unite various plots, subjects and genres. As for genre synthesis John Gower skilfully combines religious and secular (literary) sources. Stylistic unity of the work under consideration reflects its notional coherence that is based on the poet's design to balance social and individual interests, to depict the diversity of human life the basis for which are peace and love understood in the wide sense.

УДК 821.112.2

**ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА РАССКАЗА И.В. ГЁТЕ «ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ МУЖЧИНА»:
ОТ МОРАЛИСТИЧЕСКОГО РАССКАЗА К НОВЕЛЛЕ****Л.И. СЕМЧЁНОК***(Полоцкий государственный университет)*

Исследуется жанровое своеобразие одного из вставных рассказов романа И.В. Гёте «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1829). Продолжительный период создания произведения привел к изменению его тематики, проблематики, а также формальной организации материала. Из моралистического рассказа, демонстрирующего основную идею романа (принцип самоотречения), он превратился в новеллистическое повествование, в центре внимания которого – момент осознания героиней своей внутренней сущности. Двойственность жанровой природы рассказа обусловила невозможность его художественного завершения в качестве самостоятельного произведения и потребовала от писателя введения героев рассказа в повествовательную канву романа.

Введение. Рассказ И.В. Гёте «Пятидесятилетний мужчина» занимает в романе «Годы странствий Вильгельма Мейстера» особое положение. В редакции 1829 года история пожилого майора расположена непосредственно за эпизодом посещения Вильгельмом педагогической провинции. Это дало повод многим исследователям¹ увидеть в самом рассказе иллюстрацию воспитательной концепции, изложенной главой ранее в более теоретизированном виде. Из всех вставных рассказов романа именно «Пятидесятилетний мужчина» чаще других становился объектом литературоведческих исследований. Авторы большинства работ отмечают присутствие в нём целого ряда элементов, противоречащих природе новеллистического жанра, но тем не менее включают «Пятидесятилетнего мужчину» в свои монографии по истории развития жанра новеллы².

В то же время известный немецкий исследователь Бенно фон Визе, отмечая неповторимую формальную организацию материала (именно она, по его мнению, и определяют принадлежность данного рассказа к жанру новеллы), указывает на близость гётевской истории «популярным в XVII–XVIII веках моралистическим рассказам» [1, с. 29]. Обозначенная исследователем двойственность жанровой природы обусловлена, на наш взгляд, двумя факторами: с одной стороны, историей создания «Пятидесятилетнего мужчины», а с другой – особенностями функционирования этого рассказа в рамках художественного мира романного целого. Остановимся подробнее на каждом из отмеченных моментов.

Основная часть. «Пятидесятилетний мужчина» создавался Гёте на протяжении достаточно длительного промежутка времени. Первые упоминания о нем содержатся в дневниковой записи писателя за 5 октября 1803 года, а окончательный вариант был представлен на суд читателей лишь во второй редакции романа о Вильгельме Мейстере в 1829 году, т.е. четверть века спустя. Многолетняя работа над историей женитьбы пожилого майора привела к изменению первоначального замысла, о чем свидетельствует проведенный нами сравнительный анализ черновиков истории пятидесятилетнего мужчины. Записи эти датируются 1807–1810 годами [2, с. 814]. Обнаруженные нами отклонения сюжетной канвы рассказа от первоначальной схемы привели к изменениям как на уровне тематики и проблематики, так и на уровне формальной организации повествования. С этой точки зрения назовем лишь некоторые из них.

Главный герой рассказа – пятидесятилетний майор, «ожидающий в недалеком будущем отставки», предстает перед читателями окончательной версии рассказа человеком хоть и не молодым, но весьма деятельным, полным жизненных сил и планов. Завлечение о судьбе близких людей заставляла майора вести довольно подвижный образ жизни, а светский такт и изящные манеры увлекли его в пути «весьма приятных отношений» с прекрасной вдовушкой. Совершенно иным рисуется образ главного героя черновых схем. К приступу подагры, неожиданно подкосившему протагониста, добавляются проблемы с внешностью, возникшие из-за неумелого применения косметических средств. И вот молодой старик вынужден избегать женского общества уже в пору своего жениховства. (Согласно гётевскому плану эти эпизоды обозначены как «подагра дает о себе знать», «неверное использование косметических средств»,

¹ См. Trunz, E. Anmerkungen // J.W. Goethe. Romane und Novellen III / Goethes Werke. Hamburger Ausgabe in 14 Bänden. – München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1998. – Band 8: Romane und Novellen III. – S. 620.
Henkel, A. Entsagung. Eine Studie zu Goethes Altersroman / A. Henkel. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1964. – 171 S.;
Klingenberg A. Das Individuum / A. Klingenberg // Goethes Roman «Wilhelm Meisters Wanderjahre der Entsagenden». – Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1972. – S. 126–150.

² См. Himmel, H. Geschichte der deutschen Novelle / H. Himmel. – Bern: Francke, 1963. – 545 S.; Lockemann, F. Gestalt und Wandlungen der deutschen Novelle / F. Lockemann. – München: Max Hueber, 1957. – 390 S.; Kunz, J. Die deutsche Novelle zwischen Klassik und Romantik / J. Kunz. – Berlin: Erich Schmidt, 1966. – 164 S.

«уклонение от общения с женщинами» [2, с. 816]³, в более позднюю редакцию они не вошли). Очевидное акцентирование мотива физической немощи главного героя указывает на то, что на начальном этапе идейно-смысловая сторона повествования сводилась лишь к проблеме неравного брака, противоречащего естественным законам природы. Такой идейной наполняемостью вполне соответствовала и временная организация описываемых событий. Лишь в более поздней версии «прекрасный *осенний*⁴ день» уступит место «саду, стоящему в пышном *весеннем* убранстве» [3, с. 150–151]. А описание юношеских лет протагониста будет заменено искренней верой майора в «возврат своей весны».

Обращает на себя внимание и принципиальное изменение характера родственных связей, объединяющих всех членов семейства. На первом этапе работы над материалом Антония (Гилария) приходилась сватавшемуся к ней майору внучкой, что служило дополнительной возможностью подчеркнуть абсурдность и противоестественность сложившейся ситуации. Однако позднее Гёте превращает её в племянницу майора, смягчая тем самым возрастные различия будущих супругов и перекладывая внимание читателей в сторону иного проблемного поля. Тем более что наметившиеся к концу первой части семейные союзы (Гиларии и майора, Флавио и прекрасной вдовушки), в которых один из супругов был на порядок старше другого, не представляли во времена Гёте явления исключительного и «противоестественного» [4, с. 37]. Достаточно вспомнить разницу в возрасте между родителями писателя: мать Гёте была на двадцать один год моложе отца. Да и сам Гёте долгие годы прожил с женщиной (Кристианой Вульпиус), которая была моложе его на шестнадцать лет.

В окончательной редакции проблема неравного брака уступает место вопросам самоидентификации человека, его готовности принять себя таким, каков он есть, вне зависимости от существующей социальной действительности. Повествователя занимает не сама ситуация двойного обмена невестами между отцом и сыном, а обусловленная центральным событием переоценка принятых норм и представлений. По-настоящему «неслыханными происшествиями» [5, с. 215] становятся внезапное нежелание Гиларии дать своё согласие на брак с Флавио, а также внутреннее преображение прекрасной вдовушки. Именно эти эпизоды заключительной главы рассказа новеллистичны по своей природе, ибо «необычное» в новелле есть нарушение традиции, отклонение от упорядоченного и регламентированного мироустройства, расширение прежней ценностной картины взаимоотношения человека и мира. Влюбленность молодой и неопытной девушки в умудренного жизненным опытом майора, желание пожилого мужчины на склоне лет обрести семейное счастье, увлечение юного офицера светской красавицей, зарождение сердечной привязанности между двумя молодыми людьми – все эти происшествия вполне укладывались во внутренне завершённую картину мира моралистического рассказа и были заранее предсказуемы. Неслучайно уже в первой главе баронесса не может заглушить в своей душе «тревожного предчувствия, вызванного разницей в возрасте у той и другой четы» [3, с. 170]. Углубление и расширение центрального конфликта происходит в рассказе благодаря целому ряду ситуаций, прямо и косвенно указывающих на ошибочность принятого майором решения. Не будь история пятидесятилетнего мужчины дополнена эпизодом отказа Гиларии выйти замуж за молодого барина, повествование с полным правом можно было бы отнести к жанру моралистического рассказа с характерной для него циклической схемой построения сюжета. Лишь категорическое нежелание девушки дать свое согласие на брак препятствует возвращению героев к исходной ситуации равновесия.

В тот момент, когда брат с сестрой «не могли не признать, что окольным путем пришли к цели, т.е. приблизились к тому, от чего неосмотрительно отошли», «милое дитя» разрушает родительские планы. При этом Гилария несколько не считает с тем, находится ли её решение в согласии с «внешним миром или нет» [3, с. 194]. Не раз подчеркиваемая повествователем общность взглядов всех членов благородного семейства внезапно ставится под сомнение. Если для матери как носительницы ценностной системы традиционного общества отказ дочери «лишь прихоть» [3, с. 194], необъяснимая с точки зрения «пользы и необходимости», то для Гиларии – это момент истины, попытка найти себя, самоутвердиться, вырваться из предначертанной ей социальной роли сохранения и приумножения фамильного наследства.

Уже в первых дневниковых записях Гёте именует свой рассказ не иначе как историей пятидесятилетнего мужчины. Именно под таким названием он и входит в окончательную редакцию романа. Но если в первых двух частях внимание повествователя действительно сфокусировано на образе майора, то настоящими героями третьей части становятся молодые представители почтенного семейства. Более того, именно Гилария и прекрасная вдовушка становятся героинями следующей за новеллой главы, повествующей о паломничестве Вильгельма на родину Миньоны. В отличие от остальных героев рассказа «Пятидесятилетний мужчина», образ Гиларии переживает в романе разительные метаморфозы. Путешествуя по Лаго Маджоре, она знакомится с Вильгельмом и его другом-художником. Благодаря умелому руководству последнего Гилария «научается жертвовать частностями ради целого» [3, с. 209], «не робеть и не теряться в деталях», осознает, что «нужно быть смелее», и «дело не в том, похвалят тебя или нет» [3, с. 208]. И лишь после того, как молодая девушка обрела уверенность в себе, она дала свое согласие на брак с Флавио.

³ Здесь и далее при ссылке на немецкие источники перевод мой – Л. С.

⁴ Здесь и далее курсив мой – Л. С.

Поворотным пунктом, центральным событием в судьбе героини становится эпизод неожиданной встречи с майором во время катания на коньках по замерзшему озеру. Водная образность всегда ассоциировалась у Гёте с началом стихийным, своенравным, не поддающимся регламентации. Оно вторгается в жизнь человека и может изменить её самым непредсказуемым образом. Ледяная поверхность под ногами влюбленных, несмотря на всю свою твердость, остается производной всё той же неуправляемой водной стихии, во власти которой так легко потерять равновесие. Молодая чета, отдавшаяся при свете луны во власть природного начала, оказывается лишенной системы культурных кодов, традиционно регламентирующей отношения в обществе. Все действия влюбленных носят спонтанный характер и идут не от разума, а от сердца. Гилария теряет равновесие и падает наземь, а Флавио «в тот же миг опускается на колено и прижимает к груди её голову». В ответ девушка инстинктивно прячет лицо, не понимая, что с ней происходит [3, с. 188]. Внезапное осознание героиней «возможности совершенно иной жизни» [6, с. 134–135] настолько её потрясает, что она на долгие дни запирается у себя в комнате, а затем с непоколебимой решимостью отказывается подчиниться родительским планам, «настаивая на неуместности и даже преступности предлагаемого брака» [3, с. 193].

Драматизм ситуации, в которой оказалась героиня, состоял не только в том, что симпатия девушки склонилась в сторону другого, а в том, что оба претендента на роль жениха были связаны между собой родственными узами и, что особенно важно, во многом походили один на одного. Отсюда и неуверенность Гиларии в истинности своих чувств. Если её любовь к майору была определена проекцией «материнского пристрастия» к брату, то развитие отношений с Флавио сопровождалось постоянным смущением от осознания фамильного сходства между портретом отца в молодости и сыном, находящимся рядом «во плоти» [3, с. 185]. Иначе говоря, к чувствам Гиларии постоянно примешивается нечто внешнее, ставящее под сомнение их истинность. Не рассеяло этого сомнения и материнское толкование влюбленности дочери то в майора, то в Флавио. Хвалебные доводы баронессы в пользу племянника сводились к следующим пунктам: его внешнему сходству с отцом, преимуществам, которые давала ему молодость, и что самое главное, финансовой заинтересованности обоих семейств в состоявшейся много лет назад помолвке. Едва ли подобные объяснения могли помочь дочери разобраться в своих чувствах. «Милое дитя» одинаково искренне любило и деятельного майора, и Флавио, обещавшего «со временем стать совершенным воплощением отцовского образа». Взрослея, Флавио действительно становится похож на своего отца. Именно таким он и предстает перед читателями в заключительных главах рамочного повествования. Это уже не прежний снедаемой страстью молодой офицер, упивающийся лирической поэзией. Теперь он богатый помещик, сочинитель торжественных од. И хотя хозяева любезно соглашались послушать его стихи, но делают это «без всякой охоты», так как не узнают из них «ничего нового», не испытывают «никаких новых чувств» [3, с. 380]. Взрослея, Флавио словно теряет свою индивидуальность, все больше и больше сливаясь с образом собственного отца. Именно такой Флавио и завладевает целиком чувствами Гиларии.

В первой редакции романа (1821) рассказу «Пятидесятилетний мужчина» предшествовало письмо Герсильи к Вильгельму, не вошедшее в окончательную версию. Упрекнув адресата в нежелании дать подробный отчет о судьбе смуглолицей девушки, Герсилья посылала ему в отместку рассказ, с героинями которого он должен был в дальнейшем встретиться на родине Миньоны. Свое послание девушка предваряла словами «Так кем же на самом деле являются персонажи рассказанной истории? Отрекающимися или надеющимися?» [7, с. 105]. Сюжетная незавершенность повествования предоставляла Вильгельму, а вместе с ним и читателям самые различные варианты ответа на поставленный вопрос. Некоторую ясность вносил включенный в рамочное повествование эпизод посещения членами почтенного семейства дома Макарии. «Чрезвычайной чести» побеседовать наедине с «этой необыкновенной женщиной» была удостоена лишь прекрасная вдовушка с супругом-майором. Поведение же Гиларии во всей этой истории было квалифицировано членами союза отрекающихся как «провинность», «грех», о котором хоть и не «поминали», но который не позволил красавице оказаться в числе избранных. И, действительно, кокетливая ветреница заключительных глав романа совершенно не похожа на прежнее «прекрасное дитя», которое испытывало некогда «нежную робость перед возлюбленным» [3, с. 150] и заботилось в угоду ему обо всем, «вплоть до самой мелочи». В этом контексте весьма показательным является тот факт, что имя главной героини было изменено Гёте в процессе работы над материалом. Некогда именовавшаяся Атонией она вдруг становится Гиларией. В рамках ценностной системы моралистического рассказа исправления подобного рода выглядят чистой формальностью, а вот с точки зрения новеллистической проблематики весьма значимы. Гилария в переводе с латинского – «веселая», «жизнерадостная». Именно такой она и предстает перед читателем в заключительных главах романа, человеком, нашедшим себя и принявшим себя таким, каков он есть.

Выведение героев новеллы за рамки рассказанной истории, включение их в повествовательную канву романа представляло собой попытку проследить, каким образом необычное событие, оставшееся в прошлом, становится частью настоящего. Единичный случай, необычная история, случившаяся с членами одного отдельно взятого семейства, утрачивает свою замкнутость и вступает в соприкосновение с «непрерывно становящейся действительностью» [8].

Образовавшиеся на страницах рамочного повествования семейные пары во многом напоминают другое произведение Гёте, создававшееся параллельно с рассказом «Пятидесятилетний мужчина». Речь

идет о романе «Избирательное сродство», который был задуман в качестве вставной новеллы «Годов странствий» и лишь затем разросся до самостоятельного произведения. В романе, как и в рассказе, Гёте вновь обращается к судьбам четырех персонажей, противопоставленных друг другу по принципу их восприимчивости к власти природного начала. Благоразумие и умение подчиняться обстоятельствам роднят майора и капитана, прекрасную вдовушку и Шарлотту. Примечательно, что носителями идеи рационального преобразования мира и в первом и во втором случае Гёте делает людей военных, по долгу службы прививающих себе привычку подчинения вышестоящим чинам. Более того, подчеркивая типичность персонажей, автор лишает их имен собственных, ограничиваясь лишь указанием их социального статуса.

Иначе обстоит дело с сыном майора, Флавио. Автор не только наделяет его именем, но и вводит дополнительный эпизод, характеризующий легкомысленное отношение юноши к своим воинским обязанностям. Будучи охваченным приступом любовного безумия, он «второпях покинул гарнизон, даже не испросив отпуска» [3, с. 184]. О последствиях такого шага он задумался лишь тогда, когда к нему вернулся «трезвый рассудок». Симпатия, возникшая между молодым человеком и Гиларией, не столько следствие возрастной близости персонажей, сколько результат действия все того же закона «избирательного сродства». Близость молодых людей природной стихии символически представлена в сцене ночного катания влюбленных по замерзшему озеру. В волнах вероломной стихии погибает ребенок Эдуарда и Шарлотты, на фоне осеннего половодья происходит сближение Гиларии и Флавио.

Заключение. Подводя итог сказанному, еще раз отметим двойственный характер жанровой природы рассказа Гёте «Пятидесятилетний мужчина», сочетание в нем элементов моралистического и новеллистического повествования. Предпринятые в ходе работы над материалом изменения тематической стороны повествования привели к значительному усложнению ценностно-смысловой картины мира. Из рассказа, иллюстрирующего основную воспитательную идею романа – принцип самоограничения и отречения, он постепенно превратился в повествование, несущее в себе элементы полемики с этой идеей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wiese, B. v. Johann Wolfgang Goethe. Der Mann von fünfzig Jahren / B. von Wiese // Die deutsche Novelle von Goethe bis Kafka. Interpretationen II. – Düsseldorf: Bagel, 1965. – S. 26–52.
2. Einzelschema zum «Mann von fünfzig Jahren» // J.W. von Goethe. Sämtliche Werke, Briefe, Tagebücher und Gespräche. Abt. 1, Sämtliche Werke Bd. 10 / Hrsg. von Gerhard Neumann u. Hans-Georg Dewitz. – Frankfurt am Main: Dt. Klassiker-Verl., 1989. – S. 814–818.
3. Гёте, И.В. Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся / И.В. Гёте // Собр. соч.: в 10-ти т. Т. 8; пер. с нем. С. Ошерова; под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта; коммент. А. Аникста. – М.: Худож. лит., 1979. – 462 с.
4. Dane, Cesa. «Die heilsame Toilette»: Kosmetik und Bildung in Goethes «Der Mann von fünfzig Jahren» / Cesa Dane. – Goettingen: Wallstein-Verl., 1994. – 218 S.
5. Эккерман, И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / И.П. Эккерман; пер. Н. Ман. – М.: Худож. лит., 1981. – 687 с.
6. Женетт, Ж. Работы по поэтике. Фигуры: в 2-х т. / Ж. Женетт. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – 472 с.
7. Goethe, J.W. Wilhelm Meisters Wanderjahre (Erste Fassung, 1821) / J.W. Goethe // Sämtliche Werke / J.W. von Goethe. Frankfurter Ausgabe. Abt. I, Bd. 10. Wilhelm Meisters Wanderjahre. Hrsg. v. Gerhard Neumann und Hans-Georg Dewitz. – Frankfurt: Deutscher Klassiker Verlag, 1989. – S. 11–259.
8. Бахтин, М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.

Поступила 20.12.2013

THE GENRE CHARACTER OF THE “FIFTY-YEAR OLD MAN” SHORT STORY BY J.V. GOETHE: A MORALISTIC SHORT STORY INTO A NOVELLA

L. SIAMCHONAK

The genre peculiarities of an inset short story in Wilhelm Meister's Apprenticeship (1829) by J.V. Goethe are analyzed. A long period of creation led to the changes in subject area, problem, and formal organisation of the text. A moralistic story illustrating the main idea of the novel (self-denial principle) turned into a novellistic narrative with the protagonist realizing her inward nature in the limelight. The genre ambiguity of the story made it impossible to bring it to a close as a self-contained work of literature, and the author had to include the characters of the short story into the novel storyline.

УДК 821.111(73)-32

**ЧЕРТЫ НАТИВИСТСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. ГОТОРНА 1830–1840-х ГОДОВ****Е.И. БЛАГОДЁРОВА***(Полоцкий государственный университет)*

Рассмотрены некоторые черты эстетики нативизма в малой прозе Н. Готорна, в частности описания природы и коренных жителей Америки. Готорн так же, как и многие другие американские романтики, описывал разнообразную природу своей страны, восхищаясь ее красотой и естественностью. Указывается на различие во взглядах Н. Готорна относительно индейцев и их наследия в разные периоды творчества. Показано, что в ранних рассказах писателя прослеживается скептическое отношение к романтизации индейской тематики, а в более поздних заметны мотивы идеализации естественной жизни и, соответственно, индейцев как людей, наиболее приближенных к ней. Автор приходит к выводу о том, что помимо исторической тематики, в малой прозе Н. Готорна присутствуют и другие, характерные для нативизма черты.

Введение. В период раннего этапа американского романтизма в литературе США преобладала тенденция к «открытию» и освоению Америки. История родной страны, коренные жители, живописная природа, жизненные уклады в различных регионах Америки оказались в центре внимания не только историков, этнологов и географов, но также и американских поэтов и прозаиков. Известный российский исследователь литературы США Ю.В. Ковалёв предложил обозначить данное культурное и литературное движение, включающее всестороннее изучение Америки, термином «нативизм» [1, с. 27] (производное от англ. слова «native», переводимого как «исконно присущий; природный; естественный»).

Расцвет нативизма в американской литературе приходится на 20–30-е годы XIX века, когда многие писатели вслед за В. Ирвингом и Ф. Купером, которые по праву считаются основателями и выдающимися представителями данного движения в романтической литературе Америки, стали описывать природу родной страны, жизненный уклад индейских племен, исторические события, морскую жизнь, быт поселений фронта. Нативисты стремились показать своеобразие природного и социального ландшафта Америки путем сбора, изучения, описания материала, мыслимого как специфически американский: от наследия доколумбовой эпохи до характерных современных черт, и тем самым создать национальную американскую литературу, не подражая европейским образцам. К данной группе писателей относится и Н. Готорн, который, хотя и считается представителем периода позднего американского романтизма, создал большую часть своих произведений малой прозы в 30-е годы XIX века (67 из 96) и внес свой вклад в развитие нативистской литературы.

Основная часть. Внимание к природе как источнику духовного и психологического обновления было одной из важных тем в романтизме. Американские романтики так же, как и британские, видели во взаимодействии с природой средство вернуться в состояние детской наивности, неиспорченности цивилизацией.

Следует отметить, что восхищение красотами природы не всегда было характерно для жителей Америки, их отношение к ней менялось с течением времени. Пуритане, к примеру, рассматривали дикую природу Америки как варварское, пугающее, враждебное по отношению к человеку явление. Уильям Брэдфорд, один из первых колонистов-пуритан, впоследствии губернатор Плимутской колонии, в «Истории поселения в Плимуте» («Of Plimoth Plantation») охарактеризовал окружающую их природу как «*a hideous and desolate wilderness, full of wild beasts and wild men. ... the whole country, full of woods and thickets, represented a wild and savage hue*» [2, р. 27] («*внушающая ужас, заброшенная, дикая местность, наводненная дикими зверями и дикарями. ... весь край, состоящий из лесов и зарослей, являл собой дикое, первобытное зрелище*») (здесь и далее при отсутствии ссылки на русское издание перевод наш – Е. Б.). В проповедях новоанглийских священников в середине XVII века часто звучала тема дикой природы как противопоставление возделанному саду или раю.

Однако к концу XVIII – началу XIX века отношение к природе кардинально изменилось во многом благодаря влиянию европейских идей. В частности, в Англии появилась работа Э. Бёрка (E. Burke) «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» («A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful», 1757), в которой выдвигалось предположение о том, что, созерцая великолепие природных пейзажей (горных массивов, водопадов, бескрайних лесов и т. д.), человек испытывает сильные эмоции, в том числе и благоговейный трепет или чувство возвышенного («sublime»), которое есть не что иное, как проявление бесконечной божественной власти [3]. Таким образом, природа приобретала глубокий духовный смысл в сознании американцев, и они стали соотносить пейзажи своей страны с новым Эдемом.

Многие американские писатели и поэты воспевали величественную красоту природы своей родины, восхищались ее разнообразием и не считали ее угрозой и препятствием, которое нужно преодолеть, как в свое время полагали пуритане. Так, в предисловии к «Книге эскизов» («The Sketch Book») В. Ирвинг, описывая природу Америки, приводил в пример «... *her mighty lakes, like oceans of liquid silver; her mountains, with their bright aerial tints; her valleys teeming with wild fertility; her tremendous cataracts, thundering in their solitudes; her boundless plains ...; her broad, deep rivers, rolling in solemn silence to the ocean; her trackless forests where vegetation puts forth all its magnificence*» («... ее величественные озера, похожие на океаны из жидкого серебра; ее сверкающие горы; ее долины, изобилующие дикой растительностью; ее ошеломляющие водопады, грохочущие в своем одиночестве; ее бескрайние прерии; ее широкие и глубокие реки, в торжественной тишине катящие свои воды в океан; ее непроходимые леса, где буйство растительности проявляется во всем своем великолепии»), делая вывод о том, что «*never need an American look beyond his own country for the sublime and the beautiful of natural scenery*» [4, p. 24] («американцу никогда не понадобится искать величественные и прекрасные природные ландшафты за пределами своей страны»).

Для Н. Готорна, как и для других американских романтиков, было характерно трепетное отношение к американской природе. Одной из нативистских черт в его произведениях 30-х годов является описание природы, в основном Новой Англии, в разные времена года. Скетч Н. Готорна «Мое путешествие к Ниагаре» («My Visit to Niagara», 1835) дает наиболее полное представление о восприятии природы писателем.

Ниагарский водопад был одной из наиболее часто наблюдаемых достопримечательностей Америки в XIX столетии, посетители которого часто называли себя паломниками. Свой скетч Н. Готорн начинает с утверждения того, что «*never did a pilgrim approach Niagara with deeper enthusiasm, than mine*» [5, p. 244] («еще ни один паломник не приближался к Ниагарскому водопаду с большим воодушевлением, чем я»). Мнение о Ниагарском водопаде, как наиболее величественном и прекрасном творении природы, явлении, способном оказать глубокое влияние на посетителя и вызвать чувство благоговения, было довольно распространено в Америке XIX века [6]. Такое восприятие присуще и автору скетча: «*The golden sunshine tinged the sheet of the American cascade, and painted on its heaving spray the broken semicircle of a rainbow, Heaven's own beauty crowning earth's sublimity*» [5, p. 250] («Солнечный свет придал золотистый оттенок водному каскаду и окрасил водяную пыль полукругом радуги, небесная красота, венчающая земное величие»). Однако, по словам автора, не каждый может оценить и насладиться величием Ниагарского водопада, так как «... *the beholder must stand beside it in the simplicity of his heart, suffering the mighty scene to work its own impression*» [5, p. 247] («наблюдатель должен прийти с чистым сердцем, чтобы получить правильное впечатление о величественном пейзаже»). Готорн говорит о том, что человеку нужно отрешиться от земных проблем, тревог, суеты, чтобы ничто и никто не отвлекали от созерцания красоты природы. «*The solitude of the old wilderness now reigned over the whole vicinity of the falls. My enjoyment became the more rapturous ... the spot, so famous through the world, was all my own!*» [5, p. 250] («Безлюдность первобытной природы царила сейчас над всеми окрестностями водопада. Моя восторженность усилилась ... место, настолько знаменитое во всем мире, принадлежало лишь мне одному!»). Стремление к одиночеству роднило писателя с Р.У. Эмерсоном и Г. Торо, которые считали уединение одной из составляющей доверия к себе и необходимостью любой творческой личности. Любовь Н. Готорна к природе тесно связана с любовью к уединению, желанием удалиться от общества на некоторое время. Одинокое прогулки на лоне природы позволяли обрести гармонию и вдохновение. Детальные описания природы США, в зависимости от того, где жил или путешествовал писатель, пейзажи в различные времена года встречаются не только в опубликованных рассказах, но и в американских записных книжках Готорна.

Как уже упоминалось, для нативизма было характерно не только описание природы, но и жизненных укладов, нравов различных групп населения, в особенности коренных жителей. По словам Ю.В. Ковалёва «жизнь индейских племен ... являлась для американцев фактом национального бытия ... Художественное проникновение в мир ... индейцев было одним из важных направлений в нативизме» [1, с. 29].

В период поиска национального своеобразия в литературе американского романтизма был представлен как негативный образ индейца в противопоставлении с обычным американским жителем, так и положительный образ как исчезающий идеал естественной жизни и естественного человека. Обращение к «индейской» тематике давало возможность приблизиться к романтическому идеалу естественного человека, обладающего «*the physical beauty and strength, the pride and independence, and the pure and simple virtues of a life lived close to nature*» [7, p. 64] («физической силой и красотой, гордым и независимым нравом, а также живущих простой, непорочной жизнью вблизи природы»). Однако интерес к «индейской» тематике не ограничивался только изображением самих индейцев, в литературе периода романтизма нередкими были сюжетные мотивы, когда американцев связывали узы крови или брака с коренным населением, обоюдная симпатия и уважение, либо когда индейцы принимали беглецов из американского общества в свой круг [7, p. 59].

Также Н. Готорн не оставил без внимания «индейскую» тему, хотя и не затрагивал ее так глубоко, как, например, В. Ирвинг или Ф. Купер. В одном из своих ранних произведений «Скетчи из воспоминаний» («Sketches from Memory», 1835) писатель высказывает сожаление по поводу того, что «... I was shut out from the most peculiar field of American fiction, by an inability to see any romance, or poetry, or grandeur, or beauty in the Indian character, at least, till such traits were pointed out by others» [5, p. 343] («наиболее характерная тема американской прозы была закрыта для меня, поскольку я не видел какой-либо романтики, или поэтики, или величия, или красоты в характере индейца, по крайней мере до тех пор, пока на эти черты мне не указывали другие»). Индейская тематика, тем не менее, присутствует в его произведениях и, как отметила американская исследовательница М.Б. Мур (M.B. Moore) в работе «Сэйлемский мир Н. Готорна» («The Salem World of N. Hawthorne»), ее гораздо больше, чем принято считать среди исследователей, и даже больше, чем признавал сам писатель [8, p. 129].

Так, в своих американских записных книжках Н. Готорн помимо прочего комментировал вопросы, затрагивающие коренное население Америки, излагал свои наблюдения об индейцах, которых встречал, а также записывал идеи для будущих рассказов и скетчей. В одной из своих заметок он указал, что «Our Indian races having reared no monuments, like the Greeks, Romans, and Egyptians, when they have disappeared from the earth, their history will appear a fable, and they misty phantoms» [9, p. 169] («Наши индейские племена не воздвигли памятников, как в свое время сделали греки, римляне и египтяне. Когда они исчезнут с лица земли, их история будет восприниматься как легенда, а сами они – как плод фантазии»). Нетрудно заметить скептические нотки в словах писателя относительно индейцев, их прошлого и возможного будущего. Более того, в своих ранних рассказах (1830–1835) он, как в свое время первые колонисты-пуритане, указывает на жестокость и варварство индейцев. Так, в произведении «Рассказ старухи» («An Old Woman's Tale, 1830») у одного из персонажей на голове был шрам от индейского томагавка, в «Призыв Эллис Доун» («Alice Doane's Appeal», 1835) в результате резни, устроенной индейцами, юная Эллис и ее брат Уолтер остаются без родителей. В заключение описания жизненного пути Энн Хатчинсон в рассказе «Миссис Хатчинсон» («Mrs. Hutchinson», 1830) Н. Готорн с содроганием упоминает о гибели этой женщины и еще 14 человек от рук индейцев, которых он характеризует как «savage foe ... on the watch for blood» [5, p. 24] («дикарей ... жаждущих крови»).

В рассказах «Испуганный шарлатан» («Haunted Quack», 1835) и «Молодой Браун» («Young Goodman Brown», 1835) Н. Готорн отображает еще одну особенность восприятия первыми поселенцами пуританами коренного населения, а именно убеждения в том, что индейцы общаются с нечистой силой: «As the Indians propitiate the favour of the devil» [5, p. 57] («как индейцы ищут благосклонности у сатаны»), «... еще будет несколько индейских знахарей, которые на свой лад искусны в чертовщине», «Вперемешку со своими бледнолицыми врагами попались в толпе и индейские жрецы или знахари, умевшие держать в страхе родные леса силой таких заклинаний, каких не знает ни один колдун в Европе» [10, с. 62, 66].

Таким образом, можно заключить, что для ранних произведений Н. Готорна было характерно отображение преимущественно негативных черт индейцев, приписываемых им еще первыми пуританами Новой Англии, а также скептицизм относительно коренного населения, их наследия, способности видеть романтическое и величественное в данной тематике.

Однако эта тенденция во взглядах писателя просуществовала недолгое время. В рассказах второй половины 1830–40-х годов образ индейца все чаще используется в контексте романтического идеала жизни в гармонии с природой, писатель восхищается простотой и естественностью жизни индейских племен. Можно предположить, что изменение отношения писателя к коренному населению произошло частично благодаря его другу, Г. Торо, с которым он часто виделся в течение своей жизни в Конкорде, штат Массачусетс. Часть сведений об истории индейских племен, живших в свое время на территории Новой Англии, Н. Готорн узнал именно от Г. Торо, обладавшего богатыми знаниями о жизни индейцев Массачусетса. По словам писателя, Г. Торо «has a great regard for the memory of the Indian tribes, whose wild life would have suited him so well» [9, p. 354] («относился с большим почтением к памяти индейских племен, чья жизнь в естественных условиях подошла бы ему как нельзя лучше»). В предисловии к изданию 1846 года «Легенд старой усадьбы» («Mosses From an Old Manse») Н. Готорн неоднократно затрагивает тему индейского прошлого. Он упоминает Г. Торо как человека, открывшего для него новый увлекательный вид времяпрепровождения, а именно поиск предметов материальной культуры индейцев – наконечников стрел, обломков копий, глиняных черепков и др., очарование которых заключается, по мнению писателя, в их неповторимости в отличие от современной Н. Готорну продукции механического производства. Писатель отмечает, что такого рода находки «builds up again the Indian village, amid its encircling forest, and recalls to life the painted chiefs and warriors, the squaws at their household toil, and the children sporting among the wigwams» [5, p. 1129] («воссоздают индейскую деревню среди окружающего ее леса, воскрешают раскрашенных вождей и воинов, индианок, трудящихся по хозяйству, и детей, резвящихся среди вигвамов»). Писатель с некоторой долей грусти и сожаления говорит о давно ушедших временах и более естествен-

ной, приближенной к природе жизни коренных жителей. «*It can hardly be told, whether it is a joy or a pain, after such a momentary vision, to gaze around in the broad daylight of reality, and see stone-fences, white houses, potato-fields, and men doggedly hoeing, in their shirt-sleeves and homespun pantaloons*» [5, p. 1129–1130] («Сложно сказать, радостно или больно после такого мимолетного видения созерцать при свете дня окружающую действительность и видеть каменные изгороди, белые дома, картофельные поля и мужчин в рубашках и домотканых брюках, упорно возделывающих землю»). Вспоминая прогулки на лодке с У.Э. Ченнингом¹, Н. Готорн пишет о том, что это были «*happy times ... when we cast aside all irksome forms and straight-laced habitudes, and delivered ourselves up to the free air, to live like the Indians*» [5, p. 1138] («счастливые времена ... когда мы отбрасывали утомительные манеры и строгие порядки и всецело доверялись свободной атмосфере, чтобы жить, как индейцы»). Писатель символически ставит себя и своего спутника на место коренных жителей, отмечая, что «*The painted Indian, who paddled his canoe along the Assabeth, three hundred years ago, could hardly have seen a wilder gentleness, displayed upon its banks and reflected in its bosom, than we did. Nor could the same Indian have prepared his noontide meal with more simplicity*» [5, p. 1140] («Раскрашенный индеец, плывший на своем каноэ по реке Ассабет триста лет назад, вряд ли видел более естественную природную красоту на ее берегах и отражающуюся в ее глубине, чем мы. Также сомнительно, что он готовил свою полуденную трапезу с большей простотой»). Таким образом, Н. Готорн преодолевает временной разрыв между двумя культурами, выявляет общие черты и размышляет о романтическом идеале естественного человека.

В некоторых рассказах Н. Готорн описывал индейцев как «исполненных достоинства и величественных ... во всем их первобытном великолепии» [10, с. 171], «... *an Indian woman – a majestic and queenly woman*» [5, p. 1024] («индианка – величественная и царственная женщина»).

Поскольку для писателя было характерно правдивое изложение исторических событий, он не скрывает все то зло, которое колонисты причинили коренному населению. Готорн с сожалением говорит о знакомстве индейцев с алкогольными напитками в рассказах «Ручеек от городской водонапорной станции» («*A Rill from the Town-Pump*», 1835), «Старый форт Тикондерога» («*Old Ticonderoga*», 1836), «Главная улица» («*Main-Street*», 1849). В рассказе «Седой заступник» («*The Gray Champion*», 1835) он с горькой иронией описывает ветеранов войны с Королем Филиппом², которые «с благочестивой жестокостью жгли селения и убивали старых и малых, в то время как по всей стране праведные души помогали им своими молитвами» [10, с. 51]. Это историческое событие затронуто и в «Молодом Брауне», где сатана говорит, что именно он подал отцу Брауна «основную головню из собственного очага, которой он поджег индейское селение» [10, с. 59].

В рассказе «Главная улица» Н. Готорн демонстрирует последствия наступления цивилизации на дикую природу и естественного человека, показывает печальную судьбу индейцев и их культуры, исчезающей под натиском приезжих колонистов: «... *the wild woods, the wild wolf, and the wild Indian, will alike be trampled beneath it (heavy tread of white men)*» [5, p. 1028] («дикие леса, дикий волк и дикий индеец одинаково будут растоптаны ей (тяжелой поступью белых людей)»); «*The wild forest is shrinking back; the street has lost the aromatic odor of the pine-trees, and of the sweet fern that grew beneath them. The tender and modest wild-flowers, those gentle children of savage nature ... have shrunk away and disappeared... Gardens are fenced in, and display pumpkin-beds and rows of cabbages and beans*» [5, p. 1031] («Первобытный лес постепенно отступает; улицы потеряли благоухающий аромат сосен и папоротника, росшего у их оснований. Нежные и скромные дикие цветы, благородные отпрыски дикой природы ... уменьшились и исчезли... Вместо этого появились огороженные сады с выращиваемыми тыквами, посадками капусты и фасоли»).

Таким образом, можно отметить, что для Н. Готорна, как и для других американских романтиков, было характерно трагическое восприятие уничтожения природы вследствие вторжения цивилизации в ее границы.

Заключение. Говоря о чертах нативизма в малой прозе писателя, в первую очередь вспоминаются его произведения на историческую тематику, так как именно Н. Готорн был одним из тех, кто основал и развил жанр исторического рассказа. Однако его произведениям были присущи и другие аспекты нативистского повествования. К ним, в частности, относятся описания североамериканской природы, начиная от величественных, зрелищных пейзажей водопадов, гор, рек, океана, и заканчивая изображением более простых городских и скромных сельских ландшафтов преимущественно Новой Англии. Кроме того, в его

¹ Уильям Эллери Ченнинг (1780–1842) – американский писатель, один из основателей американского унитаризма.

² Война с Королем Филиппом (King Philip's War, 1675–1676) – война между частью индейских племен северо-восточной части Северной Америки, с одной стороны, и английскими колонистами Новой Англии и их индейскими союзниками, с другой.

произведениях присутствует также индейская тематика. Следует отметить, что в более ранних рассказах или заметках (1830–1835) писатель скептически отзывался об индейцах, всеобщей увлеченности ими собратями по перу, либо описывает их в негативном свете, отображая взгляды первых колонистов-пуритан на коренное население. Однако в произведениях 40-х годов прослеживается тенденция к идеализации индейцев, естественной жизни в гармонии с природой, восприятию их как существовавшего в до-колониальном прошлом, а ныне утраченного идеала естественного человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалев, Ю.В. От «Шпиона» до «Шарлатана»: Статьи, очерки, заметки по истории американского романтизма. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 260 с.
2. Merchant, C. American Environmental History: An Introduction / C. Merchant. – Lexington: Columbia University Press, 2013. – 464 p.
3. Бёрк, Э. Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного; пер. с англ. / общ. ред., вступ. статья и коммент. Б.В. Меероуского. – М.: Искусство, 1979. – 237 с.
4. Phillips, J. Romanticism and Transcendentalism (1800–1860). American literature in its historical, cultural, and social contexts / J. Phillips. – New York: Facts on File, 2005. – 96 p.
5. Hawthorne, N. Tales and Sketches / N. Hawthorne. – New York: Literary Classics of the United States, Inc., 1982. – 1493 p.
6. Sears, J.F. Sacred Places: American Tourist Attractions in the Nineteenth Century / J.F. Sears. – Boston: University of Massachusetts Press, 1999. – 243 p.
7. Sullivan, Sh. A Redder Shade of Pale: The Indianization of Heroes and Heroines in Nineteenth-Century American Fiction / Sh. Sullivan // The Journal of the Midwest Modern Language Association. – Vol. 20, № 1 (Spring 1987). – P. 57–75 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/1314998>. – Date of access: 08.12.2013.
8. Moore, M.B. The Salem World of Nathaniel Hawthorne / M.B. Moore. – Columbia: University of Missouri Press, 1998. – 290 p.
9. Hawthorne, N. American Notebooks: The Centenary Edition / N. Hawthorne; ed. Claude M. Simpson. – Columbus: Ohio State University Press, 1973. – 480 p.
10. Готорн, Н. Избранные произведения: в 2-х т. / Н. Готорн. Т. 2; пер. с англ. А. Долинина. – Л.: Худож. лит., 1982. – 512 с.

Поступила 10.12.2013

FEATURES OF A NATIVE NARRATIVE IN EARLY N. HAWTHORNE'S WORKS

E. BLAGODYOROVA

The article deals with some characteristic features of a native narrative in N. Hawthorne's short works, nature description and portrayal of Indians in particular. N. Hawthorne as many other american romantic writers depicted diverse nature of his native land, admiring its beauty and naturalness. It is stated that N. Hawthorne had different views on Indians and their heritage in various periods of his creative work. In his early stories one can notice a sceptic attitude to romantization of Indian themes, but in works of later period there are themes of idealization of natural life and Indians as people close to it. In conclusion the author states that besides historical themes there are other, characteristic of a native narrative prose features in N. Hawthorne's short works.

УДК 821.111.09(73)+821.161.3.09

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОМАНЕ НОРМАНА МЕЙЛЕРА «НАГИЕ И МЕРТВЫЕ» И ПОВЕСТИ ВАСИЛЯ БЫКОВА «ЖУРАВЛИНЫЙ КРИК»**В.А. ГЕМБИЦКАЯ***(Полоцкий государственный университет)*

Рассмотрены особенности осмысления проблемы личности и общества в романе Нормана Мейлера «Нагие и мертвые» и повести Василя Быкова «Журавлиный крик». Обращается внимание на то, что герои обоих произведений представляют собой социум в миниатюре. Подчеркивается, что критика общества не была целью при создании «Нагих и мертвых» и «Журавлиного крика», но в повести В. Быкова опосредованно раскрываются пороки сталинского режима, а Н. Мейлер в своем романе выявляет сходство между диктаторскими режимами и порядками в армии США, а затем проводит аналогии между армейским режимом и американским общественным строем. Американский и белорусский писатели сходятся в дуалистичном взгляде на природу человека как на единство биологического и социального. Роман Н. Мейлера и повесть В. Быкова объединяет экзистенциальное видение человека, однако при этом Мейлер прежде всего осмысляет власть как испытание на человечность, а Быков исследует подвиг духа на войне.

Введение. Норман Мейлер (Norman Mailer) и Василь Быков – крупнейшие писатели XX века, ровесники, создатели антропоцентрических по своей сути произведений, неконформисты. Оба – участники Второй мировой войны, представители США и СССР, двух мировых держав-победительниц этой войны. Собственный опыт боя и фронтовых будней, характер участия стран, ими представляемых, в этом масштабном вооруженном конфликте предопределили перспективу осмысления этого события в творчестве американского и белорусского писателя. Мейлер дебютирует в 1948 году со своим романом «Нагие и мертвые» (*The Naked and the Dead*), а затем переключается на другие насущные для американского общества темы. Но в белорусской литературе в силу исторических обстоятельств именно военная тема стала доминирующей, определяя художественное творчество на долгие десятилетия. В. Быков, считая военную тему неисчерпаемой, осмысляет ее вплоть до конца жизни, сначала в рассказах, потом в повестях.

Оба автора, утверждая универсальные духовно-моральные ценности, смотрели за горизонты, обозначенные идеологией своих держав. Их произведения о Второй мировой содержат натуралистичные описания войны, что представляет собой вызов навязываемым романтическим представлениям об армии в США и СССР. Моральный выбор самих писателей выявляется в том, что ужасающие описания боя и его последствий ставят произведения Мейлера и Быкова на полку именно антимилитаристской литературы.

Основная часть. Если романная форма «Нагих и мертвых» претендует на исследование линий развития общества, дает панораму событий нации и эпохи, то повесть – «повествовательное художественное произведение, в котором с помощью ряда эпизодов выявляется сущность какого-то события, становление характера одного или нескольких действующих лиц в их развитии» [1, с. 39]. Повесть «Журавлиный крик», считающаяся первым значительным произведением В. Быкова, выходит в свет в 1959 году (на десятилетие позже романа Н. Мейлера) в атмосфере относительной либерализации хрущевского периода, и как окажется позже, соответствует тенденциям мировой литературы, фокусирующейся с 50-х годов прошлого столетия на философско-этической проблематике, для которой форма повести подходит как никакая другая. Ужимание панорамности показа событий прямо пропорционально увеличивало нравственную и интеллектуальную составляющую произведений белорусского прозаика. «Белорусская литература – литература, прежде всего, повести» [2, с. 208], и в развитие этого жанра немалый вклад внес Василий Быков. Так, В. Быков выбирал оптимальный вариант для выражения своего видения мира и человека в мире, тем более что правдивое отображение жизни страны вряд ли было возможным из-за цензурного фильтра, разрешающего смотреть на личность и общество лишь через методологическую призму исторического материализма.

Если американская литература о Второй мировой войне лишь опосредованно воспитывает неприятие и отвращение к державному шовинизму и радикальному национализму, то советская имеет ярко окрашенную направленность против правого тоталитаризма, или фашизма, как его принято обобщенно называть. Американские авторы, пишущие о Второй мировой войне сразу по ее окончании (среди них и Н. Мейлер), обращают пристальное внимание на то, насколько схожи диктаторские режимы и порядки в их собственной армии, а затем проводят аналогии между армейским режимом и общественным строем США. В романе «Нагие и мертвые» акцентируется внимание на болезненных фашистских симптомах и в американском обществе: пренебрежительное отношение к евреям и мексиканцам, культ силы. Человеческая индивидуальность нивелируется, правым оказывается тот, у кого сила и оружие. Армейский принцип отношения к человеку как к средству достижения цели может быть прообразом отношения к человеку в сфере политики.

В своих произведениях Н. Мейлер и В. Быков иллюстрируют как явление человеческой исключительности, так и угнетение индивидуальности в армии и на войне, где прав тот, у кого выше звание. В «Дневниках странной войны» Сартр выскажет мысль о том, что солдатам «трудно было отказаться от привычки считать себя людьми» [3, с. 23]. Аналитический ум циничного чернявого красавца Алика Овсеева из повести В. Быкова «Журавлиный крик» сразу обрисовал печальную ситуацию брошенных бойцов, он первым заговорил о том, что все они – смертники, смекнул о затее Пшеничного сбежать, скептически отзывался о победах Красной Армии. Овсеев не считал себя трусом и нытиком, но был убежден в нерациональности и глупости жертвы, которую каждый из шестерых бойцов должен был принести.

Повествование в романе Н. Мейлера ведется в двух планах: конкретное видение ужасов и тягот на фронте пехотинцами контрастирует с общей картиной войны у офицеров. Генерал Эдвард Каммингс (*Edward Cummings*), типичный военачальник из американского романа о командирах, в беседах с лейтенантом Хирном (*Robert Hearn*) пытался донести своему адъютанту, что «в армии всякая мысль об индивидуальности, о личности – это не что иное, как помеха» [4, с. 167] («In the Army the idea of individual personality is just a hindrance» [5, с. 201]). Каммингс подчеркивает, что следует оперировать только воинскими подразделениями как минимальными единицами, их и оценивать как плохие или хорошие, «приводя крупные массы людей к общему знаменателю». Повествователь отмечает, что «было что-то ужасное в подобном разговоре в то время, когда там, на фронте, в пулеметных гнездах сидели солдаты и им было страшно» [4, с. 167] («There was something unclear about having a conversation like this, while somewhere out on the front a man might be rigid with terror in his foxhole» [5, с. 201]).

Стержнем мировоззрения Эдварда Каммингса «становится философия Ф. Ницше и ее основные концепты: Сверхчеловек, воля к власти» [6, с. 31]. У Сверхчеловека нет никаких иллюзий, он умеет жить в бессмысленном мире, манипулировать слабыми, постоянно усиливая свою власть. Генерал Каммингс понимал, что «страх, который они [подчиненные] испытывали перед ним, уважение, которым он пользовался, были осмысленными, основанными на признании его силы и власти, возможности наказать их, но этого было недостаточно» [4, с. 279], он грезил о страхе, «заставлявшем считать неповиновение ему святотатством» [4, с. 279] («The fear, the respect his soldiers held for him now was a rational one, an admission of his power to punish them, and that was not enough. The other kind of fear was lacking, the unreasoning one in which his powers were immense and it was effectively a variety of sacrilege to thwart him» [5, с. 361]). Все же генерал боялся проявлений характера своего адъютанта, лейтенанта Хирна, неповиновение которого он расценивал, как «если бы на него поднял руку солдат» [4, с. 279] («And with it was another sort of fear, overt and aware; what Hearn had done was equivalent to a soldier's laying hands on his person» [5, с. 361]). Эдвард Каммингс был убежден в единой природе организации общества и армии, которые идеально могли функционировать только, если «вы боитесь человека, стоящего над вами, и относитесь презрительно и высокомерно к подчиненным» [4, с. 163] («The Army functions best when you're frightened of the man above you, and contemptuous of your subordinates» [5, с. 195]). Бесстрашный, а точнее, безжалостный, сержант Сэм Крофт (*Sam Croft*) из Западного Техаса, «точная копия Каммингса, только чуть меньшего масштаба» [6, с. 32], также по-настоящему пугался – хотя и старался не подать виду – когда видел, что солдаты пытаются ему перечить и оказать сопротивление. Если Каммингсу в романе противостоит Роберт Хирн, то Крофту – Эрик Волсен по кличке Ред (*Eric Valsen, Red*). Но попытка противостояния Реда Крофту оканчивается неудачей, так как правым оказывается тот, у кого оружие. Зная о садистских наклонностях Крофта, Волсен сдается и решает не испытывать судьбу, так как для сержанта убить человека ничего не стоит.

От Второй мировой войны Каммингс ждет лишь укрепления позиций США на международной арене. Генерал – человек с профашистскими взглядами, поэтому ему чужды идеи об искоренении правого тоталитаризма: «The concept of fascism, far sounder than communism if you consider it, for it's grounded firmly in men's actual natures, merely started in the wrong country, in a country which did not have enough intrinsic potential power to develop completely. In Germany with that basic frustration of limited physical means there were bound to be excesses. But the dream, the concept was sound enough» [5, с. 365] (Естественно, в русском переводе, выполненном в 70-е, о коммунизме ни слова: «Если хорошенько вдуматься, то концепция фашизма – очень жизнеспособная концепция, так как она прочно опирается на реальные инстинкты людей; жаль, что фашизм зародился не в той стране, стране, которой недостает внутренней потенциальной энергии для полного развития» [4, с. 282]).

Для неконформиста Роберта Хирна наивысшей ценностью оставалась свобода, он боялся стать таким же, как Крофт и Каммингс, хотя чувствовал, что подсознательно ему все же нравится и хочется играть судьбами людей. Как только идеалист Хирн полностью осмыслил эти внутренние желания, он ощутил «острое и глубокое отвращение к самому себе, состояние, близкое к шоку: слабость, душевная боль и страх» [4, с. 469] («The shock, the self-disgust... was surprising, almost pleasing in its intensity. He was almost horrified with this sick anguished knowledge of himself» [5, с. 660]), для лейтенанта истинные чело-

веческие ценности не утратили своего значения, для себя он решил не отступаться от высокой морали. Хирн был убит вследствие предательства аморального сержанта Крофта.

Первая часть романа («Wave», что переводится как «подъем волны») композиционно связана с последней («Wake», что вбирает в себя игру значений «след от волны» и «последствия»), рисунок подъема-спада становится еще более очевидным, если учесть, что экзистенциальным испытанием для разведгруппы стала безуспешная попытка покорить гору Анака (*Anaka*). На эту кривую линию переживаний нанизаны картины военных действий и армейских будней. Для американских войск гора Анака на острове в Тихом океане являлась одновременно маяющим ориентиром и пугающим великаном. Вообще, гора представляет собой древний архетип: «возвышаясь над местностью, владея господствующей там высотой, человек получал определенное превосходство над теми, кто оставался внизу, взирая на них буквально сверху вниз» [7, с. 104]. Пусть подъем в гору разведзвода, даже эпизод встречи солдат с шершнями, частично автобиографичен, о чем Н. Мейлер рассказывает в своем интервью 2004 года [8], но восхождение на Анаку – это не просто преломление собственного опыта автором и не просто воссоздание похожего ландшафта, но, несомненно, символично и связано с духовными исканиями героев произведения. Модель иерархии отношений в армии также имеет геометрическую форму пирамиды-горы. Амбициозное желание генерала Каммингса взойти на вершину власти в армии, а сержанта Крофта взойти на вершину Анаки сопровождалось угнетением индивидуальности всех их подчиненных, ведь человек (или Сверхчеловек) на вершине горы, или на вершине пирамиды-армии, или на вершине пирамиды-общества волен воплощать все свои идеи. Эта дорога – путь душевных и физических переживаний, через которую человек возвращается к самому себе.

Исследовательница А. Бутырчик отмечает, что «в образах Каммингса и Крофта воплощена идея дегуманизации общества, основанного на страхе и подчинении», и обращает внимание, что «именно перед такими людьми, а не перед внешним врагом, герои чувствуют себя наиболее беззащитными» [6, с. 32]. Таким образом, основной конфликт в романе Н. Мейлера представлен генералом Каммингсом и лейтенантом Хирном. Конфликт разворачивается не между воюющими сторонами; «противник из военного становится прежде всего идеологическим» [9, с. 221–222]. Бесспорно, Н. Мейлер симпатизирует либералу Роберту Хирну, но сам отмечает, что в то время у него были анархические взгляды, хотя при этом он не читал об этом книг и не был знаком ни с одним анархистом [10, с. 5]. Мейлер полагал, что государственный капитализм в США – это «продукт искусственного соединения предпринимательства и правительства» (*the product of unnatural coupling of business and government*) [11, с. 17], поэтому в его романе просматривается критика отношений господства-подчинения в политическом (критика бюрократии) и экономическом (критика буржуазии) аспектах. Буржуазия, например, сравнивается с водорослями, получающими питание из окружающей среды: «Под водой гигантские ламинарии образуют настоящие джунгли, где они растут без движения, получая питание из окружающей океанской среды. “Буржуазия в растительном царстве”, – бормочет сидящий рядом студент, и Хирн просыпается, пораженный совпадением их взглядов, как будто сосед высказал его, Хирна, мысли» [4, с. 295] («Under the water the giant kelp form veritable jungles of plant life where they live without movement, absorbing their nutrition from the ocean medium. “The bourgeois of the plant species”, – the student next to him murmurs, and Hearn is awake, startled by the chord of recognition, of excitement. He has almost phrased it himself» [5, с. 384]).

Национальная нетерпимость является чертой авторитарного общества. В романе Н. Мейлера евреи Джо Голдстейн (*Joey Goldstein*) и Рот (*Roth*) постоянно терпят нападки из-за расовых предрассудков. После того как маленького Джо избил итальянский мальчишка, которые жили по соседству, дед объясняет мальчику, что евреи всегда страдают: «Что такое евреи – вопрос трудный, – говорит дед. – Это уже не раса и даже не религия. Возможно, они никогда не станут нацией. Я считаю, что еврей является евреем потому, что он страдает. Все евреи страдают» [4, с. 396] («It's a difficult question, the meaning of a Jew. It's not a race, he says, it's not even a religion any more, maybe it will never be a nation... It's an interesting problem, but personally I think a Jew is a Jew because he suffers» [5, с. 547]). Сильный физически, но слабый духовно мексиканец Мартинес (*Julio Martinez*) с детства осознает свою неполноценность, так как маленький мексиканский мальчик «никогда не станет белым протестантским парнем, твердым и решительным» [4, с. 71] («Only that does not make you white Protestant, firm and aloof» [5, с. 72]). Его жажда легкой наживы, боязнь ответственности, точная исполнительность приказов, слепое повиновение тому, кто наградит его, пусть даже мелким, признанием, уходит корнями в неуверенность и ощущение себя второсортным человеком.

Смелая критика социума в условиях более или менее демократического государства от Н. Мейлера, слышавшего *enfant terrible*, одного из главных идеологов «битничества» – неконформистского движения 1950-х годов, человека, находившегося в постоянном поиске себя и в творчестве, и в личной, и в общественной жизни, была ожидаемой. Василий Быков же в условиях жесткой цензуры в ранних своих произведениях не всегда может высказать все, что чувствует. Так, в своей переписке 60-х годов с Л.И. Лаза-

ревым Быков отмечает, что «необходима гражданская смелость и нужен талант, но какой же силы должен быть этот талант, чтобы пробить собой почву яростного чиновничьего сопротивления и сделать рукопись достоянием литературы!» [12, с. 218], скромно отмечая, что такого таланта у него нет, поэтому некоторые рукописи приходится откладывать до лучших времен. Так, в повести «Журавлиный крик» В. Быкова, как и в романе «Нагие и мертвые», герои представляют поперечный срез общества, обнажая все его несовершенства. Через историю бойца Пшеничного, сына раскулаченного классового врага, отвергаемого обществом, Быков иллюстрирует, как сталинистская идеология насилия возводит жестокость и несправедливость в моральные нормы, вызывая нездоровые деформации в обществе. Неповоротливый, мордастый Иван Пшеничный – сын кулака, проникшийся идеями большевиков, всегда и во всем подавал людям пример, но те из-за того, что он сын классового врага, сначала отказались принять Пшеничного в техникум, в комсомол, а потом и вовсе стали его сторониться, поэтому, «когда началась война, среди огромного моря человеческого горя и слез нашелся человек, который тайно злорадствовал» [13, с. 95].

Критика общества как задача при написании «Нагих и мертвых» и «Журавлиного крика» перед писателями, как ни парадоксально, не ставилась, хотя опровергнуть присутствие этой критики в произведениях вряд ли возможно. Это замечание естественно по отношению к раннему творчеству В. Быкова, в котором анализ проблем советского социума просто не мог доминировать в произведении. Также оно верно и по отношению к дебютному роману Н. Мейлера, который, по словам самого автора, создавался под впечатлением наполненного символикой мелвилловского «Моби Дика» как «притча о движении человека через историю» [13, с. 602], главным конфликтом был задуман вовсе не конфликт между либерально настроенным лейтенантом Хирном (хотя, безусловно, Мейлер ему симпатизировал) и генералом Каммингсом с его фашистским мировоззрением. Во-первых, «во время написания романа Мейлер был анархистом» [14, с. 16], во-вторых, по словам снова же самого автора, главной темой его произведения является «конфликт между животным и providенческим в человеке» [14, с. 23]. Антагонизм между задуманным и материализованным легко находит объяснение в докладе Карла Густава Юнга «Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству»: «Установка на личностное, провоцируемая вопросом о личных побудительных причинах творчества, совершенно неадекватна произведению искусства в той мере, в какой произведение искусства не человек, а нечто сверхличное. Оно – такая вещь, у которой нет личности и для которой личное не является поэтому критерием. И особенный смысл подлинного произведения искусства как раз в том, что ему удастся вырваться на простор из теснин и тупиков личностной сферы, оставив далеко позади всю временность и недолговечность ограниченной индивидуальности» [15, с. 183].

Мейлер называет главной темой романа «Нагие и мертвые» борьбу животного начала и Человеческого в человеке. Быков на материале войны показывает величие обычного Человека, подвиг духа, другими словами, как раз победу Человеческого над животным.

В очерке «Верность памяти» В. Быков восхищается прозой Г. Бакланова, пишет, что она нетерпима к фальши и «глубоко драматична по своей сути, еще и полна тонкого, неизъяснимого лиризма, как бы доброго, все понимающего взгляда человека, искренне и по-настоящему любящего людей», а «многие его страницы освещены тихим светом добра и сочувствия» [16]. В «Журавлином крике» В. Быков и сам не прячет своего сострадания к молодым солдатам, которое рассыпано по повести лирическими пейзажными зарисовками («Над шэрым восенськім полем, над скрыжаваннем дарог і далёкім лесам, за якім быў такі зманлівы для гэтых людзей паратунак, сумнай усмешкай бліснула нізкае сонца. Толькі на адзінае імгненне ясным прасветам слізганула яно па сырой гліне траншэі, шэрай сівізне ржышча, полымем кранула рэдкае пажоўклае лісце бяроз, і гэта яго ціхая ласка вострым болям тутгі працяла людскія сэрцы» [17, с. 156]).

Герои В. Быкова – обычные люди, которым свойственен инстинкт самосохранения. Желание жить не выходит из головы Алика Овсеева («Усё яго нутро, кожная часцінка цела нема пратэставалі супраць пагібелі і прагнулі – жыць, жыць. Да д'ябла гэта вайна, да д'ябла мукі і кроў, калі чалавеку трэба адно толькі – жыць» [17, с. 114]), желание жить преследует Ивана Пшеничного («Свая рубашка бліжэй да цела, а жыццё для яго даражэй за ўсё, і захаваць яго можна, толькі кінуўшы зброю і здаўшыся немцам» [17, с. 91]), желание жить до последнего не покидает юного Глечика («А жыць так хацелася – хоць як-небудзь: у сцюжы, голадзе, страху, хоць у такім жудасным пекле, якім была вайна, – усё роўна хацелася жыць» [17, с. 164]). Перед смертью Глечик слышит крик журавля, что заставляет его взглянуть в небо, где он замечает отставшего, подбитого журавлика, летевшего совсем низко, но пытающегося все еще улететь за клином. Страдания журавлика созвучны горю совсем еще юного солдата, который, не выдерживая этого отчаянного крика, затыкает уши, обхватив голову руками. Эта жажда жизни, которая обрела материальную форму в журавлином крике, вынесена автором в заглавие повести. У Быкова война – это всегда смерть, разрушения, потери, ужасное бедствие. При этом невозможно оспорить мысль о том, что произведения В. Быкова в высшей степени человеческие и утверждающие жизнь.

Белорусский литературовед В.И. Локун отмечает, что трагическая смерть героев ранних произведений Быкова несла на себе жизнеутверждающую печать: «герои принимали абсурд войны как абсурд жизни и действовали, жертвовали собой для победы и над этим абсурдом» [18, с. 202]. Солдаты В. Быкова верили, что гибнут не напрасно, что удержание ими позиции (как раз на этом строятся сюжеты «Журавлиного крика» и «Третьей ракеты») любой ценой и как можно дольше имеет смысл, отсюда их ответственность и мужество.

В романе «Нагие и мертвые», наоборот, осознание через страдания абсурдности бытия размыло все жизненные ориентиры и открыло героям «Нагих и мертвых» истину, что люди неспособны противостоять действительности и беззащитны перед случайностью, что они обнажены перед будущим, перед жизнью вообще. С первой страницы читатель погружается в атмосферу длительного и тягостного ощущения беспокойства через описание бессонницы и всеобщей раздражительности, чуть позже, во время непосредственного столкновения с опасностью и смертью, Н. Мейлер неоднократно зарисовывает переживания внезапного, парализующего страха и ужаса, когда герои его произведения не отдавали себе отчет и с изумлением обнаруживали, что, например, выкрикивают какие-то фразы (неистовое «я сдаюсь!» и «прекратите!» Роя Галлахера (*Roy Gallagher*) [4, с. 144] («“Stop, I give up,” he screamed. “STOP!... I give up! I give up!”» [5, с. 777]); «не надо!» [4, с. 45] («That’s enough, that’s enough!» [5, с. 39]) Хеннеси (*Hennessey*); «Боже, спаси меня, ты должен спасти меня!» [4, с. 316] («God, you got to save me, you got to save me!» [5, с. 414]) Минетты; неконтролируемый крик лейтенанта Роберта Хирна). Самое главное, что людей пугало будущее: «Даже если они уцелеют и вернутся домой, лучше не будет. Что произойдет, если и удастся когда-нибудь уволиться из армии? И вне ее рядов будет то же самое» [4, с. 467] («Even if we do get back we’ll get a fuggin. What did it matter if they ever got out of the Army? It would be the same thing on the outside» [5, с. 655]). Да и попытки сопротивления генералу Каммингсу и сержанту Крофту в романе Н. Мейлера не заканчиваются успехом, не находя широкой поддержки: солдаты боятся наказания, забыв, что происходило с теми, кто пытался ослушаться. Таким образом, выкрикиваются деструктивные и конструктивные свойства социального страха. Миссия разведыводом на вымышленном острове Анапоей (*Anopoei*) не выполнена, после спуска с горы изможденные солдаты узнают, что их разведывательная операция, которая унесла жизни людей, вообще была нецелесообразной, и без нее исход был предreshен: случайно был застрелен японский генерал Тойяку, и японцы давно уже сдались. Абсурдность ситуации подчеркивается на последних страницах романа, где картины бесчинств американских солдат, которыми «убийства совершались при полнейшем равнодушии и волновали солдат куда меньше, чем муравьи в постели» [4, с. 572] («The killing lost all dimension, bothered the men far less than discovering some ants in their bedding» [5, с. 816]) сменяются детальным описанием «гениальной» мысли недалекого майора Даллесона (*Dalleson*). Майор, перекусывая хот-догом, обдумывает идею нанесения фотографии знаменитой американской актрисы Бетти Грэйбл в купальном костюме на учебные карты, чтобы солдаты охотнее учились определять координаты местности.

Несмотря на натуралистические тенденции в художественном отображении действительности, Н. Мейлер настаивал, что он не натуралист и даже не реалист, подчеркивая, что «самое большое влияние на «Нагих и мертвых» оказал мелвилловский «Моби Дик»» [19, с. 144], роман, насыщенный символикой, роман, в котором добро и зло – половинки одного целого. Удивительно, но и А. Камю восхищал «Моби Дик» (*Moby-Dick or The Whale*, 1851) Г. Мелвилла, среди своих непосредственных учителей он называет также Хемингуэя и Дос Пассоса [19, с. 35–38]. Так, Камю считает, что «абсурдный, бессмысленный мир без Бога порождает героев (совесть, дух, мужество), и тиранов (ложь, насилие, цинизм)» [20, с. 436]. Мейлер иллюстрирует абсурдность реальности, создавая убедительные портреты сильных духом героев (например, Хирн, Ред, Гольдстейн (*Joey Goldstein*)), ведущих подлинное существование, и циничных тиранов. Хирн и Ред в жестоком и бессмысленном мире предпочли бунт покорному согласию, а ведь «бунт придает жизни цену» [21, с. 41]. Гольдстейн, всегда последовательный в своей моральности, ответственный, ни разу не позволивший себе поддаться слабости, пережил нравственное прозрение, что открыло ему путь к истокам своей личности.

Быкова и Мейлера волнует живучесть универсальных человеческих ценностей в экстремальных ситуациях, где на арену выходит мощный инстинкт самосохранения. Но Мейлер осмысляет еще и власть как испытание на Человечность (не без влияния идей Ницше). Литература США XX века развивается под влиянием философии жизни, но следует указать на условный характер этого влияния, так как «отдельные фрагменты его [Ницше] наследия беспощадно эксплуатировались идеологами различных политических доктрин и философских учений, не всегда заботившихся об адекватной интерпретации его работ» [22], а большинство литераторов черпали знания о философии жизни через посредников. Послевоенные американские произведения заостряют внимание на образе военачальника, для которого подчиненные – обез-

¹ Курсив Н. Мейлера.

личное средство для достижения общественных или даже собственных корыстных целей; культе насилия в своей армии; устранении радикально настроенных интеллектуалов людьми, которые, возможно, глупее, но зато находятся выше по положению в обществе. Литература намечает определенное сходство между устройством армии и диктаторским режимом, а затем и между несовершенным устройством армии и авторитарными тенденциями в американском обществе того периода. Крайне циничен в своих взглядах генерал Каммингс в «Нагих и мертвых», для которого жизнь базируется на инстинктивной воле к власти, а морали он дает статус заблуждения, он, как и сержант Крофт с садистскими наклонностями, подходит под определение Т. Адорно авторитарной личности с присущими ей «социальным консерватизмом; потребностью в иерархии и уважением силы; с ригидностью, негибкостью установок; стереотипным стилем мышления; с более или менее стадной враждебностью и агрессивностью, иногда вплоть до садизма; с тревожностью по отношению к другим и невозможностью устанавливать с ними доверительные отношения» [23, с. 4]. Однажды на вопрос о том, кого ненавидит Н. Мейлер, американский литератор дал ответ, что терпеть не может каммингсов, «людей, у которых есть власть и нет сострадания, нет простого человеческого понимания» [24, с. 25]. Философско-эстетические взгляды Н. Мейлера на природу поведения человека формировались под влиянием идей Ницше и Фрейда [25], поэтому американский литератор объяснял авторитарное поведение особенностями биологического начала в человеке, учитывая при этом значение начала социального.

Несмотря на монополию социально-исторической концепции личности в СССР, В. Быков не отрицает слепо значение биологической или генной концепции. Герой его повести «Журавлиный крик», человек действия шустрый белобрысый пэтээровец Свист, уже успел отсидеть в тюрьме за экономические махинации. Прошлого своего не скрывал, просил только, чтобы ярлыков на него не вешали, повторял, что если нужно будет, то готов отсидеть еще больше. Вспоминается ницшеанское «взять на себя не наказание, а вину, – только это и было бы божественно», и Свист вину свою признал полностью, в бою будто бы старался оправдать себя, настолько бесстрашным было его поведение. Погибает Свист также героически: обессилевший, раненый, он бросился с гранатой под танк. При этом Быков не рисует перед нами идеализированный образ раскаявшегося человека, пытающегося искупить вину, несмотря на то, что эстетика соцреализма этого требовала. Господствовавшая тогда социально-историческая концепция личности традиционно показывала эволюцию характера героя по направлению к идеалу, воплощающему лучшие качества гражданина СССР. Василий Быков не отрицает слепо значение биологической или генной концепции, подчеркивая хитрость и беспардонность Свиста, присущие ему, видимо, от природы (без спроса забрал сало Пшеничного, предварительно покопавшись в его личных вещах; бесцеремонно перешагивал через убитых немцев, выскивая оружие и провизию; в довершение, снял часы с мертвого немца). Скорее всего, в моральном плане Свист ориентируется не на чувство вины, а всего лишь на чувство стыда, т.е. он озабочен только тем, как будут оценены его достоинства окружающими людьми, что соотносится с внешними фактами контроля: осуждением или одобрением.

Роман «Нагие и мертвые» Н. Мейлера и повесть «Журавлиный крик» В. Быкова осмысливают существование человека, его поведение в кризисных ситуациях, где не всегда имеют должное воздействие внешние регуляторы поведения, где на первый план выходит внутренний регулятор – совесть. Писатели пытаются постигнуть подлинность выбора и формирование у человека способности стать судьей своих поступков. В повести «Журавлиный крик» Быков высказывает свое представление о подвиге как не о порыве в аффекте, а как о длительном сознательном выборе.

Факт участия в боях американского и белорусского литераторов сказывается на эмоциональности и глубине разработки экзистенциальных проблем. Своим творчеством о Второй мировой войне Мейлер и Быков формулируют моральные эталоны, к которым должен стремиться Человек. Несмотря на то, что в романе Н. Мейлера, особенно в интерлюдии «Женщины» (кстати, отсутствующей в переводе на русский язык), солдаты рассуждают о слабом поле как о незаслуживающем никакого доверия, существующем лишь для удовлетворения физиологических потребностей, образ женщины, представляющий дом (умершая во время родов любимая Галлахера, жена и дети для Голдстейна, ранее чуждая семья для Волсена, мать Глечика, беременная жена Карпенко), и в «Нагих и мертвых», и в «Журавлином крике» связывается с обретением нравственного начала, семья олицетворяет островок космоса среди абсурда и хаоса.

Свобода, важнейшая категория экзистенциализма, представлена у Н. Мейлера и В. Быкова как выбор бытия, определяющий его подлинность или неподлинность, ведь «человеческая реальность может выбрать себя, как она хочет, но не может не выбирать себя» [26, с. 488]. Для Быкова «свобода – самая большая морально-физическая ценность, данная каждому живому существу фактом ее рождения» [27, с. 364]. Носителем либеральных ценностей в романе американского писателя выступает лейтенант Хирн, которому противостоит армейская система, обезличивающая каждый элемент в себе. Лейтенант нелепо гибнет, так как его подставляет сержант Крофт. Абсурдность бытия торжествует у Мейлера и на этот раз, утверждая безнадежно пессимистическую перспективу будущего.

Художественная литература является идеологическим дискурсом в какой-то мере, «поэтому может рассматриваться как инструмент власти: создавая привлекательные образы правящей элиты и тем самым утверждая ее ценности, она оказывается средством поддержания власти» [28, с. 89]. Хотя во время холодной войны, глобальной конфронтации между США и СССР, в обеих державах приветствовалась литература с романтическим показом армии и образом солдата-героя, так как любая книга по военной психологии содержит следующие аксиомы: «характер боевых действий военнослужащих (активный – пассивный, самоотверженный – самосохраняющий и другие) во многом зависит от отношения к войне народа, от степени ее популярности в сознании масс» [29, с. 102]; «боевая готовность воинов в большой степени определяется отношением народа к своей армии» [29, с. 102]. Поэтому моральный выбор самих писателей выявляется в том, что ужасающие натуралистичные описания боя и его последствий относят Мейлера и Быкова к писателям-антимилитаристам.

Заключение. В повести «Журавлиный крик» В. Быкова и в романе «Нагие и мертвые» Н. Мейлера герои представляют собой общество в миниатюре, выявляя все его несовершенства. В романе американского литератора отражены авторитарные тенденции в американском социуме, национальная нетерпимость. В повести Быкова опосредованно раскрываются пороки сталинского режима, хотя критика общества не была целью при создании «Журавлиного крика». И повесть Быкова, и роман Мейлера по сути своей антропоцентричны, их волнует сущность человека, выкристаллизовывающаяся на материале войны. Литераторы сходятся в дуалистичном взгляде на природу человека как на единство биологического и социального. Белорусский писатель осмысляет подвиг духа на войне, поэтому, несмотря на трагизм, его повесть жизнеутверждающая. Роман Мейлера имеет пессимистический пафос, указывая на абсурдность мира и безнадежность будущего, его занимает больше власть как испытание на Человечность. И в «Нагих и мертвых», и в «Журавлином крике» семья несет в себе сильнейшее нравственное начало. Несмотря на то, что на осмысление проблемы личности наложили отпечаток национально-культурные особенности, роман Н. Мейлера и повесть В. Быкова объединяет экзистенциальное видение человека; в произведениях осмысливается поведение людей в кризисных ситуациях, подлинность и неподлинность совершенного выбора, категория свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рагойша, В. Тэорыя літаратуры ў тэрмінах: дапаможнік / В. Рагойша. – Мінск: «Беларус. энцыкл.», 2001. – 384 с.
2. Навумовіч, У.М. Эвалюцыя беларускай аповесці XX стагоддзя: праблема жанра / У.М. Навумовіч // Письменник – мова – стиль: матэрыялы III міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 верас. 2005 г.; адк. рэд. М.Р. Прыгодзіч, М.І. Свістунова. – Мінск: РІВШБДУ, 2006. – С. 208–211.
3. Сартр, Ж.П. Дневники странной войны (сентябрь 1939 – март 1940) / Ж.П. Сартр. – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – 815 с.
4. Мейлер, Н. Нагие и мертвые: роман / Н. Мейлер; пер. с англ. И. Разумного, В. Михайлова и В. Гладышевой. – 2-е изд. – М.: Воениздат, 1976. – 575 с.
5. Mailer, N. The Naked and the Dead / N. Mailer. – New York: Picador, 2000. – 721 p.
6. Бутырчык, Г.М. Асоба і грамадства ў рамане Н. Мэйлара «Безабаронныя і мёртвыя» / Г.М. Бутырчык // Веснік БДУ. Сер. 4. Філалогія, журналістыка, педагогіка. – Мінск: БДУ, 2007. – № 1. – С. 28–34.
7. Морозов, И. Основы культурологии. Архетипы культуры / И. Морозов. – Минск: «ТетраСиситемс», 2001. – 608 с.
8. Living a Literary Life. Norman Mailer Interview [Electronic resource]. – 2004. – Mode of access: <http://www.achievement.org/autodoc/page/mai0int-1>. – Date of access: 10.08.2012.
9. Коренева, М.М. Литература и война / М.М. Коренева // Литература США: XX век. Опыт типологического исследования (авторская позиция, конфликт, герой) / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР. – М.: Изд-во «Наука», 1978. – С. 209–238.
10. Levitas, L. The Naked are Fanatics and the Dead Don't Care / L. Levitas // Conversations With Norman Mailer / ed. by J. Michael Lennon. – Jackson: University Press of Mississippi, 1988. – P. 3–12.
11. Cohen, S. Norman Mailer's Novels / S. Cohen. – Amsterdam: Rodopi, 1979. – 145 p.
12. «Пишу як умею, як розумею». Перапіска Васіля Быкава і Лазара Лазарава; падрыхтоўка да друку, прадмова і пераклад асобных лістоў з рускай мовы Алеся Пашкевіча // Дзеяслоў. – Мінск: Медысонт, 2007. – № 1(26) – С. 216–232.
13. Gray, R. A History of American Literature / R. Gray. – Oxford: Blackwell Publishing, 2004. – 899 p.
14. Дуров, Б.Ю. Человек и война в романе Нормана Мейлера «Нагие и мертвые» / Б.Ю. Дуров // Вестн. ВГУ. Сер. 2. Филология. Журналистика. – Воронеж: ВГУ, 2005. – № 1. – С. 20–23.
15. Юнг, К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.

16. Быков, В. Верность Памяти. Публицистика / В. Быков // Публицистика. – М.: Молодая гвардия, 1986 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.ru/PROZA/BYKOW/publicsm.txt_with-big-pictures.html#11. – Дата доступа: 14.12.2012.
17. Быкаў, В. Жураўліны крык / В. Быкаў // Выбранае. – Мінск: Ураджай, 2001. – С. 77–167.
18. Локун, В.І. Васіль Быкаў у кантэксце славянскіх літаратур / В.І. Локун. – Мінск: Тэхнапрынт, 2005. – 321 с.
19. Денисова, Т.Н. Экзистенциализм и современный американский роман / Т.Н. Денисова. – Киев: Наук. думка, 1985. – 246 с.
20. Медведева, И.А. Камю Альбер И.А. Медведева // История философии: энцикл. / под ред. А.А. Грицанова. – Минск: Интерпрессервис, 2002. – С. 436–437.
21. Камю, А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю // Миф о Сизифе; Бунтарь. – Минск: ООО «Попурри», 2000. – С. 4–86.
22. Жуковский, А. Рецепция Ницше в США / А. Жуковский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/influence/literatur/usa/>. – Дата доступа: 17.05.2012.
23. Култыгин, В.П. Теодор Адорно и его концепция авторитарной личности / В.П. Култыгин // Исследование авторитарной личности / Т. Адорно; под общ. ред. д-ра филос. наук В.П. Култыгина. – М.: «Союз», 2001. – С. 5–22.
24. Толмачёв, В.М. Зарубежная литература XX века / В.М. Толмачёв. – М.: Академия, 2003. – 640 с.
25. Шлямович, Л.А. Творческая эволюция Нормана Мейлера: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05 / Л.А. Шлямович. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 24 с.
26. Ерасов, Б.С. Социальная культурология: учебник для студ. высш. учеб. заведений / Б.С. Ерасов. – Изд. третье, доп. и перераб. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 591 с.
27. Быкаў, В. Доўгая дарога дадому / В. Быкаў. – Мінск: «Кніга», 2003. – 132 с.
28. Плеханова, Т.Ф. Дискурс-анализ текста: пособие для студентов вузов / Т.Ф. Плеханова. – Минск: ТетраСистемс, 2011. – 368 с.
29. Абдурахманов, Р.А. Военная психология: методология, теория, практика: учеб.-метод. пособие / Р.А. Абдурахманов, А.Я. Анцупов. – М.: Военный ун-т, 1996. – 231 с.

Поступила 24.12.2013

**MAN AND SOCIETY AS PRESENTED
IN THE NOVEL “THE NAKED AND THE DEAD” BY NORMAN MAILER
AND THE STORY “THE CRY OF THE CRANE” BY VASIL BYKAU**

V. HEMBITSKAYA

The article dwells on the understanding peculiarities of the problem of man and society as presented in the novel “The Naked and the Dead” by Norman Mailer and the story “The Cry of the Crane” by Vasil Bykau. The article draws attention to the fact that the characters of both works represent society in miniature. The criticism of society is emphasized not to have been the goal when “The Naked and the Dead” and “The Cry of the Crane” were being created. Still the vices of Stalinism are revealed in the story by V. Bykau. N. Mailer shows the similarity between dictatorial regimes and the customs in the USA Army and then makes parallels between the customs in the USA Army and the American social order. Both writers agree on the dualistic nature of man, who is considered to be the unity of the biological and the social. The existentialist view of man unites the novel by N. Mailer and the story by V. Bykau, but the American writer studies power as a humanity test and the Belarusian writer studies the act of Spirit in the war.

УДК 821.112.2.09-31

**«ПОПЫТАТЬСЯ ПРЕДОСТЕРЕЧЬ...»:
ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РОМАНЕ Г. ПАУЗЕВАНГ «ОБЛАКО»**

Н.А. РЫМАРЧУК
(Белорусский государственный университет, Минск)

Исследована проблематика и поэтика романа известной немецкой писательницы Г. Паузеванг «Облако» (1987). Произведение написано под впечатлением от чернобыльской трагедии, хотя его действие намеренно перенесено в Германию. В книге, адресованной в первую очередь молодому читателю, но с неменьшим интересом воспринятой зрелой аудиторией, подняты вопросы индивидуальной и государственной ответственности, судеб человека и человечества перед лицом технического прогресса, свободы и конформизма. Основанный на конкретном сюжете роман, тем не менее, имеет предупредительно-прогностический характер и в этом смысле соприкасается с другими произведениями немецких писателей на тему Чернобыля.

Введение. Роман «Die Wolke» («Облако», 1987) принадлежит перу известной немецкой писательницы Гудрун Паузеванг (Gudrun Pausewang, р. 1928); в книге идет речь о техногенной катастрофе, ее причинах и последствиях. Создавался роман под впечатлением от чернобыльской трагедии; в основу повествования положено описание вымышленной аварии на ядерном реакторе в Графенрейнфельде (Германия). В этом контексте уместно привести строки из «Чернобыльской молитвы» знаменитой белорусской писательницы Светланы Алексиевич: «...До сих пор мы пользуемся старыми словами: «“далеко – близко”, “свои – чужие”... Но что значит далеко или близко после Чернобыля...?» [1, с. 49]. Действительно, Г. Паузеванг, в числе других немецких художников слова, удалось почувствовать истинные масштабы чернобыльской катастрофы. Писательница понимает, что от подобного события не застрахована ни одна страна. На каком бы высоком уровне ни были техника и технологии, если у населения страны, ее руководства, а также ученых не будет четкого представления об ответственности, которую они несут перед своей страной и миром в целом, эксплуатируя на территории своего государства атомную электростанцию. Отметим, что на сегодняшний день целостного литературоведческого анализа романа не существует. Имеются лишь отдельные статьи в немецкой печати, посвященные «Облаку», которые большей частью написаны журналистами, а не литературоведами, и зачастую сводятся к элементарному пересказу содержания произведения. Между тем роман представляет значительный интерес как в художественном, так и в проблемно-тематическом ракурсах.

Основная часть. Действие романа происходит в самом начале 1990-х годов, т.е. спустя некоторое время после аварии на атомной электростанции в Украине. Об идее создания произведения на соответствующую тему писательница в своем интервью информационной службе «Конкордэ» от 13 сентября 2005 года говорила следующее: «За пять минут до первых сообщений о чернобыльской катастрофе у меня и в мыслях не было писать на эту тему. Но как только сообщения о Чернобыле стали приходить день за днем, мы в Германии тоже стали реагировать на последствия катастрофы. Детям не разрешалось играть в песочницах, крестьяне начали запахивать ранний урожай, потому что он был заражен. И многое другое. Тогда мне действительно пришлось серьезно задуматься, спросить себя, а что если катастрофа подобного рода случится не за 1500 километров, а в центре нашей густонаселенной Федеративной Республики? Это меня чрезвычайно встревожило, и я подумала, что надо, собственно говоря, попытаться предостеречь от такой трагедии» [2].

В центре романа – четырнадцатилетняя девочка по имени Яна-Берта, жительница небольшого гессенского городка Шлитца. Однажды на уроке она слышит сигнал тревоги. Никто не знает, что случилось, и на первых порах всем кажется, что это лишь учения. Однако спустя некоторое время становится ясно, что на атомном реакторе в Графенрейнфельде, расположенном в 80 километрах от Шлитца, произошел взрыв. Поначалу Яне-Берте везет: товарищ из школы, которому по пути с девочкой, предлагает подвезти ее до самого дома на своей машине. Однако улицы загружены взбешенным, перепуганным, хаотично перемещающимся народом, повсеместно на дорогах появляются пробки, атмосфера в городе наполнена паникой и суетой. Яна-Берта очень обеспокоена, ведь незадолго до этого родители оставили ее на пару дней с младшим братом Ули, а сами уехали в Швайнфурт, расположенный как раз рядом с Графенрейнфельдом. У Яны-Берты тяжело на душе. Она изо всех сил спешит домой, где ее ждет младший брат.

Далее мы наблюдаем, как брат и сестра пытаются прорваться на вокзал, чтобы уехать на поезде из опасного района. Но, продвигаясь к вокзалу, Ули погибает в автомобильной катастрофе. С этого момента его сестра впадает в депрессивное состояние – происходящее вокруг становится ей абсолютно безразличным. Какие-то люди на машине останавливаются и подбирают обезумевшую девочку. Все пути спасения перекрыты полицией во имя прекращения беспорядков. Когда напуганные люди пытаются вопреки всему прорваться на вокзал, в их сторону стреляют. Яна-Берта внезапно теряет сознание и приходит в

себя в одной из школ, наспех оборудованной под госпиталь. Девочка узнает, что лежит в палате «легких случаев». В госпитале не хватает персонала, чистого белья, кроватей и лекарств. К больным был представлен гражданский служащий, располагавший множеством новостей. Этот человек позаботился и об установке в госпитале телевизора. «Теперь стали известны реальные последствия катастрофы: несколько зон отчуждения, эвакуация населения из области, расположенной в 150–200 км от реактора, 15000 погибших в течение первых дней, всего до настоящего времени около 18000 случаев смерти (среди людей, не перенесших лучевую болезнь), чрезвычайное положение по всей территории ФРГ, волна демонстраций против строительства АЭС, прокатившаяся по всей Европе; предъявляемые к Германии требования соседних стран возместить нанесенный ущерб, многочисленные кампании по сбору материальных средств» [3]. Гражданский служащий находит в списках Красного креста сведения о семье девочки. Он не осмеливается сообщить ей о том, что ее мать, отец и самый младший, недавно родившийся, брат мертвы, и продолжает обнадеживать ее.

Между тем Яна-Берта значится в списке пропавших. Вскоре ее находит тетя Хельга из Гамбурга. Хельга забирает подростка к себе. Жизнь главной героини не становится лучше. Девочка не желает жить у тети Хельги, которая даже после трагедии остается по отношению к Яне-Берте безразличной и холодной. Юной героине надоели тетины разговоры о надобности ношения головного убора, чтобы скрыть лысину, о необходимости празднования, несмотря на случившееся, дня рождения девочки. С каждым днем Яну-Берту все больше и больше раздражают неискренность и лицемерие Хельги, у нее нет желания ходить в школу и выслушивать монотонные речи о том, что без образования нет будущего. Вскоре она переезжает к своей второй тете Альмут и ее мужу дяде Рейнхарду. Альмут, Рейнхард и Яна-Берта начинают работать в центре пострадавших от аварии в Графенрейнфельде. Жертв катастрофы на немецкой АЭС называют «хибакусями» по аналогии с пострадавшими от ядерных взрывов в Хиросиме. В немецком обществе начинается деление на «облученных» и «необлученных», первые чувствуют себя изгоями. В результате друг и одноклассник Яны-Берты Эльмар кончает жизнь самоубийством.

Очевидно, Г. Паузеваг, в продолжение традиций классика немецкой литературы Г. Бёлля, с необыкновенной эмоциональностью рассказывает историю «маленького человека», заброшенного в бесконечно жестокий мир. Однако если Г. Бёлль описывал жизнь людей в тяжелые годы Второй мировой войны и не менее сложные времена после нее, то у Г. Паузеваг представлена история личности, вынужденной пребывать в постоянном страхе и неведении совсем по иным причинам – из-за экологического бедствия, внезапно вырвавшего ее и других людей из русла привычной повседневной жизни. То есть в центре романа – проблемы ответственности, сопричастности, выбора гражданской позиции. Читателю дана возможность наблюдать, как основная тема произведения – использование атомной энергии в мирных целях – постепенно обрастает многочисленными конфликтными ситуациями, мнениями, фактами, проблемами.

По словам немецкого исследователя Михаэля Грубера, «эта книга с самого начала поражает своей необыкновенной напряженностью, которая начинает убывать после сцен в госпитале, а потом, ближе к концу, нарастает снова» [3]. Первые признаки психологического напряжения ощутимы уже в моменты бегства героини из родного города, во имя спасения себя и брата от надвигающегося радиоактивного облака. Рисуя картины переполненных людьми улиц с автомобильными пробками, беспорядками и проявлениями крайних форм человеческой беспомощности и одновременно жестокости, Г. Паузеваг показывает поведение неорганизованных масс, которые превращаются, по сути дела, в неуправляемую и разрушительную толпу. Автор подчеркивает, что человек в толпе ведет себя непредсказуемо, его интеллектуальный уровень снижается, а поведение становится бессознательным. Попав в вихрь людей, пытающихся избежать радиоактивного заражения, Яна-Берта сталкивается с человеческой жестокостью и злостью. В экстремальной ситуации люди лишены рассудка, думают лишь о собственном спасении. Многие из них – знакомые девочки, являвшие собой образец доброжелательности и отзывчивости до катастрофы, но изменившиеся до неузнаваемости в момент эвакуации. Так, например, во время поездки на вокзал Яне-Берте попадает на глаза господин Милтнер, работающий детским тренером по настольному теннису для начинающих: «...всегда дружелюбный и сдержанный мужчина. Теперь он зло смотрел из своего автомобиля, проносясь мимо детей» [4, с. 39]. В Байерсхаузене Яне-Берте и ее брату довелось наблюдать картину, когда двое мужчин в бешенстве сталкивали чужую машину в кювет. У водителя этой машины закончился бензин, и он не мог ехать дальше, тем самым задерживая общий поток движения. Мужчина слезно просил, чтобы кто-нибудь дал ему хотя бы литр бензина, которого бы вполне хватило, чтобы добраться до следующей заправочной станции. Но никто не приходит на помощь ему и его престарелым попутчикам. Жертвой подобного безразличия, душевного равнодушия к ближнему становится и брат Яны-Берты Ули. Мальчика сбивает машина, водитель которой после случившегося даже не оглядывается и с бешеной скоростью продолжает мчаться навстречу собственному спасению: «Водитель не посигналил. Был слышен лишь глухой удар, и машина понеслась дальше, оставляя за собой шлейф дорожной пыли» [4, с. 55].

Причиной возникновения беспорядков и хаоса во время эвакуации, как подчеркивает автор, является не что иное, как недалекость государственных органов власти. В этом смысле показав-

тельна фраза в самом начале романа, которая воспринимается как своеобразный эпиграф к последующим событиям:

Каждый будет оставлен наедине с собой,
Как и на этот раз.
Политики будут опять неспособны
Что-либо сделать.
Они станут умирять и успокаивать [4, с. 10].

В одном из разговоров с Яной-Бертой ее бывший одноклассник Эльмар замечает: «Следовало начать гораздо раньше с эвакуацией. Типично для наших политиков! Ни у кого не хватило мужества взять на себя ответственность за такое непопулярное мероприятие» [4, с. 134]. Действительно, операция по спасению людей из зараженных районов проходила под девизом: «Спокойствие – основной долг гражданина» [4, с. 23]. По радио и телевидению людям навязывалось мнение о том, что ничего катастрофического не случилось и переждать опасность каждый может, просто-напросто укрывшись в подвале собственного дома. Власти маскируют свою неосведомленность и бессилие, не зная, как действовать в экстремальной ситуации, как спасти людей; они убеждены, что в такой высокоразвитой стране, как Западная Германия, атомная катастрофа невозможна: «тот бардак, который произошел в Чернобыле, не имеет ничего общего с немецкой атомной индустрией» [4, с. 17]. Как следствие, обычные люди, осознав опасность, сами принимают меры по собственному спасению. В одном из эпизодов Яна-Берта наблюдает за тщетными попытками представителей правоохранительных органов навести порядок на дорогах: «Только некоторые водители следовали их указаниям. Служащие, которые, ругаясь и жестикулируя, сустились между машинами, выглядели очень смешно. Яна-Берта удивилась: раньше она никогда не видела полицию такой. Девочка всегда питала к ней глубокое уважение» [4, с. 45]. Наконец, ситуация накалилась настолько, что служители порядка получили команду стрелять, лишь бы положить конец творимому людьми безумству.

После госпиталя жизнь главной героини и многих других пострадавших разворачивается по сценарию, в определенном смысле напоминающему сюжет новеллы Ф. Кафки «Превращение». Почти все они меняются внешне: в результате радиоактивного облучения снижается их вес, выпадают волосы, ухудшается цвет лица. Более того, облученные – отныне беженцы в собственной стране; ее «здоровое» население отнюдь не радо «гостям» и старается избегать общения с «хибакуси»: «Она (она – Яна-Берта. – *Н. Р.*) это быстро выучила: никто не глумился, не издевался над ней, никто не кричал ей вслед грубости. Но никто не хотел садиться рядом с ней ни в школе, ни в автобусе...» [4, с. 131]. Люди не понимают, что потерпевшие после трагедии нуждаются в максимальной поддержке, сочувствии. Отсюда многочисленные случаи суицида, как это было, например, с другом Яны-Берты Эльмаром. Мальчик хорошо учился, отличался самостоятельностью, невозмутимостью и уверенностью в себе. Но после аварии он резко меняется, в его разум все чаще и чаще закрадываются пессимистические мысли. Он говорит о том, что самое опасное – это овладевающий сознанием, поработавший его страх, «страх перед беспорядками, банкротством, перед грядущими последствиями трагедии» [4, с. 158]. Люди не видят будущего, ощущают себя обреченными на бедность, жалкое существование, многим не суждено завести детей. Вот Яна-Берта и Эльмар размышляют об образовавшемся разделении на пострадавших и не пострадавших в результате взрыва: «В нашем положении равенство может быть достигнуто только в том случае, если сократить к нему путь» [4, с. 135], под этим подразумевалась смерть и, действительно, в скором времени мальчик повесился. Возможно, именно потому, что Эльмар был не по годам умным, он предчувствовал грядущие тяготы жизни «хибакуси», которые, подобно превратившемуся в жука Грегору Замзе, стали помехой, «костью в горле» народа и экономики. «Графенрейнфельд делает нас бедняками. Слишком много бездомных, безработных и больных, которые не приносят никакой пользы, а лишь дорого обходятся. Сельское хозяйство развалено. Пути сообщения наполовину отрезаны, промышленность ослаблена» [4, с. 157], – слышим мы из уст Эльмара.

Следует подчеркнуть, что проблема социального неравенства всегда интересовала Г. Паузебанг. Ей, как человеку, разменявшему восьмой десяток, нередко доводилось видеть, как на определенных этапах немецкой истории пропасть между богатыми и бедными увеличивалась. Так было, например, после Второй мировой войны: какие-то регионы пострадали больше, какие-то меньше, в результате одни люди полностью обнищали, у других что-то оставалось. «По сути дела, любое бедственное положение в стране может привести к двухклассовой системе. Однако в современном обществе можно заметить, как мы все “нравственно беднеем”, а пропасть между богатыми и бедными растет и без участия каких-либо конкретных катастроф» [2], – так характеризует писательница современный социум. Выход Г. Паузебанг видит в восстановлении традиционных моральных ценностей и оптимизации социальной политики: «мы должны работать над укреплением межличностных отношений, над созданием своеобразной социальной сети, которая в ситуации, подобной взрыву на АЭС, не оставила бы потерпевших в одиночестве и изоляции, а взяла бы над ними опеку» [2].

Подчеркнем, что в своем романе «Облако» автор затрагивает не только социальные конфликты микроуровня, т.е. противоречия между богатыми и бедными, пострадавшими и не пострадавшими внутри одной страны. Ее также интересуют возможные в ситуации экологического бедствия макроконфликты, потенциальные противоречия между разными государствами. В этом смысле обращают на себя внимание

слова людей, размышляющих о своих плачевных попытках эмигрировать в другие страны: чем богаче страна и чем выше уровень её развития, тем неохотнее она соглашается принимать беженцев и оказывать им помощь. Данный парадокс можно рассматривать как следствие глубочайшей отчужденности, господствующей в мире, в основе которой лежит постоянное соперничество между преуспевающими странами в сферах экономики, политики, науки, техники, социального обеспечения. В условиях конкуренции у отдельных народов и их политических вождей совершенно отсутствует чувство сопричастности к проблемам других стран, судьбам их населения, ведь трудности соседей могут давать определенную выгоду, например – в сфере расширения рынков сбыта определенных товаров. Следовательно, пренебрегая просьбами о помощи, лидеры многих государств зачастую забывают о том, что в условиях современных общественных противоречий, природных и техногенных катаклизмов их государствам тоже может понадобиться поддержка со стороны. Тем не менее мы продолжаем наблюдать повсеместную власть денег и жажду выгоды. «Чем больше денег у тебя есть, тем больше дверей открыто для тебя» [4, с. 199], – с горечью заключает мать одного из пострадавших детей.

Ход рассуждений героев произведения часто приобретает экзистенциалистский характер. В контексте экологической тематики в романе рассматриваются проблемы личной ответственности и свободы, взаимоотношений человека и Бога, личности и общества. Автор неоднократно подчеркивает, что в современном мире место критического мышления зачастую занимают принудительные стандарты и иллюзии, общественные условности, человек же, ощущая свое бессилие и неспособность что-либо изменить, вынужден апеллировать к политической, экономической, правовой сфере либо обращается к религиозному опыту. Таким образом, он подсознательно перекладывает личную ответственность и вину на государство, законы, Бога и прочее, забывая о том, что исправить этот мир можно лишь начав с самого себя. Подобные рассуждения автор вкладывает в уста одного из своих героев, который рассказывает Яне-Берте, что его отец после катастрофы в Графенрейнфельде перестал ходить в церковь: «Раньше каждое воскресное утро он заставлял меня ходить на мессу. Теперь он обиделся на то, что его любимый Бог этого не оценил. Отец считает, что с ним поступили несправедливо, вместо того, чтобы злиться на политиков, которых он выбирал, или на себя самого» [4, с. 135]. Одна из героинь романа «Облако» называет современных людей «прокаженными XX века» [4, с. 150]. Действительно, именно в XX столетии на долю человечества выпал целый ряд сложнейших глобальных проблем, разрешение которых может быть под силу личности новой техногенной культуры, предельно ответственной и сознательной.

Очевидно, ценности европейского общества носят преимущественно антропоцентрический характер и ставят человека на высшую ступень пьедестала, разрешая ему практически все. Пожилой господин, которого случайно встречает Яна-Берта по дороге в Шлитц, восклицает: «Человечество стало слишком заносчивым. Хочет знать больше и уметь больше, чем Господь Бог» [4, с. 210]. В этих словах нет недоверия к высшим силам, божественному разуму, скорее содержится критика потребительской ориентации современной западной культуры, входящей в противоречие с фундаментальными законами нравственности. Каковы должны быть новые общественные идеалы – таков главный вопрос «экологии души», который Г. Паузеваг смело ставит перед читателем. О том же говорил замечательный белорусский писатель Алесь Адамович в статье, посвященной Чернобылю: «Умный человек после Хиросимы сказал: мир станет гуманитарным или его не станет. Это не значит, что исчезнут ученые-физики или химики. Но аварийная система – нравственная – у них будет лучше, чем на нынешних атомных станциях. Не исчезнут и политики, но нравственность станет действительно основой всех их действий, решений» [5, с. 38]. Мысли обоих писателей схожи с суждениями известного немецкого философа XX века Теодора Адорно, который в работе «О технике и гуманизме» писал: «Принесет ли современная техника, в конечном счете, пользу или вред человечеству, зависит не от техников и даже не от самой техники, а от того, как она используется обществом. Это использование не является делом доброй или злой воли, а зависит от объективных структур общества в целом... Если сегодня техники иногда испытывают страх перед тем, что может произойти с их изобретениями, то ведь лучшей реакцией на этот страх была бы попытка как-то содействовать установлению общества, отвечающего человеческому достоинству» [6]. Соответственно, потребительские запросы современного общества не должны ставиться выше гуманистических истин.

Органичное переплетение в романе «Облако» жизненных ситуаций и судеб героев из настоящего, прошлого и будущего имеет не только композиционно-стилевую, но и смысловую нагрузку. Прошлое предстает своеобразной копилкой житейской мудрости и опыта человечества, из которого следует должным образом извлекать уроки. Так, бабушке и дедушке Яны-Берты довелось пережить фашизм и годы Второй мировой войны. В те времена они были приспешниками гитлеровского режима, придерживаясь позиций конформизма и угодничества, а теперь не изъявляют ни малейшего желания признаться в этом («Ах, молчи о тех временах! Это уже далеко позади» [4, с. 138]). Эти персонажи были введены в повествование, согласно самой Г. Паузеваг, для того, чтобы показать, насколько пагубны для современного общества отсутствие гражданской позиции, пассивность и равнодушие. Прошлое ничему не научило супругов, как и раньше, они считают бесполезным и бессмысленным противостоять злу, общественной аморфности, ходить на те же экологические демонстрации: «Демонстрациями ничего не изменишь, это места сборищ мечтате-

лей и разинь» [4, с. 17]. Пожилых людей раздражают вмешательство детей в политику, «серьезные» разговоры об атомных реакторах. По их мнению, размышления на общественные, экологические и социальные темы – не детское дело; самих же супругов привлекают удобство, комфорт, возможность в полной мере пользоваться благами современной цивилизации: «...без атомной энергии невозможно прожить, она так же, как машина или телевизор, является неотъемлемой частью современной жизни...» [4, с. 17]. Неслучайно, когда речь заходит о мировоззрении бабушки Берты, повествование плавно перетекает в описание домашнего уюта, вязания, чистых и аккуратно сложенных простыней, домашних вафель и пирогов, рассказов о «благочестивых» манерах и сказок с хорошим концом, маскирующих отсутствие мужества признать совершенные ошибки: «У Партии зеленых, по ее мнению, “не было ни стыда, ни совести”, и когда дедушка Ганс-Георг спорил с отцом о политике, она переходила на кухню. Ее вафли были самыми лучшими на свете» [4, с. 20].

Для писательницы подобные взгляды категорически неприемлемы, поэтому в повествовании появляется еще одна фигура – бабушка Яны-Берты по маминой линии Йо. Это социально активный человек, приветствующий любые действия во имя преобразования действительности к лучшему. Ее девиз гласит: «Мы все должны измениться...» [4, с. 19]. Знакома читателя с этой героиней, повествователь посвящает его в сферы ее деятельности, дает представление об ее отношении к быту: работа в больнице, участие в демонстрациях против использования атомной энергии, приятный беспорядок в доме, вегетарианский сплин, тяга к простой аскетической жизни. Образ бабушки Берты заметно контрастирует с образом бабушки Йо, так как основополагающими мировоззренческими принципами последней являются забота об окружающей среде, альтруизм и ответственность. Для нее не существует нерушимых правил, неукоснительного следования догмам, если они идут вразрез с ее точкой зрения и основополагающими нравственными законами. Таким образом, представители одного поколения показаны в романе носителями полярных взглядов с целью, чтобы продемонстрировать, насколько по-разному можно воспринимать жизнь, родившись в одну и ту же эпоху и, соответственно, насколько прогрессивным и современным может быть человек независимо от возраста, а ведь именно благодаря таким людям возможны какие-то положительные перемены в настоящем.

В свою очередь образ холодной, бесчувственной тети Хельги, являющейся, по сути дела, безучастной и хладнокровной конформисткой, постоянно пребывающей в «башне из слоновой кости», противопоставлен образу тети Альмут – человека доброго и чуткого. Готовая разделить последний кусок хлеба со страждущими, она берет на себя попечительство над осиротевшими детьми своей подруги. Тетю Альмут, как и родителей Яны-Берты, можно назвать поистине людьми с большой буквы, величайшими альтруистами и социально активными гражданами. Вместе со своим мужем Рейнхардом Альмут работает в обществе пострадавших от последствий атомной катастрофы, активно участвует в акциях по прекращению использования ядерной энергии, помогает потерпевшим набраться душевных сил и мужества, почувствовать, что они не одни и нужны обществу, собирает гуманитарную помощь. Это человек настоящего, способный анализировать, не отмахивающийся от событий прошлого, а делающий их объектом глубокой рефлексии: «Мы неудобны, так как вызываем чувство сожаления и мешаем забыванию и пренебрежению прошлым» [4, с. 150].

Человек по определению не может жить лишь настоящим, он всегда так или иначе соприкасается с культурно-историческим прошлым своей страны и всего мира. Сегодняшний день, в некотором смысле, есть проекция дня грядущего, нынешние дети завтра станут взрослыми, «воспитателями». В этом контексте следует вернуться к образу бабушки Йо. Она отличалась тем, что, как никто другой, внимательно относилась к Яне-Берте как представительнице подрастающего поколения, ценила и уважала мнение младших, считала их самыми настоящими «творцами будущего», разговаривала с ними на равных. Можно заключить, что эта героиня является выразительницей мнения самой Г. Паузеваг относительно того, что современная молодежь должна вопреки всему «обладать правом голоса», быть осведомленной, активной, осознающей актуальные проблемы современности.

В романе «Облако» Г. Паузеваг много размышляет о будущем. Иногда Яне-Берте и многим другим потерпевшим оно кажется абсолютно безнадежным, но, в конце концов, главная героиня приходит к выводу о том, что стоит жить дальше и верить в лучшее, быть активным участником перемен, слушать свой внутренний голос, освободиться от предрассудков и страхов, открыто высказывать свое мнение, бороться с невежеством и халатностью, ощущать себя личностью, способной сделать сознательный выбор и нести за него ответственность, научиться полагаться на собственные силы, иначе говоря – обретает житейскую мудрость. Отказ Яны-Берты от обучения в школе – это протест против ханжеской морали, ценностных ориентиров современного общества. Так трагическое событие, произошедшее на атомной электростанции, становится толчком к изменению мировоззрения и мироощущения главной героини. Соответственно, предметом художественного анализа писательницы является процесс превращения индивидуума в личность; Г. Паузеваг изображает путь, который проходит девочка-подросток, говоря словами А. Андреева, «от натуры – к культуре (от приспособления к познанию)» [7, с. 41], создает своеобразный «роман воспитания».

На наш взгляд, самой Г. Паузеваг во время создания романа «Облако» руководило стремление к тому, чтобы вместе с главной героиней внутренне вырос и читатель. Роман призван в первую очередь воздействовать на молодежь, прививать ей чувство ответственности, желание и умение анализировать. «Я думаю, мы недооцениваем молодых. Они зачастую не разрешают взрослым навязывать им свои пред-

ставления, мировоззрение и образ мыслей. Не все, но многие из них хотят позаботиться об этом самостоятельно. Я верю, что в сложной ситуации наше молодое поколение повело бы себя правильно. Я могу только верить, что наша молодежь лучше, чем ее репутация» [2], – говорит Г. Паузеваг в одном из своих интервью.

Выводы. Роман «Облако» поражает своей актуальностью, жизненностью и простотой при том, что автору удается выйти за рамки злободневности и затронуть глобальные аспекты и феномены человеческого существования, такие как вина, эгоизм, сопричастность. Большое внимание уделяется экзистенциальным вопросам индивидуальной свободы и общественной ответственности. В этом смысле идейное содержание романа перекликается с философскими раздумьями Жана-Поля Сартра, который в своей работе «Экзистенциализм – это гуманизм», писал: «То, что мы выбираем, – всегда благо. Но ничто не может быть благом для нас, не являясь благом для всех» [8]. Красной нитью через все произведение проходит мысль о том, что, несмотря на свою длинную и противоречивую историю, человечество продолжает совершать одни и те же ошибки, ведь и сегодня многочисленные пороки продолжают тормозить духовный рост человека, а складывавшаяся на протяжении столетий антропоцентрическая модель развития западноевропейской цивилизации, направленная на насильственное преобразование природы техническими средствами, не во всем оправдывает себя. В романе неоднократно, в частности на примере трех поколений (Яны-Берты, ее родителей, бабушки и дедушки), ставится под сомнение понимание бюрократизированным обществом идей социального прогресса, демократии, свободы и личной инициативы. Таким образом, Г. Паузеваг обращается к разуму читателя; по словам Уты Блайх, ее произведение представляет собой «мужественную попытку заставить общество распрощаться с фальшивыми мечтами и иллюзиями. В нем автор преобразует картину катастрофы в исцеляющий шок, призванный заставить человечество оглянуться. При этом надежда писательницы прежде всего зиждется на вере в человеческое благоразумие» [9]. Ощувив всю серьезность атомной трагедии, произошедшей на территории СССР, Г. Паузеваг считает своим долгом предупредить и предостеречь население своей страны от подобных происшествий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексиевич, С.А. Чернобыльская молитва / С.А. Алексиевич. – М., 2008. – 380 с.
2. Pausewang, G. «Ich möchte warnen» / G. Pausewang // Alien Contact [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.epilog.de/PersData/P/Pausewang_Gudrun_1928/Texte/Interview_AC069.htm. – Дата доступа: 14.01.2011.
3. Gruber, M. Gudrun Pausewang: Die Wolke / M. Gruber // Ein Internet-Projekt der Integrierten Gesamtschule Bonn-Beul [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gebonn.de/projekte/buecher/rez/-pausew/wolke2.htm>. – Дата доступа: 02.01.2011.
4. Pausewang, G. Die Wolke / G. Pausewang. – Ravensburger Buchverlag Otto Maier GmbH, 1997. – 224 S.
5. Адамович, А.М. Имя сей звезде Чернобыль / А.М. Адамович. – Минск, 2006. – 544 с.
6. Адорно, Т. О технике и гуманизме / Т. Адорно // Библиотека Гумер – Философия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/adorno/tehgunm.php. – Дата доступа: 28.11.2010.
7. Андреев, А.Н. Теория литературы: в 2 ч. / А.Н. Андреев. – Минск, 2010. – Ч. 2: Худож. творчество. – 264 с.
8. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Научно-просветительский журнал «Скепсис» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_545.html. – Дата доступа: 02.01.2011.
9. Blaich, U. Mit den Wolken kommt der Tod: Störfall in der Jugendbuch-Idylle / U. Blaich // Zeit. – 06.02.87.

Поступила 01.10.2013

“TRYING TO WARN...”: CHERNOBYL IN THE NOVEL “CLOUD” OF GUDRUN PAUSEWANG

N. RIMARSHUK

This article is about the problems and poetics of the novel “Die Wolke” (“The Cloud”, 1987) of the well-known German writer G. Pausewang. The work was written after the Chernobyl disaster in the USSR, but the author intentionally moved the nuclear accident, described in it, to the German territory. The book is primarily addressed to the young readers, but also is interesting for adult audience dealing with issues of individual and State responsibility, man and humanity fates concerning the technological progress, freedom and conformity. Based on a particular story, the novel has a preventive and predictive nature and in this sense is connected with other works of German writers about Chernobyl.

УДК 821(4/9).09

**ЭПИСТОЛЯРНАЯ ПРОЗА Э.-Э. ШМИТТА:
ТИПОЛОГИЯ ЖАНРОВЫХ МОДИФИКАЦИЙ****О.О. ЛЕНЬКОВА***(Белорусский государственный университет, Минск)*

Рассматривается эпистолярная проза современного французского писателя Эрика-Эмманюэля Шмитта, хорошо известного русскоязычному читателю. На примере целостного исследования таких его текстов, как «Евангелие от Пилата» (L'Évangile selon Pilate, 2000), «Оскар и Розовая Дама» (Oscar et la Dame Rose, 2002), «Моя жизнь с Моцартом» (Ma vie avec Mozart, 2005), рассматриваются процессы деканонизации классической структуры эпистолярного произведения, усложнения его жанровой природы (объединения в структуре эпистолярного текста различных жанровых модификаций), изменения функций письма в художественном целом произведения.

Введение. Начало XXI века является переходным этапом во всех сферах жизнедеятельности общества, включая литературу. Новая эпоха обычно ставит перед писателем задачи, требующие новых художественных решений, которые, однако, возможны только в процессе творческого развития традиций. Традиционные литературные жанры подвергаются разрушению, меняются или вовсе исчезают их каноны. В данной работе мы рассматриваем эти процессы на примере произведений эпистолярной прозы. Особое внимание в этом контексте будет уделено эпистолярному роману – явлению сложному, спорному и малоизученному.

В постсоветском литературоведении эпистолярный роман определяется как специфичный жанр художественного текста, сочетающий в себе элементы письма как формы бытового общения и качества литературного произведения – романа.

Европейские исследователи (Ж. Руссе, Дж. Альтман и др.), исходя из формальных признаков жанра, определяют эпистолярный роман как особую художественную структуру, «une forme littéraire», схожую по своим потенциальным выразительным возможностям с дневником и мемуарами [1, с. 72].

Понятие «эпистолярный роман» восходит к эпистоле – античному посланию, имевшему форму поэтического письма к самому широкому кругу читателей.

История эпистолярного романа весьма драматична: пережив бурный расцвет и популярность в XVIII веке, в следующем столетии он был забыт и практически не встречался в классическом варианте. В XX веке авторы возобновляют интерес к форме писем, при этом, по словам российского литературоведа А.А. Сарафановой, «переписка либо становится одним из приемов для создания многослойного модернистского или постмодернистского текста, либо служит удобной текстовой оболочкой» [2]. Причины интереса читателей к эпистолярному роману исследователи усматривают в том, что данный жанр «придает излагаемым событиям эффект достоверности, правдоподобия» [2]. Это достигается путем тщательной выверенности хронологии писем в романе, стилизацией под частную переписку.

Однако время требует от писателей иных решений, что постепенно приводит их к отказу от открытого высказывания, публичной доступности писем. Вследствие этого эпистолярный роман утрачивает свое значение, в повествование все сильнее вовлекается авторское «я», что резко противоречит классическому эпистолярному роману, в котором автор позиционировал себя как издателя, не имеющего никакого отношения к представленной переписке. Концептуально важное новшество, которое проникает в современный эпистолярный роман, – это изменение функции самого письма в повествовательном целом.

Эволюция эпистолярного романа происходила параллельно с усложнением жанровой природы произведений – объединением романа в письмах с другими разновидностями романа. В современных произведениях эпистолярный дискурс взаимодействует с иными – дневниковым, мемуарным, философским и др. Этот процесс определенно влияет на характер коммуникации, тематику, круг создателей и получателей писем, хронотоп произведения.

Развитие эпистолярного романа сопряжено с его отдалением от традиции классического романа в письмах, что иллюстрирует ключевую для современной литературы тенденцию – разрушение канонических жанровых структур. Однако эпистолярный дискурс не теряет при этом своей уникальности, сохраняя доминирующее значение в художественном целом произведения. В системе персонажей это проявляется в том, что адресанты всегда ориентированы на адресата, отбирая темы и речевые средства с учетом их восприятия эпистолярным «собеседником».

Таким образом, наша цель – исследовать возникшие жанровые модификации эпистолярной прозы, фокусируясь на такой проблеме, как эпистолярный роман. Мы основываемся на анализе именно того художественного материала, в котором показательна деканонизация классического эпистолярного романа.

Основная часть. Творчество известного французского писателя Эрика-Эммануэля Шмитта (Eric-Emmanuel Schmitt, род. в 1960 г.) выявляет специфику эпистолярного романа XX – начала XXI века, заключающуюся в неоднозначности, неопределенности, переходности и преемственности художественных явлений. В белорусском и российском литературоведении крупных исследовательских работ, посвященных творчеству Э.-Э. Шмитта, практически нет, за исключением немногочисленных предисловий к изданиям его произведений на русском языке. И поскольку эпистолярная проза французского автора не получила должного осмысления в отечественной филологической науке, актуальность ее целостного исследования представляется несомненной. Созданная на протяжении относительно короткого периода, она может рассматриваться как текстовое единство, позволяющее прояснить происходящие в современной литературе изменения. Эпистолярная проза в творчестве Э.-Э. Шмитта представлена во взаимосвязи с новыми принципами мышления, новым видением мира и человека в нем. Писатель воплощает в своих произведениях особенность мышления рубежа веков: Э.-Э. Шмитт вступает в равноуровневые диалогические связи, вбирая философию, эстетику предыдущих эпох, синтезируя и обновляя традиционные литературные жанры (в частности, эпистолярный роман). Склонность автора к жанровому синтезу затрудняет атрибуцию его произведений. Отметим, что Э.-Э. Шмитт не просто слепо смешивает жанры и жанровые формы: в своей эпистолярной прозе он органично соединяет жанры прошлого с актуальными для современной литературы.

Одним из самых известных и значительных произведений Э.-Э. Шмитта является «Оскар и Розовая Дама» (*Oscar et la Dame Rose*, 2002). Автор определяет свое произведение как рассказ (*récit*). (Отметим, что не только для этого текста писатель предлагает собственную весьма вольную жанровую атрибуцию. Порой, например, написанные прозой произведения он называет пьесами). Полагаем, что данная автором дефиниция «рассказ» справедлива, учитывая небольшой объем «Оскара ...», простоту его композиции, сюжета и системы персонажей. Ввиду некоторых терминологических расхождений в отечественном и французском литературоведении и отсутствия в последнем определения более крупного прозаического жанра (французские литературоведы для определения малых прозаических форм придерживаются понятий *récit*, *nouvelle*, для более крупных – *roman*) мы бы могли остановиться на такой жанровой дефиниции «Оскара...», как повесть. Здесь «внимание переносится на статические компоненты произведения – повествовательные структуры – обстоятельства, душевные состояния. Описания состояний, переживаний героев занимают больше места, чем интерактивный обмен репликами» [3, с. 14]. Герои в таких произведениях немногочисленны, развивается одна сюжетная линия.

Как нам кажется, «Оскар ...» – это повесть философская, что, разумеется, не противоречит ее определению как эпистолярной. Однако очевидны в произведении отличия от классической французской философской повести эпохи Просвещения. Жанр, разработанный Вольтером, претерпел изменения и приобрел новые черты. В философской повести эпохи Просвещения велось повествование о странствиях, скитаниях главного персонажа. В процессе путешествия герой становился опытнее, мудрее, приспосабливался к жизни. При этом цель подобных перемещений – найти ответы на самые важные вопросы, развить свою духовность и мудрость, познать новые истины. Описание событийной и бытовой сторон жизни занимает в философской повести подчиненное положение по отношению к идеологической ее составляющей [4, с. 121].

В произведении Э.-Э. Шмитта главный герой, десятилетний Оскар, не путешествует в прямом смысле этих слов, т.е. не переносится в непривычную для него обстановку. Он лишен возможности покинуть палату и прекратить лечение от смертельной болезни, поэтому экзотический фон философских повестей эпохи Просвещения сменяется вполне обыденными и достаточно бледными красками больницы. Однако то, что сближает произведения Вольтера и Шмитта, – это трансформации, которые происходят с их главными героями. Оскар на протяжении произведения кардинально пересматривает свои взгляды. Изначально мальчик не верит в Бога, ассоциируя обращение к нему с чем-то неприятным, несущим боль и страдание. Последние страницы книги рисуют совсем иную картину: теперь для Оскара Бог связан с праздником и радостью. Как и в философской повести Вольтера, главный герой, узнавая нечто новое, ставит под сомнение свои прежние убеждения.

Итак, мы выяснили, что наряду с эпистолярной формой в «Оскаре...» присутствует ряд составляющих, позволяющих определить его как философскую повесть. Помимо этого, Э.-Э. Шмитт, расширяя границы классического литературного жанра, наделяет произведение чертами философской сказки. Сказка предполагает вымысел, наличие чудесного, фантастического элемента с целью не только увлечь,

но и воспитать читателя, следовательно, соединяет дидактику, морализаторство и развлекательный компонент. Поскольку в случае с произведением Э.-Э. Шмитта мы имеем дело именно с философской сказкой, следует сказать, что отличие этой жанровой разновидности как раз и состоит в усилении подтекстового, глубинного содержания. С композиционной точки зрения такая сказка характеризуется простотой, с сюжетной – незатейливостью, с художественной – аллегоричностью и символичностью, с идейной – наличием серьезной философской проблемы. Главные действующие лица классических философских сказок отмечены универсальностью, время и пространство четко определить не всегда представляется возможным. Все вышеперечисленное приводит к тому, что внимание и автора, и читателя фокусируется не на событийности и совершении чуда, а на идейном содержании произведения. Герой философской сказки Э.-Э. Шмитта, маленький Оскар, существует во вполне материальной, обычной для него обстановке. В его жизни не происходит явных чудес. Мальчик не излечивается в последний момент от болезни, как не выздоравливает никто из его товарищей по несчастью. Чудо, которое читатель все же находит в произведении, творит сам Оскар: он начинает переписку с Богом, и это событие приводит его впоследствии к открытию совсем иного мира. Чудо – это появление Розовой Дамы, вполне земной женщины, которую привело к мальчику не божественное, чудесное прозрение. Проходит совсем немного времени, и эта женщина проникается искренним чувством к ребенку и от всей души хочет ему помочь. Чудом является и отсутствие у маленького мальчика страха перед смертью. Чудо – это то, что взрослая женщина, которая первой предложила Оскару писать письма к Богу, в конце книги сама пишет письмо Всевышнему. Чудо – это присутствие Бога рядом с Оскаром, подтверждения чему малыш то и дело находит: «Это очевидно, что Он присутствует здесь по-своему: неуловимо, таинственно» [5, с. 90].

Помимо вышеперечисленных жанровых форм, мы находим в произведениях Э.-Э. Шмитта и элементы притчи. Поскольку черты этого жанра можно найти во многих произведениях французских писателей, нам кажется правомерным говорить о притчевости как черте, характерной именно для этого автора.

Притча считается долитературным жанром, который характеризуется в первую очередь универсальностью хронотопа, отсутствием художественности как первичной цели, дидактичностью, морализаторством. В современной литературе притча все чаще встречается не в чистом виде, а в соединении с другими жанрами, что ведет к созданию новых жанровых разновидностей. Хорошо известны романы-притчи У. Голдинга, М. Турнье, Ж.М.Г. Леклезю. Окружающая обстановка, вещи в таких произведениях упоминаются лишь по необходимости, действующие лица интересуют автора в первую очередь как субъекты, совершающие выбор. Из характеристик притчи в произведении «Оскар и Розовая Дама» следует назвать, прежде всего, наличие глубинного смысла действия, на котором фокусируется внимание автора, а также почти полное отсутствие ярких красок, аскетичность обстановки.

Интерес к притче писатели, в том числе и Э.-Э. Шмитт, объясняют тем, что глубина содержания при простоте его изложения призвана донести до читателя те истины, которые он мог бы и не постигнуть, если бы произведение было облачено в иное, более конкретное и яркое внешнее оформление. Дидактический, но ненавязчивый слог притчи как нельзя лучше соответствовал установке просветителей донести свою мысль до каждого читателя. Отвечает он и замыслам Э.-Э. Шмитта.

Как видим, только в одном «Оскаре...» Э.-Э. Шмитт объединил сразу несколько жанровых разновидностей, усложняя тем самым эпистолярную интенцию героя, расширяя ее за счет возможностей философской повести, сказки и притчи. Однако доминирующая черта – установка на осмысление себя и мира пишущим субъектом – не вытесняется характеристиками других жанровых модификаций. Безусловно, меняется сюжет, стилистические особенности речи героев (откровенность, философский компонент, лаконичность, дидактизм), но мы видим, что эпистолярный дискурс не позволяет изменить канонические параметры высказывания так, чтобы оно обрело иные качества.

В отношении другого произведения – «Моя жизнь с Моцартом» (*Ma vie avec Mozart*, 2005) – правомерно говорить о художественном присутствии такого жанра, как автобиография. Следует отметить, что эпистолярный роман, преследуя поиски правдоподобия, еще при зарождении взаимодействовал с близкими по природе жанрами – историческим романом и романом-мемуарами, романом-автобиографией. Однако если последние обращаются к истории в поисках правдивых картин жизни, то эпистолярный роман, погружаясь в сферу личного, не ищет в прошлом модели для изображения, а предлагает иную форму выражения – форму субъективности. Такой роман приближает читателя к чувствам персонажей в момент их переживания: повествование здесь осуществляется от первого лица и в настоящем времени. В произведении «Моя жизнь с Моцартом» характеристики романа-автобиографии органично вплетаются в канву эпистолярного романа. Autofiction (самосочинение, синтез документального и вымышленного) – жанровая разновидность художественной автобиографии, которая чрезвычайно востребована современными французскими литераторами. Шмитт предлагает свой вариант autofiction. Это про-

изведение – лиричный, откровенный, искренний рассказ о жизни человека, который смог преодолеть кризис благодаря открывшейся ему красоте музыки и ее исцеляющей силе. В тексте произведения «Моя жизнь с Моцартом» настолько тесно сплелись вымысел и достоверные сведения из жизни самого автора (географические наименования, место учебы и работы, профессиональный путь), что мы вполне можем отнести этот роман к autofiction.

Вышеупомянутое произведение включает в себя еще одну особую модификацию романа – «роман-оперу», или «музыкальный роман» [6, с. 34]. При анализе поэтики произведения мы приходим к выводу, что оно представляет синтетический род искусства. Структура романа чрезвычайно близка к архитектонике музыкального произведения. Сам Э.-Э. Шмитт, усиливая этот эффект, вкрапляет в текст произведения ссылки на музыкальные произведения Моцарта, а книга сопровождается диском с записями, пронумерованными согласно хронологии появления в романе. Произведение, таким образом, приближается к мелодии, а сама организация текста напоминает организацию оперы (пролог, развитие действия, акты, финал).

Еще один вариант синтеза жанров автор избирает в произведении «Евангелие от Пилата» (*L'Évangile selon Pilate*, 2000). С сюжетной точки зрения это исторический и одновременно детективный роман, в котором автор предлагает прикоснуться к одной из главных тайн христианства – воскресению Иисуса Христа. Понтий Пилат, главный герой книги, предпринимает настоящее расследование с целью найти исчезнувшее тело Христа. Действие развивается стремительно, в романе присутствуют упоминания об исторических событиях, личностях, имеются и географические названия. Но цель автора, на наш взгляд, заключается не в собственно интерпретации известной вот уже два тысячелетия истории. Скорее, Э.-Э. Шмитт ищет ответы на волнующие главного героя (как нам кажется, и писателя) вопросы. Путь к истине сравним для Пилата с путем к самой вере. Отметим, что, помимо философской глубины, в художественном отношении этот роман – умело написанная история, которая чрезвычайно легко читается и не имеет ограничений в целевой аудитории. Первая же часть романа, написанная не в эпистолярной форме, представляет собой образец романа-исповеди, также популярной в эпоху Просвещения.

Большинство произведений Э.-Э. Шмитта, в том числе и некоторые из эпистолярных романов, инсценированы, даже те, которые первоначально предназначались исключительно для чтения. Сам автор, работая над «Евангелием от Пилата», задумывал его как прозаическое произведение, исключая возможность его дальнейшей «театрализации», однако по прошествии времени включил текст в театральный цикл «Мои Евангелисты» (*Mes Évangiles*), и теперь одноименная пьеса с успехом идет на сцене.

Что касается модификаций классического эпистолярного романа на стилистическом уровне, то следует отметить такую отличительную черту прозаических произведений Э.-Э. Шмитта, как «dramaticité» – драматичность, качество письма, которое позволяет прозаическому произведению быть реализованным на сцене. Проза писателя необычайно театральна, динамична, даже кинематографична. Драматургия же прозаика, как известно, часто обладает чертами романной формы. Шмитт является и прозаиком, и драматургом в одном лице, поэтому его творчество на скрещении литературных родов порождает переходящие взаимовлияния. Отметим, что упомянутый выше «Оскар» был экранизирован, и именно сам французский писатель успешно выступил в качестве сценариста и режиссера фильма, адаптируя сюжет повести к кинематографическому искусству. Интересно заметить, что момент написания писем занимает важнейшее место и в фильме, будучи его связующим и сюжетообразующим звеном.

Речь персонажей в эпистолярном романе выполняет двойную функцию: с одной стороны, она выступает способом раскрытия образа героя через самоанализ, с другой – выражает его индивидуальные речевые привычки, что, соответственно, говорит об уровне культуры пишущего, образовании, социальной принадлежности, характере. Использование стилистических особенностей в речи персонажей позволяет автору применить дополнительные художественные приемы. Так, Э.-Э. Шмитт часто обращается к юмору, который присущ его персонажам. Легкая, ненавязчивая ирония придает оптимистическое звучание словам героев, даже когда речь идет о серьезных вещах: о болезни ребенка, о смерти, о бедности. Оскар довольно часто вызывает читательскую улыбку: «Мы с Пегги Блю долго читали медицинский словарь... Я искал там интересные мне слова: Жизнь, Смерть, Вера, Бог. Ты не поверишь, их там нет! Заметь, это доказывает, что ни жизнь, ни смерть, ни вера, ни ты не являетесь болезнями. И это, скорее всего, хорошая новость...» [5, с. 50].

«Шмитт – юморист от природы. Его герои попадают в сложные ситуации, и все это – весело, оригинально, экстравагантно, по-французски изящно. Но любой большой писатель – трагический нерв своего времени, и сколько бы он ни смеялся, наступает время, когда вместо лукавой улыбки либертена Дидро перед ним встают совсем иные фигуры», – говорит М. Бударягин [7].

Объясняя выбор тематики, которую многие посчитали бы табуированной, и комментируя свой авторский стиль, Э.-Э. Шмитт в одном из интервью сказал: «Я не думаю, что в искусстве есть запретные

темы или что они должны быть. Вопрос в том, как о них говорить, каким тоном, в какой манере. Манера, тон могут быть недопустимыми. Сама тема – нет. Когда я писал «Оскара...», то не знал, достаточно ли деликатно пишу. И я волновался. Но мне очень хотелось об этом написать» [8].

Шмитт подчеркивает реалистичность событий, происходящих в его произведениях, широко используя молодежный сленг. «Я, доктор философских наук, писатель, человек, немало повидавший в жизни, обязан был сознательно «обеднять» мою речь, чтобы словами ребенка выразить совсем не детские мысли» [9]. В этом автор следует как раз не за просветителями, чья проза была более изысканной, а за писателями XX века, такими как А. де Сент-Экзюпери с его произведением «Маленький принц» (*Le Petit Prince*) или Эмиль Ажар с его романом «Жизнь впереди» (*La Vie devant soi*). Неслучайно имя для главного героя своего произведения «Мсье Ибрагим и Цветы Корана» Э.-Э. Шмитт заимствует у предшественника: мальчика, который оказался в центре жизни многонационального поселения зовут точно так же, как и ажаровского персонажа, – Момо.

Таким образом, в речи персонажей Э.-Э. Шмитт использует различные стилистические приемы, пытаясь тем самым еще достовернее передать чувства и эмоции своих героев. Кроме того, лексика, употребленная в их письмах, говорит об эволюции самих персонажей: она меняется на протяжении романа, приобретает дополнительные характеристики.

Анализ речевого поведения персонажа в эпистолярном романе позволяет сделать вывод не только о самой личности героя, но и служит жанровому определению произведений. Благодаря тонкому, но доступному юмору, порожденному жанрами эпохи Просвещения, в философской повести усиливается художественная реалистичность, а в романе-автобиографии появляется самоирония. В результате ставшие каноническими жанровые константы приобретают современное прочтение и, вступая в контакт с компонентами романа в письмах, образуют новые жанровые модификации.

Отметим, что в зависимости от количества персонажей, эпистолярный роман может иметь различные варианты коммуникации. К примеру, украинский лингвист О.Б. Рогоза предлагает типологию, которая базируется на отношениях между источником и ситуацией высказывания. Она различает монофонические эпистолярные романы (основываются на одnogолосии), диалогические (присутствуют два персонажа) и полифонические (многоголосие) [9, с. 9–11]. При этом классический эпистолярный роман представлен либо полифонической («Опасные связи» Шодерло де Лакло), либо диалогической («Воспоминания двух юных жен» О. де Бальзака) организацией повествования.

Применяя вышеописанную классификацию в отношении творчества Э.-Э. Шмитта, мы приходим к выводу о том, что писатель выбирает монофонический тип эпистолярного романа, в котором имеются письма только одного персонажа, адресанта, отправляющего послания своему постоянному адресату. Причем во всех эпистолярных произведениях французский автор остается верным именно этой структуре, наиболее подходящей для представителя «эпохи монолога».

Заключение. Эпистолярная проза в творчестве Э.-Э. Шмитта представлена целым рядом произведений. Интерес писателя к эпистолярной форме не падает, о чем свидетельствует один из последних его романов – «Женщина в зеркале» (*La femme au miroir*, 2011), который также создан в форме писем. При этом Э.-Э. Шмитт не ограничивается лишь классическим эпистолярным романом, синтезируя его с другими жанровыми формами (философской повестью, притчей, романом-автобиографией). Монологическое повествование эпистолярного романа у Э.-Э. Шмитта превращается в межжанровую романную полиформу [10], которая характеризуется модификациями внутри самой жанровой системы; психологический роман, философский, автобиографический, роман-мемуары – все эти жанры представлены в совершенно новом смешении. Результатом творчества на скрещении жанров и жанровых форм является возникновение таких своеобразных жанровых модификаций, как эпистолярная автобиография, эпистолярная философская повесть-сказка, эпистолярный роман-исповедь. Шмитт работает как внутри художественной системы, так и выходя за ее границы: он объединяет музыку, драму в рамках одного произведения. Прозаик творит и на скрещении эстетических систем: язык просветителей неотделим у него от постмодернистского мироощущения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rousset, J. Une forme littéraire: le roman par lettres. Forme et Signification. Essais sur les structures littéraires de Corneille à Claudel / J. Rousset. – Paris: J. Corti, 1962. – P. 65–68.
2. Сарафанова, А.А. Классическая форма эпистолярного романа и ее трансформация в XX веке / А.А. Сарафанова [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/klassicheskaya-forma-epistolarnogo-romana-i-ee-transformatsiya-v-hh-veke>. – Дата доступа: 12.12.2013.

3. Крылова, М.А. Автобиографическая тетралогия Н.Г. Гарина-Михайловского («Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры»): проблема жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / М.А. Крылова; Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород: 2000. – 21 с.
4. Михайлов, А.Д. Вольтер после 1749 г. / А.Д. Михайлов // История всемирной литературы: в 8-ми т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1983–1994. – Т. 5. – 1988. – С. 119–129.
5. Шмитт, Э.-Э. Оскар и Розовая Дама / Э.-Э. Шмитт; пер. И. Мягкова. – М.: Азбука, 2009. – 192 с.
6. Логунова, Н.В. Русская эпистолярная проза XX – начала XXI века: эволюция жанра и художественного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Н.В. Логунова; Южный фед. ун-т. – М., 2011. – 46 с.
7. Бударегин, М. Двое в комнате: я и Зигмунд / М. Бударегин // Отель двух миров [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://dvmira.ru/biografiya/>. – Дата доступа: 15.05.2013.
8. Антонова, Е. Не думаю, что есть запретные темы / Е. Антонова // Знаменитости [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http://www.peoples.ru/art/theatre/dramatist/eric-emmanuel_schmitt/. – Дата доступа: 11.09.2013
9. Официальный сайт Эрика-Эмманюэля Шмитта [Электронный ресурс] / Офиц. сайт Э.-Э. Шмита. – 2010. – Режим доступа: <http://www.eric-emmanuel-schmitt.com/>. – Дата доступа: 18.05.2013
10. Рогоза, О.Б. Структурно-композиційні та семантико-прагматичні особливості французького епістолярного роману XVIII – XX століть (на матеріалі творів Ш. де Лакло, О. де Бальзака, А. де Монтерлана): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / О.Б. Рогоза; Киев. нац. лингв. ун-т. – Киев, 2005. – 22 с.
11. Шевякова, Э.Н. Современная французская проза рубежа веков: модификация романной формы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03 / Э.Н. Шевякова; Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.famous-scientists.ru/list/4425>. – Дата доступа: 01.02.2013.

Поступила 24.12.2013

THE EPISTOLARY PROSE OF ERIC-EMMANUEL SCHMITT: TYPOLOGY OF GENRES MODIFICATION

V. LENKOVA

The article is devoted to a research of the epistolary prose of E.-E. Schmitt, modern French writer, well-known to Russian-speaking readers. On an example of a holistic study of his texts “Oscar et la Dame Rose” (“Oscar and the Lady in Pink”, 2002), “Ma vie avec Mozart” (“My life with Mozart”, 2005), “L’Évangile selon Pilate” (“The Gospel According to Pilate”, 2000) we research processes of decanonization of epistolary work classical structure, complication of its genre nature (when we have a combination in the structure of the epistolary genre text of various modifications), changes of the functions of the letters in an artistic core of work.

УДК 821.161.1(476).09

**БЕЛАРУСКАЯ РУСКАМОЎНАЯ ЛІТАРАТУРА:
СУТНАСЦЬ ПАНЯЦЦЯ І ПРАБЛЕМЫ АЗНАЧЭННЯ****В.І. ПАЛУКОШКА***(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)*

Даследуюцца тэарэтычныя праблема рускамоўнай творчасці ў беларускай літаратуры. У гэтым кантэксце падрабязна разглядаюцца пытанні ўключанасці рускамоўнай літаратуры ў беларускі літаратурны працэс і тэрміналагічнага азначэння. У розны час літаратурнай мовай на Беларусі выступалі лацінская (XVI–XVII стст.), польская (XVIII–XIX стст.), беларуская, у меншай ступені – руская. Калі папярэднія іншамовныя літаратуры даволі актыўна вывучаліся і вывучаюцца, то, як паказаў аналіз навуковых і крытычных матэрыялаў, рускамоўная літаратура толькі апошнім часам стала ўключацца ў кантэкст нацыянальнага пісьменства і літаратуразнаўства. Да канца нявызначаным застаецца і пытанне тэрміналогіі. Большасць даследчыкаў прытрымліваецца бінарнай класіфікацыі (рускамоўная літаратура Беларусі / руская літаратура Беларусі), але часта сярод некаторых навукоўцаў, крытыкаў і нават саміх пісьменнікаў назіраецца тэндэнцыя да ўзаемазамаяльнасці паняццяў. Прапануюцца канкрэтызаваць і пашырыць вядомую класіфікацыю, а рускамоўных аўтараў аб’яднаць паняццем “беларуская рускамоўная літаратура”.

Уводзіны. Сучасная беларуская літаратура вызначаецца сваёй шматвектарнасцю. Сюды адносіцца як непасрэдна беларуская літаратура (якая ствараецца на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь і на нацыянальнай мове), так і літаратура «беларускага замежжа» (на нацыянальнай мове, але па-за межамі дзяржавы), і рускамоўная літаратура, якая, гаворачы словамі А. Андрэева, «усё ж існуе і развіваецца па класічных законах, уласцівых любой літаратуры свету» [1, с. 14]. Сапраўды, у нас ёсць (і былі) пісьменнікі, якія пішуць па-руску, аднак сама рускамоўная літаратура пакуль не заняла свайго месца ў беларускай літаратурнай прасторы. Да апошняга часу яна знаходзілася па-за межамі праблемнага поля беларускага літаратуразнаўства.

Асноўная частка. Калі ўзяць любое сучаснае акадэмічнае выданне па беларускай літаратуры XX стагоддзя (гл. чатырохтомную «Гісторыю беларускай літаратуры XX стагоддзя»), то мы не знойдзем там інфармацыю пра рускамоўную літаратуру Беларусі. Часам складаецца ўражанне, што яна не тое што выкрэслена з гісторыі нацыянальнай літаратуры, – яе проста туды не ўключалі. Праўда, шэраг беларускіх рускамоўных аўтараў згадваецца ў артыкуле А. Жакава і М. Мішчанчука «Руская літаратура» ў «Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі», біябібліяграфічныя звесткі пра іх змяшчае і слоўнік «Беларускія пісьменнікі», звесткі пра рускамоўных пісьменнікаў і выданні пераважна XIX стагоддзя можна адшукаць у асобных працах гісторыкаў беларускай літаратуры. Аднак сітуацыя з сучаснай рускамоўнай літаратурай паступова выпраўляецца (яе вывучэнне ў школе прадугледжана праграмай па рускай літаратуры, творы сучасных рускамоўных аўтараў абмяркоўваюцца ў перыядычным друку, аналізуюцца ў публікацыях некаторых навукоўцаў), але рускамоўнай літаратуры другой паловы XX стагоддзя не надаецца належная ўвага. У шэрагу рускамоўных аўтараў самым вядомым і таму самым даследаваным на сённяшні час з’яўляецца А. Адамовіч. Часам згадваліся рускамоўныя творы В. Казько, з якіх той пачынаў свой творчы шлях, гістарычная проза К. Тарасава (аднак аналізаваліся пераважна творы, якія былі выдадзеныя ў аўтарскім перакладзе па-беларуску) і мастацкая дакументалістыка С. Алексіевіч.

Як ні парадаксальна, але больш паспяхова даследавалі беларускую рускамоўную літаратуру другой паловы XX стагоддзя мовазнаўцы. Менавіта лінгвісты (А. Гіруцкі, Н. Жураўская і інш.), якіх цікавілі ў першую чаргу асаблівасці ўзаемадзеяння і функцыянавання беларускай і рускай моў у мастацкай літаратуры, пачынаючы з 1980-х гадоў неаднаразова абіралі рускамоўную літаратуру Беларусі аб’ектам сваіх даследаванняў. Звычайна яна служыла ілюстрацыяй пры вывучэнні праблем моўнага білінгвізму.

Найбольш поўнай працай у гэтай галіне можна назваць манаграфію А. Гіруцкага «Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы», у якой на літаратурных прыкладах аналізуецца спецыфіка функцыянавання беларускай лексікі ў сістэме рускамоўнага мастацкага твора. Тут падаецца пэўнае кола твораў і, адпаведна, імёнаў рускамоўных пісьменнікаў Беларусі. Трэба адзначыць, што разглядаюцца пераважна паэтычныя творы і рускія пераклады беларускамоўных пісьменнікаў.

На сённяшні дзень толькі некаторыя мовазнаўцы захавалі цікавасць да рускамоўнай літаратуры Беларусі (маюцца на ўвазе артыкулы А. Гіруцкага і І. Лапіцкай, якая звяртаецца пры аналізе непасрэдна да рускамоўнай прозы). Але з часам мяняюцца і вектары літаратуразнаўчых даследаванняў: рускамоўная літаратура паступова становіцца аб’ектам літаратуразнаўчага аналізу, уводзіцца ў школьныя праграмы.

Усё часцей і часцей у навуковых і перыядычных выданнях з’яўляюцца артыкулы, прысвечаныя творчасці таго ці іншага рускамоўнага аўтара. Так, напрыклад, шэраг публікацый Л. Толчыкавай знаёміць чы-

тачоў з творчасцю рускамоўных аўтараў Гомельшчыны. З артыкуламі па беларускай рускамоўнай драматургіі выступае С. Ганчарова-Грабоўская, па паэзіі – Т. Светашова і А. Лаўшук. У 2003 годзе адбылася канферэнцыя «Белорусская русскоязычная литература в контексте современной белорусской культуры». У 2007 годзе на Куляшоўскіх чытаннях у МДУ імя А.А. Куляшова працавала асобная секцыя «Руская літаратура Беларусі», на якой быў узняты шэраг пытанняў, звязаных са становішчам рускамоўнай літаратуры ў нашай краіне. У 2010 годзе выйшаў зборнік артыкулаў «Русскоязычная литература Беларуси», у 2013 годзе – кніга У. Гніламёдава «На рубеже времён: (русскоязычная поэзия Беларуси)». У 2000-х гадах выйшлі зборнікі беларускіх рускамоўных твораў: анталогія «Современная русская поэзия Беларуси» (Мінск, 2003) і хрэстаматыя «Минская школа» на рубеже XX–XXI вв.» (Мінск, 2007). Невялікі артыкул пра рускамоўную літаратуру Беларусі ўключаны ў даведнік «100 слоў пра сучасную беларускую літаратуру» А. Бязлепкінай.

У 2007 годзе ў газеце «Літаратура і Мастацтва» быў надрукаваны артыкул А. Андрэева, які ў рамках абмеркавання праблемы рускамоўнай літаратуры Беларусі ўзняў пытанне: «Што рабіць з беларускай літаратурай, якая адначасова з’яўляецца рускай (рускамоўнай)?» [1, с. 14]. Аўтар размяжоўвае беларускіх літаратараў, якія пішуць па-руску, на рускамоўных і рускіх пісьменнікаў Беларусі. З гэтым артыкулам распачалася шырокая дыскусія на старонках штотыднёвіка. Свае думкі па праблеме выказалі С. Макарэвіч, Л. Галубовіч, Ю. Сапажкоў, Ц. Чарнякевіч, Ю. Пацюпа, М. Шамякіна і іншыя. Праўда, удзельнікі дыскусіі так і не прыйшлі да якога-небудзь кансэнсусу, асабліва ў пытанні тэрміналогіі.

У беларускім друку можна сустрэць розныя азначэнні беларускага літаратурнага працэсу на рускай мове, сярод якіх найбольш ужывальнымі з’яўляюцца «рускамоўная літаратура Беларусі» і «руская літаратура Беларусі». Час ад часу названыя вызначэнні могуць быць нават узаемазамяняльнымі. Яны ж выклікаюць найбольш спрэчак і пытанняў. У кожнага з гэтых тэрмінаў ёсць як свае прыхільнікі, так і тыя, хто іх адмаўляе. Аднак, як трапна заўважыў расійскі літаратуразнаўца І. Хугаеў, «праблема іншамовных літаратур патрабуе ў вышэйшай ступені далікатнага абыходжання нават на ўзроўні яе агульных фармулёвак і самай неабходнай апісальнай лексікі» [2, с. 13].

Беларускі даследчык А. Іваноў звярнуў увагу на характэрнае для шэрага постсавецкіх краін раўназначнае выкарыстанне тэрмінаў, у склад якіх уваходзяць словы «рускамоўная» і «руская». Гэта ён звязвае з тым, што «тэрміны «рускамоўная літаратура», «рускамоўны пісьменнік» былі вульгарызаваны і часткова скампраментаваны ў літаратурна-крытычных і публіцыстычных спрэчках другой паловы 1980–1990-х гадоў» [3, с. 107], якія і надалі рускамоўнай літаратуры маргінальны статус. У 2000-х сітуацыя толькі пачынае змяняцца. Таму выказванні наконт таго, што «нашы рускамоўныя пісьменнікі (...)» – Антэі, адарваныя ад Зямлі» [4], а «рускамоўная літаратура на Беларусі – гэта свайго роду гета», развіццё ў якім «можа быць вельмі адноснае» [5], – не арыгінальныя, а даволі традыцыйныя ў кантэксце беларускага літаратуразнаўства.

Тым не менш перавагу А. Іваноў дае азначэнню «рускамоўны»: «Відаць, па аналогіі з “памяццю жанра”, – працягвае даследчык, – можна гаварыць і пра “памяць тэрміна”, так як няўдалае ці некарэктнае ўжыванне апошняга можа паўплываць на гатоўнасць удзельнікаў літаратурнага працэсу выкарыстоўваць яго бяспрэчна багаты патэнцыял» [3, с. 107]. На думку ж А. Крыклівец, выбар таго ці іншага тэрміна – гэта «пытанне нацыянальнага самавызначэння аўтараў, што жывуць на Беларусі і пішуць на рускай мове» [6, с. 107], сярод якіх ёсць як карэнныя беларусы, так і тыя, для каго Беларусь стала другой радзімай.

Андрэеў лічыць мэтазгодным размежаванне беларускіх літаратараў, якія пішуць па-руску, на рускамоўных і рускіх пісьменнікаў Беларусі, таму што першыя (рускамоўныя), на яго думку, з’яўляюцца «складнікам» беларускай літаратуры, які трансліруе модус беларускай ментальнасці, а ў другім выпадку гаворка ідзе пра літаратуру, «што мае дачыненне адначасова і да рускага, і да беларускага прыгожага пісьменства» [1, с. 14]. Аднак гэта абсалютна адрознае ад таго, што В. Рагойша называе бікультурнасцю ці полікультурнасцю, для якіх «характэрна адначасовае больш ці менш арганічнае ўспрыманне дзвюх культур, карыстанне імі», што «засноўваецца на білінгвізме ці полілінгвізме ўспрымальнікаў і стваральнікаў культуры» [7, с. 322].

Калі з паняццем «рускамоўная літаратура Беларусі» класіфікацыйнай мадэлі А. Андрэева ўсё проста і зразумела (гэта літаратура, створаная беларускімі аўтарамі, якія пішуць па-руску), то паняцце «руская літаратура Беларусі» ў аўтарскім тлумачэнні (*«рускамоўная літаратура Беларусі з’яўляецца ў пераважнай ступені рускай літаратурай Беларусі»* [1, с. 14]) выклікае непаразуменне і пытанні. Прыналежнасць да рускай літаратуры Беларусі пісьменнікаў, рускіх па нацыянальнасці, якія пастаянна пражываюць на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь, – бяспрэчны факт, як, дарэчы, і той факт, што этнічныя беларусы, якія пішуць на беларускай мове, але жывуць за межамі Беларусі і з’яўляюцца грамадзянамі іншых краін, усё роўна належаць да беларускай літаратуры. Напрыклад, беларускія пісьменнікі Польшчы (найбольш распаўсюджанае азначэнне), якіх С. Яновіч адносіць да «польскай беларускай літаратуры» і лічыць «прадуктам духоўнага развіцця той часткі беларускага этнасу, які апынуўся ў межах Польскай дзяржавы паля Ялцінскіх пагадненняў, літаратурным экспанентам Беластоцкага краю» [8, с. 118].

Аднысенне ж пісьменнікаў-беларусаў, якія пішуць па-руску (*рускомоўных*), да рускай літаратуры Беларусі нам падаецца недастаткова абгрунтаваным, таму што самаўсведамленне аўтара – гэта даволі важкі крытэры, але ён ніяк не можа быць адзінай падставай для такога размежавання і адназначна рэгуляваць гэтае пытанне. Дадзеная літаратура знаходзіцца на памежжы дзвюх літаратур – беларускай і рускай. Абумоўленая сітуацыяй такога культурнага сумежжа, гэтая літаратура валодае мноствам спецыфічных рыс, якія не дазваляюць адназначна аднесці яе да рускай літаратуры, а мова, на якой яна ствараецца, служыць для многіх галоўнай перашкодай у атаясамліванні яе з беларускай нацыянальнай літаратурай. Аднак, як слушна заўважае расійская даследчыца А. Варажбітава, «тэндэнцыя ж адносіць таго ці іншага пісьменніка да пэўнай нацыянальнай культуры толькі паводле моўнай адзнакі можа выклікаць глабальныя перакосы і ў культурнай палітыцы, і ў канкрэтных ацэнках многіх з’яў культурны як сучаснасці, так і мінулага, адраджэння былых, хоць і на іншай ідэалагічнай аснове, забарон і вокрыкаў у бок мастацкага слова» [9, с. 14]. Гэта ніяк не тычыцца графаманскіх опусаў на рускай мове. Аднак трэба адзначыць, што мова (нацыянальная ці не), на якой ствараецца мастацкі твор, не з’яўляецца крытэрыем мастацкасці.

Такім чынам, як у пісьменніцкім, так і ў навуковым асяроддзі па-рознаму ставяцца да бінарнай класіфікацыйнай мадэлі «Руская літаратура Беларусі – рускамоўная літаратура Беларусі», у адносінах да якой яшчэ не выпрацавалася агульная канцэпцыя. Характэрна, што прыхільнікамі першага азначэння з’яўляецца большасць сучасных беларускіх рускамоўных аўтараў, а за шырокае выкарыстанне другога выступаюць пераважна беларускія навукоўцы. Аднак і першае, і другое паняцце выключаюць са свайго семантычнага поля тых беларускіх аўтараў, якія пішуць на рускай мове, але па пэўных прычынах не жывуць (ці не жылі, калі размова ідзе пра пісьменнікаў мінулага) на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь. На жаль, у гісторыі беларускай культуры, як, між іншым, і ў гісторыі многіх краін, у прыватнасці, украінскай, феномен «найміцтва ў суседзяў» [10] быў (і ёсць) даволі распаўсюджанай з’явай. Класікамі польскай літаратуры сталі беларусы Адам Міцкевіч, Ян Чачот, Уладзіслаў Сыракомля, Эліза Ажэшка і многія іншыя. Да такога кшталту аўтараў, толькі ўжо рускага «направку», можна аднесці Сімяона Полацкага, Андрэя Белабоцкага, Іллю Капіевіча, Мікалая Мінскага, Уладзіміра Дзядлова і іншых. Сярод пісьменнікаў другой паловы XX стагоддзя, цесна звязаных з беларускай зямлёй, можна ўзгадаць Аркадзя Пінчука, Барыса Паўлэнка, а таксама Аляксандра Твярскага і Лідзію Обухаву. Апошнія доўгі час жылі ў Віцебску, скончылі, дарэчы, адну і тую ж віцебскую школу. Беларуская тэма знайшла сваё адлюстраванне ў іх творчасці. Падзеям віцебскай гісторыі прысвечаны аповесць Аляксандра Твярскага «Турецкий марш» (1956), зборнік гістарычных навел «Витьбичи» (1974) Лідзіі Обухавай. Партрэт беларускага Палесся знаходзім і ў яе рамане «Глыбінь-городок» (1956).

Па-за межамі бінарнай класіфікацыі застаюцца і рускамоўныя аўтары іншых нацыянальнасцей, якія жывуць ці жылі на Беларусі. Так, напрыклад, пісьменніца Лідзія Вакулоўская (1926 – 1991) нарадзілася на Украіне (як і Венямін Рудаў), некаторы час жыла і працавала на Чукотцы, а з 1965 года жыла ў Мінску.

Найбольш адэкватным у гэтым выпадку, на нашу думку, было б вызначэнне «беларуская рускамоўная літаратура», якое аб’ядноўвае ўсіх пісьменнікаў, што пішуць на рускай мове, і так ці інакш маюць дачыненне да Беларусі. З аднаго боку, адсутнасць у гэтай сінтаксічнай канструкцыі ўласнага назоўніка дазваляе не абмяжоўвацца геаграфічнымі межамі краіны, а катэгарыяльнае азначэнне *рускомоўная*, гаворачы словамі ўкраінскага даследчыка І. Козліка, «адразу ж ставіць наш аб’ектыўны матэрыял у пэўны тыпалагічны шэраг самастойных з’яў, якія падыходзяць пад агульную назву *іншамоўная* літаратуры ў межах пэўнай нацыянальнай літаратуры» [11]. Такім чынам, азначэнне *рускомоўная* далучае саму літаратуру да роднасных у гэтым сэнсе беларускіх лацінамоўнай і польскамоўнай літаратур, а значыць – і ў кантэксце нацыянальнай літаратуры.

У межах беларускай рускамоўнай літаратуры можна вылучыць два ўмоўныя блокі: «беларуская літаратура», якая аб’ядноўвае рускамоўных пісьменнікаў-беларусаў (па паходжанні ці перакананнях), што жывуць на Беларусі і за яе межамі, і «іншакультурная літаратура Беларусі», куды адносяцца літаратары розных нацыянальнасцей, якія жывуць у нашай краіне і пішуць на рускай мове. Схематычна гэта выглядае так, як паказана на малюнку.

БЕЛАРУСКАЯ РУСКАМОЎНАЯ ЛІТАРАТУРА					
БЕЛАРУСКАЯ НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ЛІТАРАТУРА			БЕЛАРУСКАЯ ІНШАКУЛЬТУРНАЯ ЛІТАРАТУРА		
Рускамоўныя пісьменнікі	Пісьменнікі- білінгвы	Рускамоўная літаратура беларусаў- эмігрантаў іншых краін	Руская літаратура	Украінская літаратура	І іншыя

Два ўмоўныя блокі, якія вылучаны ў межах беларускай рускамоўнай літаратуры

Заклучэнне. Прааналізаваўшы праблемы азначэння рускамоўнай літаратурнай творчасці, мы прыйшлі да высновы, што рускамоўная літаратура – гэта заканамерная з’ява беларускага літаратурнага працэсу, які вызначаецца сваёй шматмоўнасцю. Творы на рускай мове правамерна ўключыць у поле іншамовнай беларускай літаратуры. Тэрміналагічную ж бінарную класіфікацыю мы прапануем пашырыць, а творы пісьменнікаў-беларусаў ці аўтараў іншых нацыянальнасцей, якія жывуць на тэрыторыі нашай краіны, мэтазгодна, на нашу думку, аб’яднаць паняццем «беларуская рускамоўная літаратура».

ЛІТАРАТУРА

1. Андрэеў, А. Руская літаратура Беларусі / А. Андрэеў // Літаратура і мастацтва. – 2007. – 23 лістап. – С. 14.
2. Хугаев, И.С. Общие методологические подходы к изучению генезиса и истории русскоязычной осетинской литературы / И.С. Хугаев // Вестн. РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика». – 2008. – № 4. – С. 12–20.
3. Иванов, А.В. Русскоязычная литература Беларуси на постсоветском пространстве / А.В. Иванов // Куляшоўскія чытанні: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., 26–27 крас. 2007 г. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2007. – С. 104–107.
4. Запрудскі, І. Сапраўды (развагі пра крытыку) / І. Запрудскі // Маладосць. – 2007. – № 12. – С. 101–105.
5. Вынікі онлайнвай канфэрэнцыі з удзелам літаратурнага крытыка Ганны Кісліцынай [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.balachonau.puls.by/kislitsyna_online.html/. – Дата доступу: 01.10.2008.
6. Крикливец, Е.В. Русскоязычная литература Беларуси как часть национальной белорусской литературы / Е.В. Крикливец // Куляшоўскія чытанні: матэрыялы міжнар. навук. канф., 26–27 крас. 2006 г. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2006. – С. 107–109.
7. Рагойша В. Проблема бікультурнасці ў гісторыі беларуска-польскіх узаемаадносін / В. Рагойша // Беларусіка = Albaruthenica. Кн. 3: Нацыянальныя і рэгіянальныя культуры, іх узаемадзеянне / рэд. А. Мальдзіс [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994. – С. 322–328.
8. Яновіч, С. Польская беларуская літаратура / С. Яновіч // Беларуская дыяспара як пасярэдніца ў дыялогу цывілізацый: матэрыялы III міжнар. кангрэсу беларусістаў “Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый” (Мінск, 21–25 мая, 4–7 снеж. 2000 г.). – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. – С. 118–123.
9. Ворожбитова, А.А. Русскоязычная проза Северного Кавказа 1941–1945 годов: Э. Капиев, А. Кешоков, К. Кулиев: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.01.02 / А.А. Ворожбитова; Моск. пед. ун-т. – М., 1992. – 17 с.
10. Ільницький, М. “В наймах у сусідів” як соціокультурний феномен / Микола Ільницький // Слово і час. – 2005. – № 3. – С. 29–33.
11. Козлик, И. История русскоязычной литературы Украины: какова она? / И. Козлик // Радуга. – Киев, 2006. – № 3. – С. 138–149 [1] [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://irlua.primordial.org.ua/archives/71>.

Пастыніў 19.09.2013

THE RUSSIAN-LANGUAGE LITERATURE OF BELARUS: FACT OF THE MATTER, AND THE PROBLEM OF DEFINITION

V. PALUKOSHKA

The place of Russian-language texts in the Belarusian literature is researched. The question of inclusion of Russian-language literature in the Belarussian literary process and the terminology problem are considered in detail. At different times the language of the Belarusian literature was Latin (XVI–XVII c.), Polish (XVIII–XIX c.), Belarussian, and Russian. The Belarusian literature in the foreign languages is actively studied, while the Russian-language literature, according to the analysis of scientific and critical material, has only recently been included in the context of national literature and literary criticism. And the question of terminology is still uncertain. Most researchers follow the binary classification (Russian-language literature of Belarus / Russian literature of Belarus), but among some scholars, critics and even writers the tendency to interchangeability of the terms is observed. It is suggested to specify and to expand the current classification and to consolidate the Russian-language authors under the term of “Belarussian Russian-language literature”.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'1

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ОБЕЩАНИЯ

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)

Представлены результаты сопоставительного исследования, казалось бы, наиболее изученной группы перформативных речевых действий – обещаний. Полученные данные позволили уточнить и дополнить базисные категориальные свойства исследуемых действий, интерпретировать количественные показатели употребления в четырех сопоставляемых культурах (белорусской, русской, английской и американской), эксплицировать некоторые типичные особенности их языкового воплощения в зависимости от гендерной идентичности говорящего субъекта.

Введение. Речевые действия неоднократно являлись предметом исследования самых разных направлений лингвистики, философии языка, герменевтики и особенно коммуникативистики. Актуальность изучения речевых действий состоит в том, что они позволяют уяснить, каким образом строятся единицы языка в реальных актах общения, показать, что представляет собой язык как деятельность.

Речевые действия обещания являются одной из самых изученных разновидностей действий в лингвистике. Но визна данного исследования состоит в 1) сопоставительном изучении функционирования действий обещания в четырех культурах (английской, американской, белорусской и русской) и установлении как общих, так и некоторых культурно специфических черт их реализации; 2) попытке представить гендерные особенности конструирования действий обещания, выявлении как общих, свойственных всем анализируемым культурам гендерных предпочтений в реализации обещаний, так и описание некоторых культурно дистинктивных особенностей проявления гендера в пределах речевых действий обещания.

Наша гипотеза состоит в том, что рассмотрение действий обещания сквозь призму гендера с помощью принятых в современных лингвогендерных исследованиях подходов поможет в значительной мере дополнить имеющиеся весьма убедительные сведения в трудах современных лингвистов и философов языка о данной разновидности речевых действий и показать, как в реальности конструируются и осуществляются действия обещания, какие модификации их глубинной структуры должны рассматриваться как элементы компетенции носителей языка с тем, чтобы они могли успешно осуществлять речевую деятельность на данном языке. Если же анализ обещаний не выявит гендерной специфики их реализации ни в одной из сопоставляемых культур, то мы получим значимый аргумент в пользу интерпретации обещаний как гендерно-нейтральной разновидности речевых действий и весомое доказательство существования общих для всех гендеров предпочтений в использовании языка.

Основная часть. В настоящее время речевые действия трактуются как высказывания, определяемые в терминах интенций говорящего и тех воздействий, которые они оказывают на слушающего [1, с. 437]. Вопреки весьма распространенному мнению, согласно которому основной единицей языка является предложение, многие лингвисты, философы языка и специалисты в области коммуникации пытаются показать, что в качестве таковой правомерно считать речевое действие. Их труды убедительно доказывают, что именно оно является основной единицей общения и языка, трактуемого как деятельность. Или точнее, по утверждению Дж. Серля, такой единицей является производство конкретных предложений или высказываний в ходе совершения речевого акта [2, с. 211]. О том же говорил С. Карцевский, постулируя в качестве такой единицы фразу.

Британский философ Дж. Остин первым привлек внимание к достаточно специфической группе подобных высказываний, а именно: он выделил среди них обширную группу, которая отличалась тем, что входящие в нее единицы не просто несут слушающему определенную информацию, а сами в значительной мере являются сигналами осуществления определенных действий или, точнее, сами выступают в качестве действий. В частности, когда кто-нибудь говорит *I bet* (держу пари), *I promise* (обещаю) и т.п., то тем самым немедленно начинает представление другой, новой психологической или социальной реальности. Так, мы можем сказать «держу пари», только если действительно начинаем соответствующие действия, а не после или до них. Корабль получает определенное имя только после того, как завершен соответствующий речевой акт, устный или письменный. Такие акты или высказывания Дж. Остин назвал перформативными и выделил их в особую группу из других разновидностей речевых действий.

Идентифицированная им группа достаточно многочисленна и включает внушительный перечень наименований речевых действий, например: назначение, запрещение, осуждение, действие пробуждения кого-то ото сна, именование и т.п. Считается, что одним из наиболее изученных является перформатив-

ное речевое действие обещания. Так, Дж. Серль в своем известном труде «Классификация иллокутивных актов», анализируя новаторское исследование Дж. Остина, одобрительно отзывается, практически, только о той части его классификации, которая представляет собой описание речевого действия обещания [3, с. 237].

В соответствии с выводами исследователя, совершение любых речевых действий, в том числе и перформативных, относится к тем формам поведения, которые регулируются правилами [2, с. 211]. Эксплицируя особенности обещания, Серль устанавливает, что смысл или цель речевого действия «обещание» состоит в том, чтобы взять на себя обязательство совершить нечто [3, с. 230]. Его глубинная структура в английском языке может быть представлена в следующем виде: «Я глагол (тебе) + я будущее Волюнтактивный глагол (NP) (Наречие)». Например: *Я обещаю заплатить тебе деньгами* [3, с. 248].

Главной положительной особенностью предложенной интерпретации автор полагает то, что она основана на ясном и последовательном принципе – понятии (иллокутивной) цели. Правомерно согласиться с автором в важности данного принципа. Главной целью работы Серля была классификация речевых действий и разработка компактного перечня иллокуций, позволяющих свести все многообразие речевых действий к минимальному «элегантному», в терминах автора, перечню базисных категорий. По общему мнению, исследователю действительно удалось найти такую базисную категорию для речевых действий обещания.

Вместе с тем классификация Серля охватывает далеко не все разнообразие речевых действий, а если и отмечает определенные их разновидности, то, как в случае с обещаниями, в определенной мере сужает диапазон условий, которым каждое наименование должно соответствовать. Помимо базисных категорий требуются их разновидности, классы и подклассы. Причем весьма желательно показать, в форме каких вариантов и с какими другими разновидностями действий базисные номинации взаимодействуют в процессе общения. Ведь любая деятельность манифестируется в так или иначе осуществляемом взаимодействии, в том числе и с другими разновидностями речевых действий. Кроме того, антропологический подход к анализу языка убедительно показывает необходимость соотнесения рассматриваемых структур с порождающей их личностью. Действительно ли достаточно базисной структуры, предложенной Серлем, для понимания того, как обещание функционирует в актах общения, каковы его наиболее употребительные локуции и особенности распределения в коммуникативном потоке.

Революционность обсуждаемой теории состоит в том, что речевые «игры» на самом деле не являются абсолютно непредсказуемыми, хаотичными, сиюминутными, как это вытекает из рассуждений философов и имплицитно лингвистов, еще несколько десятков лет тому назад полагавших, что структура предложения, практически, описывает все необходимые связи и единицы в языке. Ценность теории речевых действий и вклада Серля и Остина как раз и состоит в том, что построение разного вида, типа, подтипа и т.д. высказываний в речевой деятельности регулируется правилами; они стремились свести все многообразие реальных действий к экономичному, минимальному перечню действий – инвариантов, с помощью которых и осуществляется общение. Оставив в стороне вопрос о количестве таких действий и адекватность предложенных ими наименований, мы обращаем внимание на их попытку сконструировать некие инварианты, которые в русле теории Ф. Соссюра свободны от каких бы то ни было инвазий, социальных и культурологических в том числе. Признавая значимость и революционность предложенных Серлем и Остином данных об обещании и речевых действиях в целом, мы полагаем целесообразным уточнить особенности дистрибуции и манифестации обещаний в подлинных актах общения.

Первое приближение к реальной картине функционирования действий обещания дают количественные показатели, т.е. данные об их встречаемости в потоке общения. Неслучайно количество относится к фундаментальным категориям, пренебрежение которыми не позволяет адекватно описать никакую анализируемую сущность.

В соответствии с нашими данными, полученными в ходе сопоставительного изучения аутентичного вербального поведения в четырех культурах (английской, американской, белорусской и русской), речевые действия обещания попадают в разряд среднечастотных. Наша шкала состояла из шести градаций частотности: очень высокой, высокой, средней, низкой, очень низкой, минимальной. Последнюю градацию составили те редкие речевые акты, частотность которых указывала на единичные употребления (1–3) и не превышала в сравнительном описании даже доли процента. Материал для сопоставительного рассмотрения был достаточно репрезентативным и составил приблизительно 40 000 слов записей подлинного общения в каждой из анализируемых культур. В белорусской культуре рассматривалась также еще и выборка, составленная из говорения на так называемой трасянке. Примечательно, что встречаемость действий обещания соотносится со средними показателями, практически, во всех культурах. Даже если уточнить сущность градации «средняя частотность» с помощью разделения ее на «высокую среднюю», «среднюю среднюю» и «низкую среднюю», то, к нашему удивлению, показатели частотности совершения действий обещания во всех культурах группируются в основном в графе «средняя средняя» и меньше «низкая средняя». Данные градации, однако, соотносятся с заметной употребительностью обещаний, хотя и не сопоставимой с частотностью утверждений, вопросов, сообщений и т.п. Полученные данные, на наш взгляд, подтверждают правоту тех исследователей, которые заявляют о неслучайности выбора философами и лингвистами в качестве репрезентантов основных вербальных актов именно утверждений, вопросов, просьб, обещаний, наречений и т.п.

Второй неожиданностью при анализе результатов сопоставительного анализа было то, что распределение обещаний в каждой из сопоставляемых культур оказалось в определенной мере гендерно-специфичным. Так, во всех четырех культурах женщины использовали их чаще, что лучше всего прослеживается по показателям относительной частотности речевых действий обещания в белорусской культуре.

Относительные показатели встречаемости действий обещания в %

Гендер	Культура			
	белорусская	русская	американская	английская
Ж	62,5	57,5	52,5	55
М	37,5	42,5	47,5	45

Примечание. За 100 % принимается общее количество обещаний в одной культуре.

Если вспомнить, что базисный смысл данной разновидности речевых действий составляет принятие обязательств, то получается, что женщины в анализируемых культурах, пусть и не радикально, но все-таки чаще или несколько чаще объявляют о своем принятии определенных обязательств. Вместе с тем существенные показатели встречаемости обещаний в речевом общении мужчин показывают, что и в их говорении они весьма частотны.

Целесообразно отметить, что гендерно-специфичными оказались не только показатели общего количества реализаций обещаний. Весьма любопытные данные были получены после того, как к анализу были привлечены сведения о сфере, в которой или относительно ценностей которой были осуществлены зарегистрированные нами действия обещания. Оказалось, что мужские обещания, помимо того, что они несколько менее частотны, еще и чаще соотносятся с реалиями публичной, производственной жизни. Единственное исключение в их группе составило вербальное поведение говорящих субъектов группы 45 лет и старше, которые находились в статусе дедушек. Они также реализовывали значительное количество обещаний, особенно в разговорах с внуками, детьми. Женские речевые действия обещания были в основном о ценностях частной жизни или соотносились с реалиями приватного мира. Кроме того, были зарегистрированы некоторые культурно-специфические особенности в количестве обещаний, связанных с частной и общественной сферами в поведении женщин. Так, женщины в американской культуре имеют склонность реализовывать больше обещаний, соотносимых с общественной сферой, чем женщины Беларуси, России. Вместе с тем общее соотношение обещаний, связанных с приватной и общественной сферами, остается у них таким же, как и у женщин в других культурах: они значительно реже реализуют действия обещания, так или иначе соотносимые с реалиями общественной жизни.

Целесообразно отметить, что принимая теорию речевых действий как весьма актуальную и полезную для анализа вербального поведения, мы, тем не менее, в своем исследовании подвергали сомнению некоторые ее подходы в том виде, в котором они изложены у Остина и Серля. Так, мы не разделяем слишком обобщающий, «инвариантный» подход данных исследователей. На наш взгляд, их речевые действия весьма отдаленно или вовсе не являются единицами взаимодействия. Они, скорее, на Соссюровский лад являются виртуальными, изолированными единицами речевого общения, представленными в определенном перечне. А ведь по справедливому замечанию критиков теории речевых действий, речевое общение в значительно большей мере базируется на взаимодействии, чем это допускает данная теория [4, с. 255]. В теории речевых действий остается неясным, как выделенные типы речевых актов взаимодействуют друг с другом в речевом общении, какова их дистрибуция или условия их непосредственной реализации. Или они, как это представлено в теории названных авторов, поочередно возникают в говорении, определяемые исключительно в терминах намерений говорящего. Только ли намерениями говорящего объясняется появление обещания? Или же намерения говорящего возникают в ответ на создавшуюся ситуацию в процессе взаимодействия, отраженного в вербальном континууме, в ответ на определенные речевые действия других собеседников?

Рассматривая, в каких конкретно актах взаимодействия возникают обещания, мы сочли необходимым выделить специальную разновидность речевых действий, которые были названы нами побуждениями к обещанию, или действиями, направленными на получение обещания. Формально они попадают под выделенную Дж. Серлем рубрику «директивов». Суть последних состоит в попытке со стороны говорящего добиться, чтобы слушающий нечто совершил [3, с. 241]. Их легко можно принять за реплики, направленные на запрос информации, например:

1. А: Скажи ты мне, который час.
Б: Скажи ты мне, что будешь верен мне всю жизнь.
2. В: Tell me what you will do there.
Г: Tell me that you will, please. Tell me that you will.
3. Д: А скажытка ты, браце, як гэта ўсё робіцца, з чаго мне пачынаць, га?
Е: Скажы, ты ж зробіш ўсё, так? Скажы, а, Васіль?

Несмотря на формально побудительный характер презентации смысла во всех приведенных репликах, они далеко не одинаковы по интенциям говорящего. Так, речевые действия А, В и Д действительно запрашивают информацию, а вот в действиях Б, Г и Е манифестированы просьбы, причем такие, которые побуждают собеседника совершить именно речевые действия обещания.

Весьма любопытно, что гендерные отличия в частотности таких действий во всех анализируемых нами культурах настолько минимальны, что их вполне правомерно считать случайными, хотя в абсолютных количественных показателях женщины совершают подобные действия чаще. Самая высокая степень большей частотности зафиксирована при анализе речевых действий, совершенных американками, но она составила всего около 1,5 %. Создается впечатление, что данный вид речевых действий важен для всех говорящих субъектов, независимо от их гендерной идентичности. Если вспомнить, что вербальное поведение коммуникантов-мужчин и коммуникантов-женщин в определенной мере отличается по количеству продуцируемых ими обещаний и принять во внимание, что значительно большая часть мужских обещаний соотносится с производственной деятельностью, общественной жизнью и является ответной реакцией на действия других собеседников – мужчин, то становится очевидной гендерная диспропорция между количеством просьб об обещании и действий обещаний в ответ.

Между тем действия обещания являются разновидностью весьма значимых высказываний, которые в теории речевых действий попадают под рубрику перформативов. Блестяще иллюстрирует расхождения в направленности соответствия (или соотнесенности) между словами и миром в случае конститутивов (или утверждений, информативов) и обещаний Дж. Серль. Он справедливо отмечает, что утверждения отражают мир, который они описывают. Ключевыми словами в аргументации Дж. Серля являются «отражают» и «описывают». Благодаря названному отражению (причем данное отражение видится автору зеркальным, ибо он употребляет глагол *to mirror*), благодаря названному свойству утверждения проявляют такую направленность соответствия, при которой слова отражают мир. В случае же с обещаниями, как и в ряде других способов использования языка в актах общения, слова могут формировать мир, вносить в него изменения. Направление соответствия или соотнесенности начинается со слов, лучше со смысла речевых действий, и устремляется к измененному миру. Серль заявляет буквально следующее: «Некоторые высказывания заставляют слова (более точно, их пропозиционные значения) соответствовать миру, другие вынуждают мир соответствовать словам» [5, с. 3]. (Выделенные слова отвечают замыслу данной работы и произведены автором). Он прибегает к аналогии, предложенной Элизабет Анкоум для иллюстрации различий в направленности соответствия. С этой целью она использует аналогию с покупателем и следователем, стремящимся к раскрытию преступлений, совершаемых в магазине. Покупатель читает слова из списка, составленного для него женой, – фасоль, сливочное масло, бекон, хлеб – и покупает все, что указано в списке, чтобы осуществить соответствие между миром (в его случае миром кухни, его дома) и словами. Говоря иначе, чтобы приспособить мир на кухне к тому перечню слов, который составила для него жена. Но если детектив (следователь) записывает наименования продуктов, которые покупатель берет с полок магазина, то в таком случае наблюдается иное соответствие: приспособление мира слов к миру реальности. Слова в записях следователя фиксируют или отражают то, что покупатель взял с полки и в конечном итоге купил в магазине. Список следователя характеризуется направлением соотнесения от слов к миру, как это имеет место в речевых действиях утверждения. Список же покупателя имеет другую направленность: от мира к словам, его цель – сделать мир на кухне соответствующим словам, что характерно для обещаний [5, с. 4]. В последних, как известно, говорящий берет на себя ответственность сделать что-нибудь, т.е. изменить мир, сделав его соответствующим или соотносимым со словами своего обещания. Данные речевые действия заставляют мир соответствовать словам, точнее, конструирующему данные речевые действия смыслу. Джон Остин осуществил первое, ставшее уже классическим, исследование перформативов. Таковыми в его теории являются только те высказывания, осуществив которые мы совершаем определенные действия, так или иначе меняя мир вокруг нас [6, с. 12].

Как уже отмечалось, Остин и Серль настаивали на том, что обещание обязывает говорящего к совершению определенных действий [5, с. 22; 6, с. 57]. Обязывающая, комиссивная сила обещаний прослеживается прежде всего в том, что они все-таки связывают нас, ибо представляют собой действия, за которые дающий обещание субъект несет личную ответственность. Дж. Остин даже настаивает, что каждый может обещать только за себя. Так, он просит читателя вообразить реакцию взволнованного родителя, ребенок которого разбил мячом стекло соседу. Если даже данный родитель заявляет, что его сын обещает впредь так не поступать, то его речевое действие вряд ли стоит квалифицировать как подлинный перформатив, потому что в нем нет личных обязательств ребенка [6, с. 63].

В настоящее время предложено еще одно измерение в интерпретации действий обещания. Помимо обязательств они способны вызвать максимально сильное доверие со стороны адресата [7, с. 27, 40–73]. Они вовлекают субъектов, которым сделано обещание, в определенное сотрудничество или взаимодействие.

К аналогичным выводам приходит и известный исследователь – герменевт и теолог – А. Тиселтон, интерпретируя библейские тексты [8, с. 81–82, 85]. Обещания, с его точки зрения, не только связываю-

щие говорящего субъекта обязательства, как это следует из теории Остина и Серля, но и акт взаимодействия, максимизирующий доверие и на этом основании строящий отношения с собеседником.

На наш взгляд, предложенная Ч. Фрайдом и А. Тиселтоном трактовка обещания весьма полезна для интерпретации полученных нами данных о количественных показателях реализации обещаний. Значительная их употребительность в наших записях соотносится с их значимостью для конструирования отношений в самых разных сферах деятельности. Особенно показательна в данном плане квантитативность действий, побуждающих к обещанию, которые в значительном количестве случаев являются условием появления обещания. Гендерная недистинктивность показателей их употребительности указывает на их одинаковую значимость в полноценном общении. С другой стороны, несколько более высокие показатели реализации обещаний в говорении женщин могут быть интерпретированы как свидетельства их большей ориентации на отношения, что соответствует данным представителей теории заботы и отношений в гендерных исследованиях [9, с. 24–63].

Не менее символичны также еще более заметные различия в количестве обещаний, реализованных в общественной и приватной сферах. Существенно большее количество обещаний, регистрируемых в поведении женщин в частной сфере, и, наоборот, меньшее количество обещаний в общественной соответствует выводам авторов теории отношений о том, что структура личности женщины по-прежнему в большей мере направлена на создание отношений именно частного, личностного характера.

Целесообразным представляется обратить внимание не только на коммуникативную сущность обещаний и их значимость в осуществлении полноценного общения, но и на их форму. Классические исследования в области теории речевых действий, как известно, большую роль в идентификации их разновидностей отводили перформативным словам: *I promise*, обещаю, что..., абяцаю.... Слово «обещаю» в подобных речевых актах позволяет относительно легко идентифицировать их как обещания. В нашем массиве данных во всех сопоставляемых культурах в говорении женщин зафиксировано большее количество перформативных слов. Казалось бы, данное обстоятельство позволяет сделать вывод о большей эксплицитности именно женских обещаний. В действительности все оказалось сложнее.

Рассмотрим следующий фрагмент подлинного вербального поведения:

4. А₁: *Не буду-не буду-не буду-не буду.*
- Б₁: *Так?*
- А₂: *Так! Вот.*
- Б₂: *Таак...*
- А₃: *Так, так, так, так.*
- Б₃: *Абяцаеш?*
- А₄: *Абяцаю, абяцаю. Не буду.*
- Б₄: *Ыгы...*
- А₅: *Не буду, не буду... [Придыхание]*
- Б₅: *Нну ... Такк. Добра!*

Эксплицитное обещание в ответ на реплику-побуждение Б₃ реализуется в речевом действии А₄. Одна оно инкорпорирует не одну, а две реализации одного и того же перформативного слова. Повторы, как известно, являются типичной чертой свободного говорения, и перформативные слова не являются исключением. Однако частотность и характер повторения перформативных слов имеет заметную гендерную специфику. Так, в женских обещаниях количество повторов больше вообще (см. А₁) и количество повторов перформативных слов в частности. Например, в белорусской культуре женщины на 5,5 % чаще реализуют повторы перформативных слов, чем мужчины. В других культурах данные показатели выше, в американской самые высокие и составляют 12 %. Кроме того, количество повторений в одном речевом действии также гендерно специфичны. У женщин оно может достигать 4–5 повторений, у мужчин – 2 и реже 3-х. В результате в женском говорении большее количество перформативных слов оказалось реализованным в меньшем количестве эксплицитных обещаний. Последних больше в поведении мужчин.

Безусловно, повторы перформативных слов культурно специфичны. В русской и белорусской культурах они представляют собой непосредственное повторение соответствующего слова; в английской и американской наблюдаются замещения типа *I do promise*, *I do*, *I do*.

Анализ показал, что обещания, как правило, так или иначе инкорпорируют в себе много гендерно специфических черт, характерных для женского и мужского говорения. Таковыми являются особенности употребления имен личных, частотность и специфика диминутивизации и интенсификации, сравнения и многое другое. Кроме того, именно обещания, равно как и побуждения к совершению действий обещания, являются характерной зоной реализации придыхания, весьма специфической черты женского говорения.

Правоммерно отметить также, что весьма заметное количество обещаний, особенно в ответ на реплики, побуждающие к манифестации обещания, реализуется с помощью невербальных средств: жестов, выражения глаз, мимики. Как правило, такие обещания хорошо понимаются собеседниками и не приво-

дят к конфликтным ситуациям. Мужское говорение допускает больше таких обещаний, особенно в приватной сфере, например:

5. A₁: *Ты хоть придешь-то?*
 Б₁: (кивок)
 А₂: *Обещаешь, что ль?*
 Б₂: (кивок)
 А₃: *Мм! Лапка! Молодец. Приходи, приходи, приходи.*

Конечно, можно интерпретировать подобные кивки как реплики молчания. Однако чисто формально. По существу данные реплики не являются подлинным молчанием, ибо в них эксплицитно представлено намерение говорящего. Между тем изредка в общении встречаются реплики молчания, не позволяющие идентифицировать намерение говорящего. Весьма примечательно, что таковыми, оказываются, могут быть и действия обещания:

6. A₁: *Дык ты ж тады схаdzi да ix дый падсабі чым.*
 Б₁: (маўчанне)
 А₂: *Чуеш?*
 Б₂: *Ыы.*
 А₃: *Падсабі.*
 Б₃: (маўчанне)
 А₄: *Васіль?*
 Б₄: (маўчанне)
 А₅: *Абцяцаеш?*
 Б₅: (маўчанне)
 А₆: *Ну от чаго ты такі, а? Воой!*
 Б₆: *Што?*
 А₇: *Чаго не сходзіш?!*
 Б₇: *Чаго не схаджу?!*
 А₈: *Ну чаго, мамкі мае!*
 Б₈: *Схаджу.*

Паўза.

- A₉: *Сходзіш?*
 Б₉: *Кажу схаджу. Схаджу.*
 А₁₀: *Абцяцаеш?*
 Б₁₀: (маўчанне)
 А₁₁: *Абцяцаеш, Васіль?*
 Б₁₁: (маўчанне)
 А₁₂: *От чаго ты, Васілька, такі? Век не дабіцца нічога. Табе што ні кажы, а ты маўчок.*
 Б₁₂: *Кажу, што схаджу. Абцячаю, кажу.*
 А₁₃: *Схаdzi, схаdzi. Добра. Воой. Слава богу. [Придыхание] Божачка! Васілька.*

Как видим, в данном фрагменте речевого поведения реплики Б₃, Б₄, Б₅, Б₁₀, интерпретируемые, по всей видимости, самим коммуникантом как достаточные ответы, вовсе не представляются таковыми его собеседнице, что и привело к разборке намерений.

Аналогичные трудности, правда без обсуждения характеристик личности коммуникантов, прослеживаются и в фрагменте 7, в котором отсутствие реакций собеседника побуждает к реализации повторных действий, направленных на получение обещания.

7. A₁: *We gonna be happy, Charlie, aren't we?*
 Б₁: (Silence)
 А₂: *Aren't we, Charlie?*
 Б₂: (Silence)
 А₃: *Give me your your word, Charlie, please, will you?*
 Б₃: (Silence, smiling)
 А₄: *We gonna be together, Charlie, aren't we? Just tell me, Charly.*
 Б₄: *Uhm, er, sure.*
 А₅: (after a pause) *Great! Oh, lovely! Charlie, dear, that's lovely.*
 Б₅: (Silence)

Примечательно, что подобные молчания-обещания в подавляющем большинстве случаев в нашем массиве данных соотносятся с говорением мужчин. Единственное исключение составил разговор внучки и бабушки, в котором внучка также избрала подобную тактику ведения разговора и реализации обещания в ответ на реплику-стимул к обещанию. Кроме того, наблюдается и некоторая культурная специфика реали-

зации подобных обещаний. В нашем материале они встречаются в минимальном количестве в американской, английской и русской культурах (1, 1 и 2 соответственно) и несколько чаще в белорусской – 8 случаев.

Выводы. Суммируя результаты представленного сопоставительного анализа обещаний, реализованных в подлинных актах общения в четырех культурах, правомерно утверждать следующее: гендерный анализ обещаний в значительной мере расширяет имеющиеся сведения о данной разновидности речевых действий. Наиболее существенными дополнениями правомерно считать следующие:

1) уточнение сущности обещаний, включение «отношенческого» потенциала в перечень дистинктивных признаков данной разновидности речевых действий;

2) описание значимости количественных показателей употребления обещания, соотнесение их с гендерной идентичностью говорящего субъекта;

3) установление особенностей дистрибуции обещаний, выявление разновидности действий в значительном количестве случаев, предшествующих обещанию и побуждающих к его осуществлению;

4) определение ряда гендерно дистинктивных особенностей вербальной реализации обещаний.

Полученные данные и выводы, сделанные на основе сопоставительного анализа, позволяют согласиться с правомерностью предположения Дж. Серля о том, что семантику языка можно рассматривать как ряд систем конститутивных правил и что иллокутивные акты представляют собой не что иное, как действия, совершаемые в соответствии с набором таких правил [2, с. 214].

Выполненное исследование позволило рассмотреть конститутивные правила для одного вида речевых действий – обещаний и убедиться, что по ряду характеристик они в сопоставляемых культурах совпадают. Так, во всех культурах картина распределения данных актов в значительном количестве случаев включает особую разновидность действий – побуждений к обещанию. Кроме того, в каждой из них обещания отличаются целым рядом гендерно специфических черт как в плане конструирования самих действий, так и в плане частотности их употребления. Данное обстоятельство позволяет включить гендерно дистинктивные черты обещаний и их коллокативные особенности в число условий, требующихся для совершения адекватных действий обещания. Без их экспликации невозможно получить перечень условий, необходимых или достаточных для конструирования, употребления и полноценного описания действий обещания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 480 p.
2. Серль, Дж.Р. Что такое речевой акт / Дж.Серль // Зарубежная лингвистика; общ. ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 2002. – С. 210–227.
3. Серль, Дж.Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Зарубежная лингвистика; общ. ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 2002. – С. 229–253.
4. Франк, Д. Семь грехов прагматики: тез. о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике / Д. Франк // Зарубежная лингвистика; общ. ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 2002. – С. 230–254.
5. Searle, J.R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts / J.R. Searle. – Cambridge: CUP, 1979. – 108 p.
6. Austin, J.L. How to Do Things with Words / J.L. Austin. – Oxford: OUP, 1962. – 151 p.
7. Fried, Ch. Contract as Promise: A Theory of Contractual Obligation / Ch. Freid. – Cambridge: CUP, 1981. – 317 p.
8. Thiselton, A.C. Hermeneutics/F.C. Thiselton. – Cambridge: W.B. Eerdmans Publishing Co., 2009. – 408 p.
9. Gilligan, C. In a Different Voice/C. Gilligan. – Cambridge, Massach., London: Harvard University Press, 1982. – 183 p.

Поступила 21.11.2013

COMPARATIVE ANALYSIS OF PROMISES

M. POUTROVA

The article presents the results of comparative study of promises which seem to have belonged to the group of the most profoundly studied performative speech acts. The data obtained makes it possible to expand our knowledge of the basic characteristics of promises and account for their culturally and Gender specific frequency and distribution. It also describes some typical manifestations of promises in Belarusian, Russian, English and American cultures depending on the Gender identity of the speaking subject.

УДК 81-22

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОБОБЩЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

канд. филол. наук, доц. Е.А. ГАПАНОВИЧ
(Минский государственный лингвистический университет)

Рассматривается одно из самых диффузионных понятий в лингвистике – обобщенность. В качестве методологической базы исследования используются теоретические положения интерпретирующей семантики Ф. Растье. Устанавливаются уровни категориального, функционального и конкретного обобщения, раскрывающие парадигматическую и синтагматическую иерархичность и дифференциацию семантического потенциала выразительных единиц французского языка в представлении обобщенности как когнитивно-номинативной ситуации. Системно-категориальный подход к рассмотрению строевых и коммуникативных единиц французского языка со значением обобщения и их функциональных возможностей выявил имплицитные (нарушение парадигматических отношений, категориальный сдвиг и семантическое расширение, фоновые знания) и эксплицитные (сверхкатегориальные грамматические объединения и пунктуационные знаки) способы означивания. На конкретном уровне обобщения в выражении понятий множественной количественности установлена специализация номинативных (как лексических, так и синтаксических) единиц французского языка.

Введение. Современные семантические исследования нацелены на выявление органической связи языкового материала с формами человеческого мышления. Выявление когнитивных и семантических оснований генеричности осложняется тем, что язык априори является системой анализа, синтеза, обобщения явлений, а логическая структуризация знаний и опыта говорящего субъекта характеризуется многоэтапностью речемыслительной операции и использованием выразительных средств языка, призванных отразить разные по степени и глубине результаты обобщения. Думающий субъект означает результаты и этапы познавательной деятельности посредством языковых и речевых единиц, с одной стороны, обобщенно отражающих реальную действительность, с другой стороны, объективированно представляющих мыслительные формы – понятия, суждения, умозаключения. Именно поэтому речь является средством познания. Через речь субъект идентифицирует для себя любой объект окружающего мира, выполняя процедуры **генерализации** и **референции** и устанавливая его место в понятийной сетке и в денотативном поле соответственно [1, с. 181].

Возможность мыслить категориально системно обусловлена обобщающей функцией языка и речи. В то же время основу знаний о системе языка составляют его категории, понимаемые как объединения однородных языковых единиц на основании какого-либо общего свойства, параметра, признака в «ограниченное количество непересекающихся классов» [2, с. 215]. Однако категории мышления, с помощью которых человек организует свой опыт познания элементов и объектов внешнего мира, их многообразия и универсального характера связей между ними, не зависят от особенностей языкового строя, но могут быть отражены в нем в той или иной мере эксплицитно с помощью специальных средств – единиц плана выражения, включенных не только в морфологическую и синтаксическую, но и лексическую систему.

Ввиду того, что до сих пор отсутствуют комплексные исследования строевых и коммуникативных единиц языка со значением обобщения и их функциональных возможностей, а само понятие обобщенности остается одним из диффузных в лингвистике, актуальным представляется уточнение семантических оснований и систематизация вербализованных знаний о типическом. Таким образом, ждет своего решения важная научная проблема о структурировании информации в языковой картине мира.

Основная часть. При выделении семантических основ признака, конституирующего группу единиц со значением обобщенности, – классемы – необходимо учитывать глубину обобщения эмпирических знаний субъекта. Так, на категориальном уровне понятийная идентификация реализуется через соотнесение объекта с классом ему подобных на основании **существенных** характеристик. Информация же о последних содержится и представлена макрородовой семьей, относящейся к семантическому измерению [3, с. 362], т.е. протяженности, для которой может быть установлена система семантических величин и отношений. Как правило, данной семьей отражаются фундаментальные понятийные области. Как справедливо отмечает В.А. Виноградов, статус категориальности может быть приписан довольно широкому набору элементарных смыслов, таких как 'одушевленность', 'личность', 'предметность', 'счетность' и т.п. Эти семантические элементы универсальны, сами по себе не представляют особого интереса [4, с. 35] и характеризуются имплицитными формами означивания, поэтому значение обобщенности угадывается носителями интуитивно или из контекста [5, с. 69], в том числе и невербального (из фоновых знаний).

На категориальном уровне фиксируются лишь общие очертания объекта, без представления частностей и включения индивидуальных смыслов. Именно с этих позиций обобщающие номинации пред-

ставлены в виде теоретических знаний говорящего, суждений строгой всеобщности и безусловной необходимости и максимально приближены к терминологическим употреблениям. Например, доктор предписывает больному носить рубашку счастливого человека / *la chemise d'un homme heureux*:

Ne pensez-vous pas, Saint-Sylvain, qu'en prescrivant la chemise d'un homme heureux, le docteur Rodrigue a pris le terme d' "homme" dans son sens générique, considérant l'espèce humaine tout entière, abstraction faite du sexe, et entendant une chemise de femme aussi bien qu'une chemise d'homme (A. France, *Chemise*, 1909, p. 199).

В типическом представлении (*dans son sens générique*) класса (счастливых) живых существ (*l'espèce animale / humaine*), половая принадлежность человека / *homme* второстепенна и не учитывается (*abstraction faite du sexe*). Сравним словарную дефиницию *homme* – “*être appartenant à l'espèce animale la plus développée, sans considération de sexe*”. Таким образом, рубашка может принадлежать как женщине, так и мужчине, а менее важные свойства объекта либо игнорируются, либо объединяются по принципу абстрагирования от второстепенных деталей (мужской и женский пол объединены в общий род). С этих позиций французская лексема мужского рода “*gens*” является существительным, соотносимым с семантическим общим родом.

Дифференциация по степени проникновения в сущность познаваемых объектов онтологической реальности специфически преломляется в сфере организации семантической структуры номинативной единицы. Так, она может быть использована в частно-конкретном смысле, называя некое единичное явление, или же в обобщенном смысле (номинируя целый класс объектов). Например, высказывание

Une femme est une femme

можно интерпретировать как «всякая конкретная женщина имеет свойства, присущие женщине в общем». Аналогично,

A la fac, l'homme est une femme comme les autres (Le Monde, 11.09.2013) – В университете преподаватель-мужчина – такая же женщина, как и все другие.

Категориальное обобщение “как и все другие женщины” служит выводом из конкретной ситуации “мужчина – преподаватель”, имплицитно факт иронической насмешки.

Однако актуализация смыслов – частно-конкретного или обобщенного – будет зависеть от того, какие признаки семы (дифференциальные или интегральные) выполняют функцию ремы:

“*L'Histoire n'est qu'une histoire à dormir debout*” (Jules Renard) – Вся История – это всего лишь бабы-рассказы.

При генерализации в *l'Histoire* исходной является референтивная часть значения “*récit d'événements / histoires inventées*”, а рематической – категориальная “*l'évolution humaine considérée comme objet d'étude*”, при референции наоборот.

С обобщенными, неактуализированными смыслами можно соотнести виртуальное значение языкового выражения в системе языка, когда оно абстрагируется от всех возможных случаев употребления и представляет собой не только максимальную степень обобщения признаков предмета внеязыковой действительности, но и фиксированные семантические величины и константы, существование которых обусловлено общими знаниями бытия.

“*Nous vivons dans l'histoire comme des poissons dans l'eau*” (Sartre). – Мы в истории, как рыба в воде.

Сделать вывод о категориальном характере *истории* возможно на основании универсального, фоновое знание о естественной среде обитания для любых рыб – воде. С этих позиций семантическая категория обобщенности отражает знание о состоянии ситуации в целом.

Как справедливо указывает В.В. Казаневская, “в отношении категориального обобщения присутствует еще свойство *многоаспектности*: то есть в зависимости от условий применения, их не основной, но дополнительный смысл может принимать различные значения” [6, с. 75].

В типизированном представлении *личности* как “совокупности свойств, присущих данному человеку, составляющих его индивидуальность / *ce qui différencie une personne de toutes les autres*”.

“*Le peuple arabe a gardé sa personnalité qui n'est pas réductible à la nôtre*” (Camus). – Арабы сумели сохранить свою индивидуальность, которая не приравнивается к нашей.

К макрородовой семе “личное / индивидуальность / *l'individualité*” прибавляется такой атрибутивный признак, как, например, *ethnique* / этнос; общность людей (племя, народность, нация), имеющая социальную целостность и оригинальный стереотип поведения.

Сравним:

Il n'y a pas là d'appréciation péjorative: je veux dire que la personnalité et le talent de ces compositeurs sont tels qu'il leur est difficile de se plier à n'être que des serviteurs du récit en images. – В этих словах нет порицания, я хочу лишь сказать, что **творческая индивидуальность** этих композиторов мешает им рабски подчиняться требованиям кинорассказа.

On disait qu'elle [Zaza] avait de la personnalité: c'était là son suprême privilège. (S. de Beauvoir, (GL).) – Говорили, что Заза – личность, и это было ее главным достоинством.

Здесь *la personnalité* помимо ‘индивидуальности’ интерпретируется или как творчество, или как сильный характер.

Таким образом, ввиду многоаспектности категориальный уровень обобщения может определяться и отношениями объединения / синтеза между существенными и второстепенными признаками, допуская до некоторого предела варьирование последних.

Так как категориальное обобщение выполняется через элементарные формы мышления, то оно может реализовываться путем сравнения. Эти две мыслительные операции переходят друг в друга. Например: *L'histoire tombe au-dehors comme la neige.* (André Breton) – История, как снег, падает на голову.

История в своем развитии может быть такой же неожиданной, как и природные явления, которые сложно иногда прогнозировать и тем самым познать. Обобщение происходит поэтапно: сначала через расширение до категориального уровня семантики конкретной номинативной единицы “снег → природные явления”, а затем через сравнение свойств разных объектов (эксплицитно представленного в языке с помощью синтаксической конструкции), т.е. сближение результатов эмпирического познания из разных областей с целью приобретения общего теоретического. Другими словами, исключение дифференциальных признаков как частных, индивидуализирующих необходимо для того, чтобы получить семантему более широкого объема, но менее конкретного содержания, и чтобы единичные сущности были включены в более широкие смыслы. Обобщение “*histoire*” и “*neige*” позволило распределить объекты действительности в группы, которые до акта речи существовали параллельно, но были соотнесены друг с другом говорящим в зависимости от степени обобщения.

Сравнение возможно не только между членами одной и той же категории. Например, при категориальном сдвиге – онтологической метафоре, такой как:

Un vieillard qui meurt, c'est une bibliothèque qui brûle. – “Умерший старик как сгоревшая библиотека” (Le HuffPost, 09/10/2013).

живое существо старик / “un vieillard” уподобляется объекту неживой природы библиотеке / “une bibliothèque”. Именно актуализация макрородовой семы ‘хранилище / вместилище (знаний) / *savoir*’ и нейтрализация их родовых несовместимых признаков (одушевленность и предмет мебели) обеспечивает “стыковку” несочетающихся понятийных областей.

Значимость широкого смыслового компонента – (положительная) объектов и явлений окружающего мира для человека – делает возможным метонимический перенос: библиотека – кладезь знаний – старик.

Данное положение о подобии подтверждается исследованиями антрополога Б. Берлина и когнитивного психолога Э. Рош [7, с. 71], которые выяснили, что существует такой уровень категоризации, на котором общие очертания членов категории воспринимаются как подобные. Отсюда и возможность представления объектов действительности как схемы, т.е. примитивно, упрощенно. Сравним, в русском языке: “Но герои нашего фильма – не ходячие схемы и не дуболомы с каменными кулаками” (АИФ, 25.02.2009) и во французском – *L'aspect social du roman de Zola a disparu dans cette transposition moderne et les personnages sont schématiques* (Le Monde, 24 juin 2012).

Отметим, что нейтрализации подвержены не только дифференциальные компоненты именных знаков, но и глагольных:

Mourir est un pays que tu aimais. (Yves Bonnefoy, Du mouvement et de l'immobilité de Douve) – Смерть это как страна, которую когда-то любил.

Вместе с тем сходство может устанавливаться не только по специфически присущему признаку, общему для обоих объектов или понятий, но и носить так называемый “фамильный” характер: “члены категории могут быть связаны друг с другом без того, чтобы все члены категории имели какие-либо общие свойства, конституирующие категорию” [8, с. 30]. Так, значение родовой семантемы ‘старика’ / *les vieux* является обобщающим как для парадигматически взаимозаменяемых лексических вариантов: пожилые люди, старшее поколение, пенсионеры (*personnes âgées, vieillards, les seniors*), так и смежных, взаимно дополняющих друг друга: старая гвардия, предки, родители, отец с матерью (*les anciens, les parents, les proches*). В последнем случае языковым выразителем категориального признака обобщения является семантема с компонентом, относящимся к семантической области и представляющим отрасль знаний о сфере человеческой жизнедеятельности, так называемым мезородовой семой [3, с. 364]. Семантемы такого обобщения на функциональном уровне отражают сложные родовые референты как комплексы, образованные в результате объединения / синтеза объектов из разных семантических измерений, но относящихся к одному социальному окружению [9], например, “институт” – это совокупность научных учреждений или деятелей, имеющих своей целью развитие науки или искусства:

En fondant à New-York l'Institut français, qui groupait des sommités de la science, de l'histoire, de la philosophie, le professeur Focillon obtenait l'accord de ses collègues pour demander au général de Gaulle de reconnaître l'établissement par décret (De Gaulle, *Mém. guerre*, 1954, p. 183).

Institut de France – compagnie savante formée par la réunion de l'Académie Française, l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, l'Académie des Sciences, l'Académie des Beaux-Arts, l'Académie des Sciences morales et politiques.

Показательны в этом отношении французские имена существительные *homme / femme / gens*, входящие в состав многих обозначений человека по его качествам, занятиям, а также аналитические словоформы типа *espace ludique* 'игровая зона / игротека', *espace vert* 'зелёный массив', *espace détente* 'зона отдыха', "*L'Espace littéraire*", de M. Blanchot 'литературный мир / творчество' писателя Бланшо.

Devenu **homme d'affaires** et patron d'un groupe de presse, Futurs Médias, Youssou N'Dour, 54 ans, s'est engagé en politique en 2010. (Le Monde, 12.10.2013) – Став бизнесменом и владельцем издательского дома Фютюр Медиа, 54-летний Юсу Ндур в 2010 занялся политикой.

Femmes de combat, de caractère et de convictions, les nouvelles Amazones entendent faire de la politique «autrement». (L'Express. fr) – Женщины-борцы, по характеру и убеждениям новые Амазонки, собираются заниматься политикой "по-другому".

Для функционального обобщения характерна атрибутивная связь, реализуемая номинативными единицами в позиции предикатива или приложения – devenu **homme d'affaires / femmes de combat**. Значение именной группы определяется на уровне синтаксической конструкции, в том числе учитываются и семантические характеристики предикатного выражения.

На уровне малой степени обобщения – конкретного – классификационные единицы (таксемы) организованы в минимальные парадигмы, внутри которых определяются видовые семы (*classes minimales d'interdéfinition* [9]). Наличие таксемы предопределено существованием одной единицы с видовыми семами относительно другой. Например,

George Sand dit qu'on peut classer les hommes suivant qu'ils aspirent à vivre dans une chaumière ou dans un palais. Mais la question est plus complexe: qui a château rêve chaumière, qui a chaumière rêve palais. (Bachelard, La Poétique de l'espace, 1957, p. 70) – Жорж Санд пишет, что можно поделить людей на тех, кто хочет жить в хижине, и тех, кто стремится жить во дворце. Но этот вопрос гораздо сложнее: тот, кто владеет дворцом, мечтает о хижине, а тот, у кого есть хижина, мечтает о дворце.

Les notabilités, qui se trouvaient comprises dans cette dernière catégorie, étaient suffoquées d'un tel manque d'égards. (Jean-Christophe Tome II Rolland, Romain) – Именитые горожане, которых она отнесла к этому последнему разряду, разгневались от такого неуважения.

Выделение таких разрядов зависит от степени и объема знаний говорящего (отсюда и обязательная авторизация информации), в большинстве случаев они носят субъективный характер и организованы в таксемы, включенные в область наивной семантики, сгруппированные по семи признакам: *individual* 'индивидуальное', *entity* 'коллективное', *real* 'природное', *social* 'социальное', *physical* 'физическое', *sentient* 'чувствующее', *temporal* 'протяженное во времени' [10, p. 59].

Конкретные обобщения соотносятся с тривиальными понятиями, которые "отличаются от научных понятий некоторой расплывчатостью; их границы плохо очерчены, а лежащие в их основе классификационные признаки и представления недостаточно точны, иногда даже ошибочны (ср.: рыба-кит, солнце поднялось и т.п.)" [11, с. 10].

Et surtout, vous catégorisez vite les gens, d'un côté les défenseurs des animaux et de l'autre les meurtriers. (Branchez-vous) – Уж очень вы быстро классифицируете людей: с одной стороны, защитники животных, а с другой – их убийцы.

Такие обобщения носят характер субъективной неопределенности, поскольку говорящий в момент речи не очень ясно отдает себе отчет в различиях между сходными понятиями и предметами (наименования растений, животных, предметов быта) [12, с. 43–44].

N'importe quel Français doit être choqué par ce drame, encore aurait-il fallu que ces mêmes Français en aient connaissance. – Любого француз будет сражен случившимся... но для начала нужно, чтобы он вообще смог об этом знать (Atlanico, 4 juin 2013).

Француз обязательно прореагирует на событие, если он о нем знает. Поэтому определить точно семантический объем данной видовой семантемы сложно, так как не актуализирована референтная часть значения, а категориальная зависит от выполнения условия.

Сравним, также:

Il [Ober] cherchait vainement dans quelles catégories il pourrait les classer; car il avait besoin de classer les gens, pour les comprendre (Jean-Christophe, R. Rolland). – Обер ломал себе голову, к каким бы категориям их отнести, ибо ему необходимо было классифицировать людей, чтобы понимать их (Жан-Кристоф, Р. Роллан).

Субъективная классификация людей необходима для понятийной идентификации самого говорящего, так как он стремится организовать ее не в соответствии с универсальными широкими смыслами, а исходя из личностной ценностно-смысловой сферы.

Le jeune Granson appartenait à la classe des hommes de talent qui s'ignorent et se découragent facilement (Honoré de Balzac, les Rivalités: la Vieille Fille, Gallica). – Молодой Грансон принадлежал к разряду талантливых людей, которые сами себя не знают и легко отчаиваются.

На уровне конкретного обобщения допускается исключение из всеобщности, поскольку микрородовая сема соотносится с ситуацией из реального, а не только всех возможных миров, например:

Grillons, vers et sauterelles dans l'assiette des Européens... Les insectes glissent une (timide) patte dans les assiettes européennes (Le Monde, 12.10.2013). – Сверчки, червяки и кузнечики на тарелке европейцев... В европейских меню постепенно появляются насекомые.

Кузнечики являются не только насекомыми – членистоногими животными (актуализирована макрородовая сема) и блюдом (актуализирована мезородовая сема), но и (что и составляет исключение из класса) появляются в меню европейцев.

Как было уже отмечено выше, в результате ментальных операций познания через речь, думающий и говорящий субъект развивает актуальные значения и расширяет их, наполняя личностными смыслами, т.е. генерализирует. До момента полного отвлечения от ситуации аналитическая речемыслительная деятельность субъекта регулируется текущим состоянием его сознания. При этом уровни функционального и конкретного обобщения формируются на базе узуальных значений, промежуточных между актуальными и виртуальными.

Сравним, например, ситуацию обобщения:

Il se représente soudain tout ce que ce mot contenait d'usuel, de domestique, de ridicule (A. France, *Mannequin*, 1897, p. 117). – Он живо вообразил себе всё привычное, домашнее и смешное, что воплотилось в этом слове.

В этой ситуации выявляется субъективный характер обобщения значений слова для говорящего: свой личный опыт, свои знания и эмоции, он [человек] выражает словом, вмещающем не только нечто обычное (из сферы его когниции), но и что-то домашнее, близкое (из его личного пространства), и нечто смешное (из его эмоциональной сферы).

Вместе с тем познавая множественность мира и гетерогенность объектов, субъект мысли может совершать логические ошибки, сравнивая или сопоставляя далекие либо несовместимые понятия, но при этом строить предложения по грамматическим правилам. Например:

*alors j'ai pensé au mot destruction
et à tout ce qu'il faudrait rassembler*

(été, jazz, corps à corps et tango, immensité, jardin, rivage et quelques insectes) Nicole Brossard Au présent des veines, No. 6.

Как видим, однородные члены предложения *été, jazz, corps à corps et tango, immensité, jardin, rivage et quelques insectes* называют ассоциации говорящего, связанные с представлением обобщенного образа лета, синонимичного понятию “разрушение”. Такое логическое нарушение, оформленное как языковой парадокс, созданное посредством смыслового сближения и перечисления логически несовместимых слов, вполне осознано говорящим.

Семантика обобщенности объективируется как лексическими средствами выражения, так и морфолого-синтаксическими проявлениями. Однако их соотношение и значимость определяется функциональными и типологическими особенностями самого языка. Например, для некоторых лексем, а также грамматических разрядов французских слов признак общности “в общем, в совокупности” является доминирующим. Сравним: неопределенное местоимения *on* и собирательное имя существительное.

On – les hommes en général, l'homme.

Le nom collectif – se dit d'un terme singulier et concret représentant un ensemble d'individus.

В то же время можно заметить, что в дефиниции местоимения *on* устанавливается тождество между именными группами *les hommes en général* и *l'homme*. Это возможно ввиду обобщающей функции определенного артикля единственного числа. При этом обобщающее местоимение, как правило, сочетается с глаголом единственного числа.

Заключение. Категориальная семантика обобщенности во французском языке обусловлена не только семантическими возможностями номинативных единиц, но и типологическими доминантами грамматической системы, а именно «сверхкатегориями», объединяющими несколько категорий (например, число и определенность в именной системе). Во французском языке, как и в ряде других, отсутствует грамматическая категория обобщенности, которая была бы представлена дихотомической оппозицией и представляла собой замкнутую систему единиц, организованную по принципу «единства форм и значения». Однако генерализация является вторичной функцией артикля [13, с. 269], класса слов, актуализирующих понятия. Современные лингвисты единодушны в том, что между логическими категориями и языковыми отсутствует строгое и однозначное соответствие. И если грамматических категорий больше, чем логических (например, суждение, вывод, умозаключение), то, следовательно, и логический оператор всеобщности проявляется в нескольких языковых категориях, таких как количества (квантификации) и числа, детерминации и отрицания. Кроме того, языковые средства со значением обобщения полисемантичны и в первую очередь являются формой выражения других категорий.

Как видим, функциональное и конкретное обобщение, в отличие от категориального, имеет преимущественно эксплицитные способы означивания и легко распознается адресатом в тексте. Во фран-

цузском языке их маркерами являются не только знаки обобщающей номинации (лексические и синтаксические), но и пунктуационные знаки при обобщающем слове (двоеточие и тире).

Если семантическим основанием для категориальной генерализации является соотнесенность с признаками «универсальности», «целостности», «объединения / синтеза», «подобия / компаративности», отражая тем самым универсальные элементарные смыслы, включаемые в высказывании в «общую» ситуацию, и объективируя в языке понятия вывода, умозаключения; понятия с обобщающим и индивидуализирующим значением одновременно и абстрактный характер временного плана, то на уровне конкретного обобщения вербализуются понятия количественной характеристики (*multitude, foule, masse, affluence, tas, flot, amas, nuée, peuple, armée* и т.д.), в том числе и понятия приблизительного и абсолютного множества (*approximativement*); понятия, имеющие собирательное значение (*ensemble, groupe, public, unanime, en équipe, d'ensemble, communautaire, collegial, assemblage* и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лещак, О.В. Онтологические проблемы ономазиологии и категориальная типологизация семантического пространства языкового опыта / О.В. Лещак // *Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego*. – Kielce, 2009. – Т. XVIII. – С. 179–195.
2. Булыгина, Т.В. Категории / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // ЭЛС. – М., 1998. – С. 215–216.
3. Растье, Ф. Интерпретирующая семантика (русский перевод, примечания, предметно-именной указатель А.Е. Бочкарева) / Ф. Растье. – Нижний Новгород: Деком, 2001. – 367 с.
4. Виноградов, В.А. Типология Г.А. Климова в системе языковых типов / В.А. Виноградов // *Вестн. Нижегородского гос. лингв. ун-та им. Н.А. Добролюбова*. Вып. 15. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО НГЛУ, 2011. – С. 29–40.
5. Гаврилова, Е.Н. Обобщенность как категория лингвистики текста / Е.Н. Гаврилова // *Русский язык за рубежом*, 1980. – № 5. – С. 68–73.
6. Казаневская, В.В. Категориальный уровень в структуре психологической науки / В.В. Казаневская // *Образ российской психологии в регионах страны и в мире: материалы междунар. форума и школы молодых ученых ИП РАН, 24–28 сентября 2006 г.*; под ред. А.А. Аксапольского, И.С. Кострикина, А.В. Юревич. – М.: Ин-т психологии РАН, 2006. – С. 71–6.
7. Ченки, А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях / А. Ченки // *Вопросы языкознания*. – М., 1996. – № 2. – С. 68–77.
8. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф; пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
9. Hébert, L. La Sémantique interprétative en résumé / L. Hébert // *Texto!.* – juin 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.revue-texto.net/Reperes/Themes/Hebert_SI.html.
10. Dahlgren, K. Naive Semantics for Natural Language Understanding / K. Dahlgren. – Boston: Kluwer, 1988. – 258 p.
11. Кацнельсон, С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / С.Д. Кацнельсон. – М.: УРСС, 2004. – 110 с.
12. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология / В.Г. Гак. – М.: Изд-во «Междунар. отношения», 1977. – 264 с.
13. Андреева, Е.В. О значениях и функциях артиклей *le, la, les* в современном французском языке / Е.В. Андреева (Исследования по языкознанию: К 70-летию чл.-кор. РАН А.В. Бондарко. – СПб., 2001. – С. 264–276.

Поступила 24.10.2013

THE SEMANTIC INTERPRETATION OF THE CATEGORY OF GENERALITY (BASED ON THE FRENCH LANGUAGE)

E. GAPANOVICH

This article deals with the notion of generality being one of the most diffused in the linguistics. The logical structuring of the speaking person's knowledge and his experience involves multilevel speech and cognitive operations. Their semantic grounds are exposed in the language a priori which is a system of synthesis, analysis and generalizing for realities' nominations. The theory of interpretative semantics proposed by Rastier, being the methodological basis of the research, is used to establish the semantic potential of nominations referring to the stages of categorical, functional and specific generality. The categorical approach to the analysis of formal and communicative units of the French language denoting generality is employed to determine implicit (which are violation of paradigmatic relations, categorical shift and semantic expansion, background knowledge) and explicit (grammatical associations) ways of denoting.

УДК 81-115

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОНЯТИЯ «УЖАС» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.В. ГОГОЛЯ И ГИ ДЕ МОПАССАНА

канд. филол. наук, доц. И.Г. ЛЕБЕДЕВА
(Полоцкий государственный университет)

На примере художественных произведений Н.В. Гоголя и Ги де Мопассана рассматривается видение авторами «ужасного», выделяются сходство и различия, отмечаются тематические группы и отдельные семы регулярно присутствующие в описаниях «ужасного». Исследуются наиболее распространенные стилистические фигуры, участвующие в создании атмосферы «ужасного». Доказывается, что для «заражения» читателя своим чувством ужаса авторы используют метафоры, избегая точного названия предмета; персонификации, заставляя страх отрывать от личности и жить самостоятельной жизнью; а также повторения, искусственно удерживая негатив в нашем воображении. Делается вывод, что использование других стилистических приемов, а также насыщенность ими текста индивидуальны.

Введение. Содержание любого языкового знака представляет собой, с одной стороны, исторически образовавшуюся связь между звучанием слова и отображением предмета или явления в общественном сознании, с другой – имеет место индивидуальная интерпретация знака отдельным индивидом, образующая прагматический компонент значения. На содержание одного и того же понятия может влиять мировоззрение человека, его возраст, пол, образование, вид деятельности, личностные особенности и т.д.

Цель данного исследования – установить, какое содержание имеет понятие «ужас» у совершенно различных авторов, принадлежащих к совершенно различным культурам.

Мы остановили свой выбор на таких авторах, как Н.В. Гоголь и Ги де Мопассан. Оба автора имели некоторые психические отклонения, и описания самого чувства ужаса занимают немалое место в их творчестве. Авторы различались своим мировоззрением: Н.В. Гоголь был глубоко верующим православным человеком, а Ги де Мопассан был атеистом, поэтому следует ожидать, что понятие ужаса ими будет интерпретировано по-разному, а в стилистических особенностях передачи «ужасного» могут присутствовать как общие, так и индивидуальные черты.

В рамках поставленной цели решались следующие задачи:

- определить содержание понятия «ужас» на основе произведений Н.В. Гоголя и Ги де Мопассана;
- выявить стилистические особенности художественного выражения «ужасного» в произведениях Ги де Мопассана и Н.В. Гоголя.

Материалом исследования послужили новеллы Ги де Мопассана «Орля», «Он?», «На воде» и повесть Н.В. Гоголя «Вий».

Основная часть. Анализ лексических средств в произведениях Ги де Мопассана, выявил, что «ужасное», как правило, передается именами существительными, количество употреблений которых практически в два раза превышает число имен прилагательных и глаголов (44 %, 28 и 20 %, рис. 1).

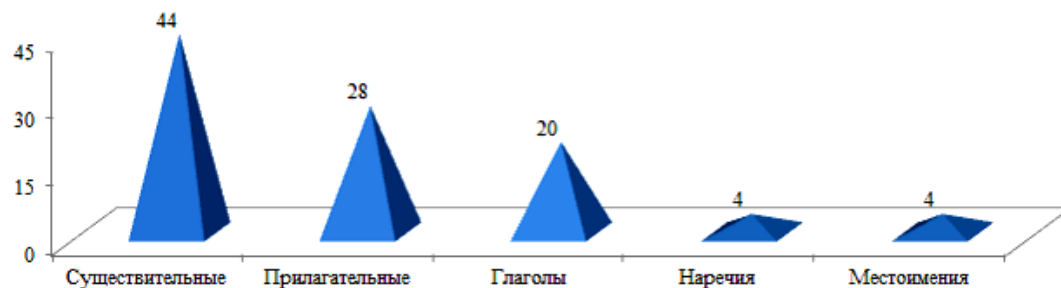

Рис. 1. Основные лексические средства, выражающие «ужасное» у Ги де Мопассана

Семантический анализ встречающихся у Мопассана в описании ужасного слов показывает, что при доминирующей теме страха (39 %, рис. 2) важным представляется разрушительное подчиняющее действие страха на психику рассказчика. Он боится существа, появляющегося в темноте, которое вызывает психическую и телесную боль, подчиняет разум и волю. Важным представляется то, что герой Мо-

пассана не находит никакого спасения от этого навязчивого чувства, он отвергает религию и осознает слабость и никчемность человеческого организма.

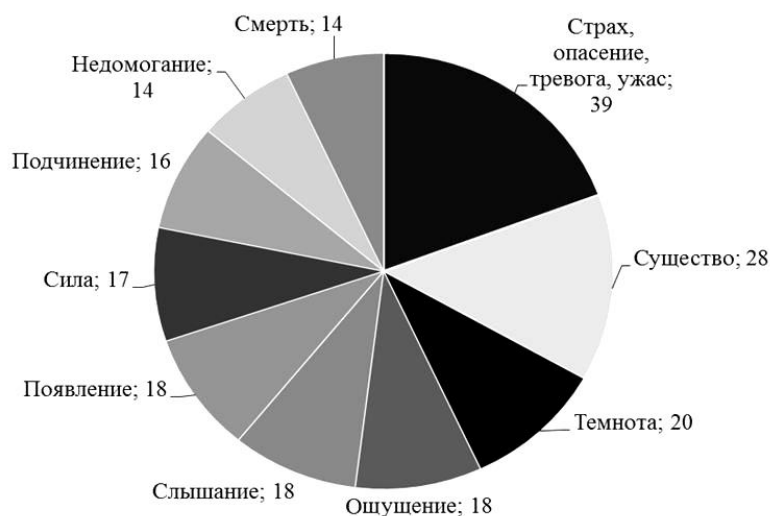

Рис. 2. Семы, встречающиеся в описании «ужасного» у Ги де Мопассана

В ходе исследования были обнаружены четыре основные тематические группы по выражению «ужасного»: 1) психический дискомфорт; 2) физический дискомфорт; 3) таинственность и 4) различные градации страха.

Имена существительные, как правило, показывают физический дискомфорт (*дрожь, жар, холод, недомогание*), таинственность (*чудо, мистика, превращение, Силы, Невидимое*) и психический дискомфорт (*отчаяние, испуг, волнение, опасность, предчувствие, сомнение*) (75 %, 50 и 47 % соответственно, что проиллюстрировано данными, представленными в таблице 1).

Таблица 1

Основные тематические группы, выражающие «ужасное» у Ги де Мопассана,
% от общего количества частей речи в каждой тематической группе

Ощущение	Часть речи			Σ
	имена существительные	имена прилагательные	глаголы	
Психический дискомфорт	47	0	53	100
Физический дискомфорт	75	25	0	100
Таинственность	50	50	0	100
Градации страха	0	100	0	100

Как видно из таблицы 1, имена существительные передают все тематические группы, за исключением градаций страха.

Градации страха полностью представлены при помощи имен прилагательных (100 %): *мрачный, неподвижный, устрашающий, ужасающий, жестокий, воющий, чудовищный*. В два раза реже (50 %) прилагательные способны описывать атмосферу таинственности: *невидимый, пустынный, мистический, беззвучный, мрачный*. Физический дискомфорт (25 %) выражается с помощью следующих прилагательных: *болезненный, лихорадочный, давящий, непреодолимый*.

Для выражения психического дискомфорта использовались только глаголы (53 %): *испытывать, грозить, поражать, омрачать, беспокоить*. Для выражения остальных трех тематических групп глаголы не применялись.

Наиболее распространенными стилистическими фигурами, участвующими в создании Ги де Мопассаном атмосферы «ужасного», выступают повторения и метафоры (23 и 22 % соответственно, рис. 3). Антитезы, персонификации и сравнения также принимают непосредственное участие в нагнетании страха, однако их количество не столь значительно.

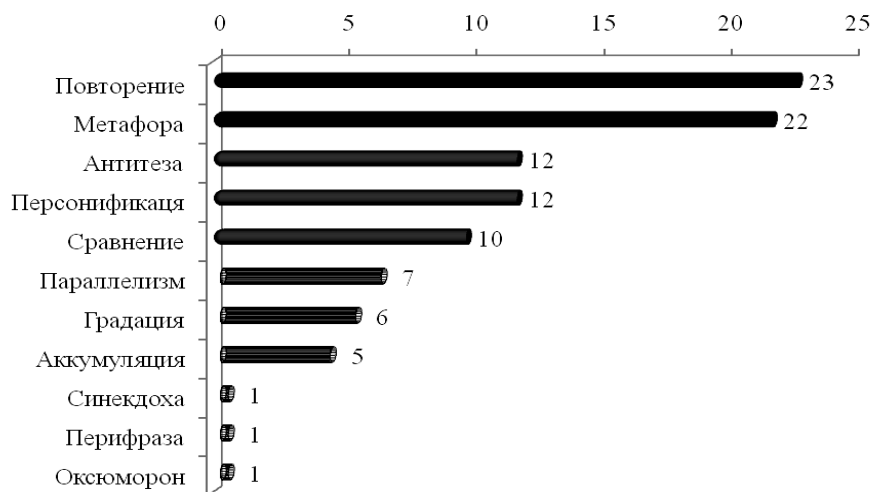

Рис. 3. Самые распространенные фигуры, выражающие «ужасное» у Ги де Мопассана, % от общего количества фигур

Повторения, как правило, используются при передаче психического дискомфорта: «*Меня лихорадит, лихорадит невыносимо, от этого лихорадочного нервного возбуждения мучается и душа, и тело*». Следует заметить, что Мопассан, как правило, прибегает к простым повторениям во фразе, появление анафорических повторений связано с зарождением страха, а эпифоры чаще говорят о бессилии личности, о ее полном поработлении страхом:

Анафора: «*Я чувствую, что я в постели и сплю ... Я чувствую это и осознаю ... Я чувствую также, как кто-то приближается ко мне, оцупывает, взбирается коленями мне на грудь, обхватывает руками мою шею и давит ... давит изо всех сил, стараясь меня задушить*».

Эпифора: «*Бром не помог; обливания не помогли*». «*Я мечусь, скованный этим жутким бессилием, приходящим к нам в кошмарных снах; хочу закричать – не могу; хочу шевельнуться – не могу; задыхаюсь и прилагаю невероятные усилия, чтобы повернуться, сбросить с себя это существо, которое давит и душит меня – не могу!*»

Анализ метафор показывает, что они направлены на подчеркивание физического дискомфорта, а также градаций страха у рассказчика: «*Кто-то пил из меня жизнь*». «*Когда мы долго пребываем в одиночестве, мы заселяем пустоту призраками*». «*Растерянный, дрожащий, я оставался лишь поработленным и запуганным наблюдателем*».

Благодаря использованию антитез автор подчеркивает контраст между воображением и реальностью. Читатель может сопереживать испытываемое рассказчиком чувство ужаса: «*Вдруг мне показалось, что кто-то идет за мной по пятам, совсем рядом, почти касаясь меня. Я резко обернулся – никого*».

Прибегая к персонификациям, Ги де Мопассан оживляет само чувство страха, отделяет его от человеческой личности и заставляет жить самостоятельной жизнью: «*Этот страх и эта мысль закрались ко мне в душу*». «*Этот необъяснимый животный страх переходил в ужас*».

Сравнения, участвуя в создании атмосферы страха, направлены на формирование определенных ощущений у читателя, например, чувства отвращения, безысходности т.д.: «*Этой ночью я почувствовал, как кто-то, склонившись надо мной и прильнув к моим губам, пил из меня жизнь. Он высасывал ее из меня как пиявка*». «*Меня словно укрывали до пояса белоснежнейшим саваном, и мне в голову приходили самые невероятные фантазии*».

Основными средствами пунктуации, передающими «ужасное» выступают восклицательный знак, вопросительный знак, многоточие (45 %, 33 и 22 % соответственно).

Использование восклицательных предложений указывает, прежде всего, на возбужденное состояние рассказчика: «*Вот он! Вот он! Я слышу!*» «*Она его чувствует! Она его чувствует!*» «*Рука уперлась в деревянную спинку! Там не было ничего. Кресло было пусто! Господи, какой ужас!*» «*Простите! Сжальтесь! Смилюйтесь! Спасите меня! О, какая мука! Какая пытка! Какой ужас!*»

Вопросительные предложения передают психический дискомфорт, подавленность и бессилие перед неизвестным: «... Я боюсь ... но чего? я прислушиваюсь ...но к чему?» «Что же со мною?» «Не сумасшедший ли я?» «Может это конец света? Но кто оно, управляющее мною, это невидимое, непознаваемое вездесущее и сверхъестественное?»

Необходимо также обратить внимание на факт использования многоточия. Незаконченные предложения как нельзя лучше передают хаотичность мыслей, спутанность сознания: «Я боюсь...но, чего?... я ничего не боялся до сих пор... я открываю шкафы, заглядываю под кровать: прислушиваюсь ... прислушиваюсь ... но к чему?»

Гоголь, как и Мопассан, применяет различные лексические, грамматические средства и средства пунктуации, позволяющие читателю сопереживать, испытываемый Хомой ужас. Анализ лексических средств, используемых Н.В. Гоголем в описаниях «ужасного», выявил их существенные отличия от существующих у Мопассана описаний.

Для русского автора наименование предмета страха одинаково важно, как и происходящее при этом действие (33 % существительных и 32 % глаголов, рис. 4). В описаниях Ги де Мопассана количество глаголов в 1,7 раза меньше (см. рис. 1).

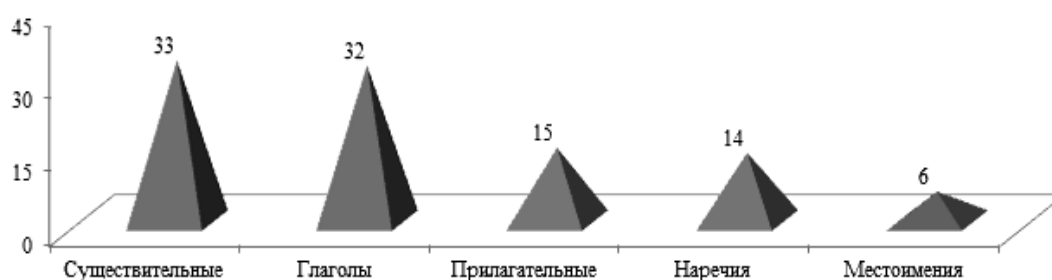

Рис. 4. Основные лексические средства, выражающие «ужасное» у Н.В. Гоголя

Семантический анализ использованных в описании ужасного Н.В. Гоголем слов показывает, что, как и у Мопассана, у него доминирует тема страха и темноты (20 и 13 % соответственно, рис. 5). Однако у русского автора нет такой безысходности: в описаниях присутствует свет или блеск (12 %). Страхи более конкретны: заброшенная обветшавшая церковь, нечистая сила, гроб и мертвец. Спасением от страхов выступает молитва.

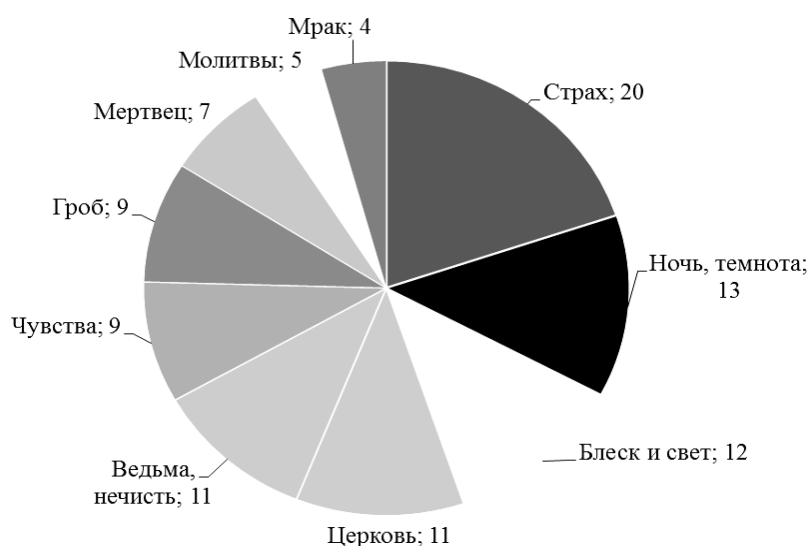

Рис. 5. Семы, встречающиеся в описании «ужасного» у Н.В. Гоголя

Распределение лексики по выделенным у Мопассана тематическим группам выявило существенную разницу в описаниях «ужасного» (табл. 2).

Таблица 2

Основные тематические группы, выражающие «ужасное» у Н.В. Гоголя,
% от общего количества частей речи в каждой тематической группе

Ощущение	Часть речи				Σ
	имена существительные	имена прилагательные	наречия	глаголы	
Таинственность	37	24	18	20	100
Градации страха	34	16	20	30	100
Психический дискомфорт	33	28	9	30	100
Физический дискомфорт	55	2	10	33	100

У Гоголя значительную роль играет описание окружающей обстановки, а у Мопассана основное внимание уделяется внутренним переживаниям рассказчика.

Описываемая Гоголем обстановка не столько таинственна, сколько мистична: «Ночь была адская. Волки были вдали целую стаей. И самый лай собачий был как-то страшен.» ... «Посредине стоял черный гроб. Свечи теплились пред темными образами. Свет от них освещал только иконостас и слегка середину церкви. Отдаленные углы притвора были закутаны мраком. Высокий старинный иконостас уже показывал глубокую ветхость; сквозная резьба его, покрытая золотом, еще блестела одними только искрами. Позолота в одном месте опала, в другом вовсе почернела; лики святых, совершенно потемневшие, глядели как-то мрачно.» ... «Он опять увидел темные образа, блестящие рамы и знакомый черный гроб, стоявший в угрожающей тишине и неподвижности среди церкви.»

Особенностью описаний градаций страха у Гоголя является то, что автор передает их посредством использования глаголов: «Однако же, перелистывая каждую страницу, он поглядывал искоса на гроб, и невольное чувство, казалось, шептало ему: “Вот, вот встанет! вот поднимется, вот выглянет из гроба!”».

В описаниях психического дискомфорта всегда присутствует прямое или косвенное указание на состояние души: «Как только он остался один, робость начала внедряться снова в его грудь.» или «Хома не имел духа взглянуть на нее.» или «... Он чувствовал бесовски сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение. Ему часто казалось, как будто сердца уже вовсе не было у него, и он со страхом хватался за него рукою».

Что касается физического дискомфорта, то его описания довольно однообразны, и у Гоголя, в отличие от Мопассана, не являются решающими в создании атмосферы «ужасного»: «Сердце у философа билось, и пот катился градом...» «Сильно у него билось во все время сердце...» «Сердце его захолонуло».

В отличие от Мопассана, активно использовавшего повторения при создании атмосферы «ужасного», Н.В. Гоголь прибегает к ним значительно реже (23 % у Мопассана и 7 % у Гоголя, см. рис. 3). Схожим у двух авторов является частотное использование метафор и персонификаций. Эти стилистические фигуры присутствуют у Гоголя практически в половине описаний ужасного (24 и 20 %, рис. 6).

Анализ использованных Н.В. Гоголем метафор выявил их значительную роль в создании атмосферы таинственности: «Философ все еще не мог прийти в себя и со страхом поглядывал на это тесное жилище ведьмы. Гроб ...». «Но тишина была мертвая. Гроб стоял неподвижно. Свечи лили целый потоп света. Страшна освещенная церковь ночью, с мертвым телом и без души людей!».

Гоголь, как и Мопассан, прибегает к персонификациям, чтобы оживить само чувство страха: «Как только он остался один, робость начала внедряться снова в его грудь» или «Трепет пробежал по его жилам». В отличие от Мопассана, Гоголь часто наделяет человеческими качествами окружающую рассказчика обстановку или природу: «Голос его поразил церковные деревянные стены, давно молчаливые и оглохлые» или «Ветер или музыка: звенит, звенит, и вьется, и подступает, и вонзается в душу какою-то нестерпимую трелью...».

Существенным отличием текста Гоголя является использование инверсий: «Дикие вопли издала она; сначала были они сердиты и угрожающи, потом становились слабее, приятнее, чище...» или «За-трепетал, как древесный лист, Хома: жалость и какое-то странное волнение и робость, неведомые ему самому, овладели им; он пустился бежать во весь дух». Эту особенность, можно объяснить тем, что ав-

тор претендует на то, что Вий – это фольклорный персонаж, благодаря инверсиям сохраняется народный стиль. Например: *«Не имел духу разглядеть он их; видел только, как во всю стену стояло какое-то огромное чудовище в своих перепутанных волосах, как в лесу; сквозь сеть волос глядели страшно два глаза, подняв немного вверх с тысячью протянутых из середины клещей и скорпионных жал. Черная земля висела на них клоками»*.

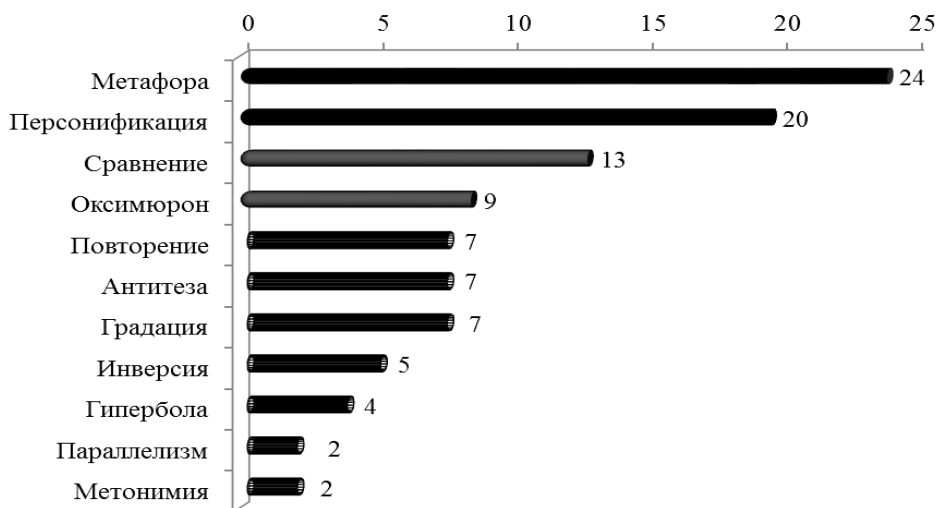

Рис. 6. Самые распространенные фигуры, выражающие «ужасное» у Н.В. Гоголя, % от общего количества фигур

Основными средствами пунктуации, передающими «ужасное» выступают восклицательный знак, вопросительный знак, многоточие (52 %, 33 и 16 % соответственно). Следует отметить бульшую эмоциональную сдержанность текста Н.В. Гоголя, поскольку количество использованных им средств пунктуации гораздо меньшее.

Следует отметить, что, как и у Мопассана, у Гоголя использование восклицательных предложений указывает, прежде всего, на возбужденное состояние рассказчика: *«Однако же, перелистывая каждую страницу, он поглядывал искоса на гроб, и невольное чувство, казалось, шептало ему: «Вот, вот встанет! вот поднимется, вот выйдет из гроба!»»*

Вопросительные предложения у Н.В. Гоголя, как правило, встречаются, когда Хома говорит сам с собой, стараясь себя подбодрить. В них может присутствовать чуть уловимая авторская ирония: *«...Да, впрочем, что я, в самом деле? Чего боюсь? Разве я не козак? Ведь читал же две ночи, поможет Бог и третью. Видно, проклятая ведьма порядочно грехов наделала, что нечистая сила так за нее стоит?»*

В отличие от Мопассана, передающего многоточием хаотичность мыслей рассказчика, Н.В. Гоголь использует многоточие при описании самых жутких мест в повести: *«Она встала... идет по церкви с закрытыми глазами, беспрестанно расправляя руки, как бы желая поймать кого-нибудь»*.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

1) содержание общечеловеческих понятий во многом определяется индивидуальным мировоззрением. В описаниях «ужасного» у Гоголя и Мопассана общим оказывается только наличие гнетущего чувства страха ночью, а дальнейшее развитие чувства индивидуально;

2) в описаниях «ужасного» всегда присутствуют четыре основные тематические группы: психический дискомфорт, физический дискомфорт, таинственность и различные градации страха;

3) для «заражения» читателя своим чувством ужаса авторы используют:

- метафоры, т.е. избегают точного названия предмета;
- персонификации, т.е. заставляют страх отрываться от личности и жить самостоятельной жизнью;
- повторения, т.е. искусственно удерживают негатив в нашем воображении.

Использование других стилистических приемов, а также насыщенность ими текста индивидуальны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beth, A. Figures de style / A. Beth, E. Marpeau. – Paris: Libro Mémor, 2005. – 98 p.
2. Crenet, A. XVIIIe siècle: documents / A. Grenet, C. Jodry. – Paris: Bordas, 1995. – 496 p.

3. Decesse, R. XIXe siècle: documents / R. Decesse, H. Godard. – Paris: Bordas, 1994. – 498 p.
4. De Maupassant, G. Le Horla et autres contes fantastiques / G. De Maupassant. – Paris: Hachette Livre, 2006. – 224 p.
5. De Maupassant, G. La Maison Tellier / G. De Maupassant. – Paris: P. Ollendorff, 2007. – 232 c.
6. Dupriez, B. Gradus, les procédés littéraires / B. Dupriez. – Paris: Presses de la cité, 2003. – 540 p.
7. Fromilhague, C. Les figures de style / C. Fromilhague. – Paris: Armand Colin, 2010. – 128 p.
8. Le Robert Dictionnaire d'aujourd'hui: langue française, histoire, géographie / réd. A. Ray. – Paris: Dictionnaire Le Robert, 1991. – 2000 p.
9. Ricalens-Pourchot, N. Lexique des figures de style / N. Ricalens-Pourchot. – Paris: Armand Colin, 1998. – 96 p.
10. Roy, A. Guy de Maupassant: l'engendrement du romanesque / A. Roy. – Montréal: Université McGill, 1996. – 392 p.
11. Артамонов, В.П. О стиле новелл Мопассана / В.П. Артамонов. – Якутск: ЯГУ, 1989. – 340 с.
12. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
13. Брандес, М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: учебник / М.П. Брандес. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.
14. Соловьева, Н.А. История зарубежной литературы: Предромантизм: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Н.А. Соловьева. – М.: Академия, 2005. – 272 с.
15. Тимофеев, Л.И. Краткий словарь литературоведческих терминов / Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1985. – 312 с.

Поступила 23.10.2013

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSION OF HORROR IN THE WORKS OF N. GOGOL AND G. DE MAUPASSANT

I. LEBEDZEVA

The content of each linguistic sign represents the fusion of social and individual components. On one side we see the historical links between the material meaning of an object or event and ideal representation in the collective mind. On the other side there is always an individual who adds his own vision to the collective representation. We examine the vision of horror in works of N. Gogol and G. de Maupassant. There are common and differences. Thematic groups and semes that always accompany the expression of horror are disengaged. The most frequent stylistic figures who take an active part in the representation of the horror are analyzed. We prove that the contamination of the reader with the feeling of fear is always going the same way: the authors avoid naming things in their own names, they rush to the metaphors; they separate the personage and fear, fear is now independent, it has its own life through personifications; more negative emotions are very entrenched in our memory through the regular repetitions. The use and the amount in the text of other stylistic means represent individual variation.

УДК 811.161.1'373.23(476.5)

**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ФОРМ ЛИЧНЫХ ИМЕН
ЖИТЕЛЯМИ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ****И.А. ЛISOBA***(Витебский государственный университет им. П.М. Машерова)*

Определяются причины неприятия неофициальных форм личных имен жителями населенных пунктов Белорусского Поозерья. Выявлены антропонимы, от которых чаще всего образуются неприемлемые модификаты, основные структурно-семантические типы и модели пейоративов в их количественном соотношении, а также социолингвистические и прагматические основания их использования. Проведено картографическое описание функционирования дериватов личных имен с финалью -ка. Отмечено соответствие регионов активного функционирования наиболее негативно воспринимающихся ка-форм и областей фиксации диалектных групп говоров на исследуемой территории. Определены основные причины стремления жителей области сменить имя и роль негативно воспринимающихся модификатов антропонимов при этом, а также соотношение положительных, нейтральных и отрицательных реакций на обращение с использованием деминутива в условиях неблизкого знакомства с учетом объекта и предмета оценки.

Введение. Неофициальные формы личных имен в речи используются с различными семантическими приращениями, которые формируются под влиянием восприятия модификатов в определенном социуме. Реакцией на самоименование является согласие с предложенной формой имени или выбор иной, отражающей позицию именующего, формы. Модификат может быть воспринят именуемым положительно или отрицательно. «Есть группы и даже целые пласты слов, вызывающие у большинства людей разнообразные, иногда довольно сильные эмоции, вплоть до отторжения» [1, с. 54]. Выявление закономерностей негативного восприятия форм имен позволит улучшить качество коммуникации в малой группе и выбрать ребенку имя, имеющее меньшее количество пейоративных форм. Пейоративными считаем формы имен, негативно воспринимающиеся в рамках определенного социума большинством его членов. С целью определения принципов появления негативной коннотативной окрашенности неофициальных форм личных имен в отдельном регионе было опрошено 1144 жителя Белорусского Поозерья.

Материалом исследования стали результаты психологического анкетирования и интервьюирования городских и сельских жителей Белорусского Поозерья разного возраста и социального статуса (г. Браслав, г. п. Видзы Браславского района, г. Верхнедвинск, г. Витебск, г. Городок, д. Костени Поставского района, а. г. Крынки Лиозненского района, д. Новый Погост Миорского района, г. Орша, г. Лепель, г. Поставы, г. п. Россоны, г. Полоцк и Новополоцк). Для интерпретации полученных результатов были использованы структурно-семантический, картографический, ареальный методы, метод оценки психологического восприятия, а также элементы фреквентативного анализа. Методологической основой работы стали теоретические положения, отраженные в публикациях А. Вежицкой [1], А.В. Суперанской [2] и В.И. Супруна [3].

Результаты и обсуждение. Негативное восприятие имени связано не только с его структурой и семантикой. Связь имени и личности накладывает свой отпечаток на формирование стереотипов, общих представлений, влияющих на успех коммуникации. Неофициальными формами имени человек пользуется в повседневной коммуникации чаще, чем паспортной, официальной. С их помощью коммуниканты воздействуют друг на друга, передавая тонкие оттенки эмоций. Межличностная аттракция в общении зависит от учета реакции именуемого на выбранный именующим модификат. Большинство респондентов лояльно относятся к разным формам имени в свой адрес, однако не всегда респондентов удовлетворяет весь набор неофициальных форм их имен: 24,04 % опрошенных отрицают одну или некоторые неофициальные формы антропонима; полный набор модификатов имени устраивает 73,08 % ответивших; 2,88 % – воздержались.

На территории Белорусского Поозерья выявлено 314 форм личных имен, отрицательно воспринимающихся респондентами. Среди них 223 не повторяются. 67,26 % неприемлемых антропонимов принадлежат женскому имени, 32,74 % – мужскому. Широкий спектр указанных форм позволяет определить закономерности только в моделях именования и установить основные причины негативного их восприятия. Официальную форму имени отрицают 7,01 % респондентов младшего и среднего возраста (15–30 лет), мотивируя данный факт преобладанием неофициальной формы коммуникации. Чаще всего неприятные респондентам неофициальные антропонимы образованы от следующих имен:

Елена (6,69 %), Ирина (5,10 %), Александр(а) (4,46 %), Екатерина (3,82 %), Дарья (3,50 %), Валентина (3,50 %), Анастасия (2,23 %). Подобный состав обусловлен популярностью и широким спектром неофициальных форм данных имен. Формы этимологически родственных (парных) имен Александр и Александра неприемлемы в большей степени для мужчин (*Алекс, Сан Саныч, Санька, Саня, Саша, Сашенька, Сашка, Сашок, Шура, Шурик*). Женщины, носящее данное имя, не довольны модификатами *Санёк, Саня, Саша, Сашка, Сашок, Сашута, Шура*. Выявлено, что модификаты *Саня, Саша, Шура* функционируют параллельно. Ведущей является только одна из форм. Конвергентные (*Энтони* от *Антон*, *Кэт* от *Екатерина*) и гипокористические (*Митя* от *Дмитрий*, *Лена* от *Алёна*) именованья неприемлемы для 9,55 и 10,19 % респондентов соответственно. Молодыми людьми (в основном школьниками старших классов и студентами среднеспециальных заведений) отрицаются белорусские и английские фонетические особенности в модификатах своего имени (*Паўліна* от *Полина*, *Аўгеша* от *Евгений*; *Кэри* от *Карина*, *Тони* от *Антон*). Максимальное количество респондентов не устраивают качественные формы (70,06 %), нарушающие их представление о собственном образе. 80,75 % модификатов, имеющих в структуре суффикс, вносящий коннотативную окраску, принадлежат женскому имени, 19,25 % – мужскому. Среди неприемлемых качественных форм женского имени преобладают двухсложные формы с финалью **-ка** – 55,81 % (*Ирка, Сонька, Танька*), и трехсложные на **-юха** – 6,98 % (*Валюха, Катюха, Танюха*). 26,83 % (большинство) негативно воспринимаемых модификатов мужского антропонимикона состоят из двух слогов и обладают финалью **-ик** (*Владик, Петрик, Эдик*), 14,63 % – **-ка** (*Васька, Витька, Колька*). Территориальное распределение модификатов с финалью **-ка**, воспринимающихся как пейоративы, представлено на карте (рис. 1).

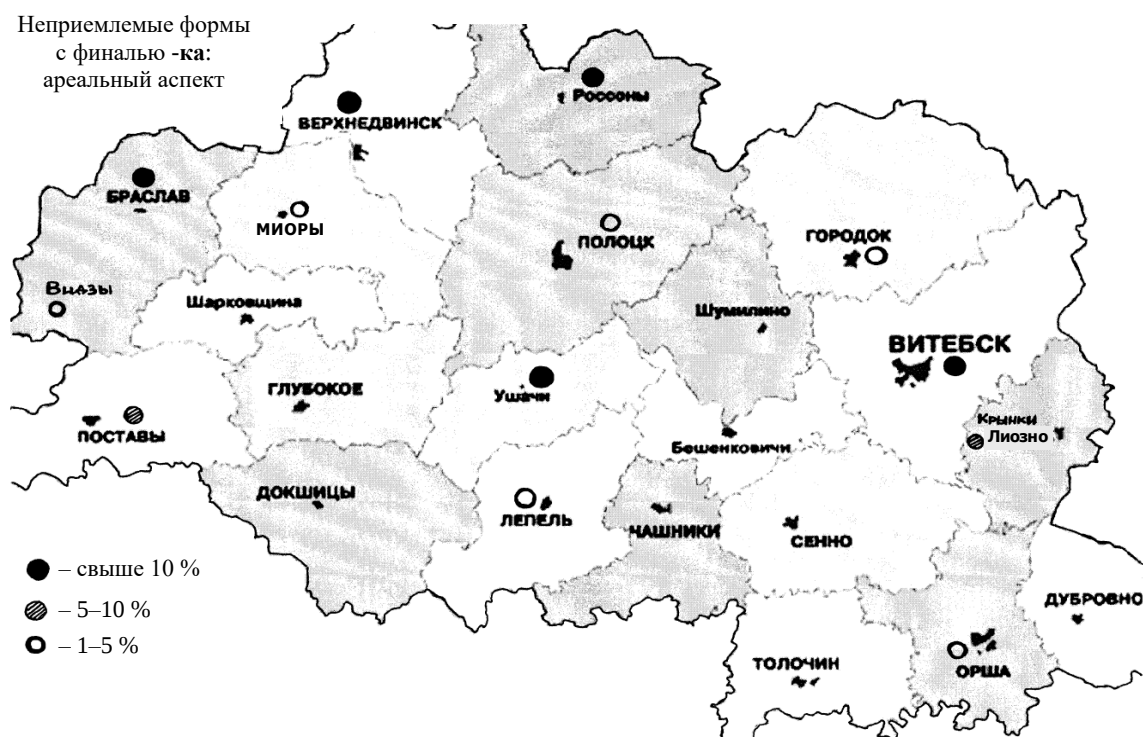

Рис. 1. Неприемлемые формы с финалью **-ка** на территории Белорусского Поозерья

Негативно воспринимаются указанные формы личных имен на севере, северо-западе области (Россоны – 15,69 %, Верхнедвинск – 12,75 %, Браслав – 10,78 %), а также в г. Витебске (11,76 %) и г.п. Ушачи (12,75 %).

В женском имени Белорусского Поозерья преобладает модель с финалью **-ка**, 25,72 % (*Наська, Аринка*). Эти модификаты можно условно разделить на три группы, образованные по моделям:

- 1) основа полного имени + -ка (*Ангелинка, Валентинка*);
- 2) усеченная основа + -ка (*Валька, Галька*);
- 3) усеченная основа + уменьшительно-ласкательный суффикс + -ка (*Дашу'лька, Ири'шка*).

Семантика модификатов на **-ка** универсальна, однако данные формы, как показывает материал, обладают помимо экспрессивно-оценочных коннотаций социальной и возрастной маркированностью. Модификаты первой и третьей групп чаще всего выступают как приемлемые с положительной коннотацией, так как в первом случае на стыке морфем образуется сочетание **-инк-**, соответствующее уменьшительно-ласкательному суффиксу апеллятивов, имеющих значение единичности (*травинка, пылинка*), воспринимающееся именуемыми с семантическим приращением 'единственная/ый', в третьей группе акцент на суффикс, предшествующий финали **-ка**, смещает внимание слушающего на себя, в семантике формы появляется приращение 'маленький' или 'близкий друг, к которому отношусь с трепетом'. Вторая группа в большинстве случаев используется с пейоративной семантикой.

В мужском именнике модификаты на **-ка**, представленные этими же моделями, составляют 16,56 % (*Андрейка, Васька, Антошка*).

С целью определения степени распространенности форм с финалью **-ка** в регионах Белорусского Поозерья была подготовлена вторая карта (рис. 2).

Рис. 2. Функционирование форм с финалью **-ка** на территории Белорусского Поозерья

Из 928 зафиксированных употреблений максимальное количество приходится на север и северо-запад области (Браслав – 10,67 %, Верхнедвинск – 10,45 %, Россоны – 14,55 %), также г. Витебск (13,47 %) и г.п. Ушачи (11,10 %). Активные зоны функционирования **ка**-форм располагаются на территории распространения Полоцкой группы говоров северо-восточного диалекта белорусского языка. Областной центр является местом, куда привносятся свои языковые особенности временные и постоянные переселенцы, что объясняет высокий процент **ка**-форм в неофициальной коммуникации его жителей. Сравнение двух карт позволяет сделать вывод о том, что регионы, где максимальное количество респондентов считают неприемлемыми формы с финалью **-ка**, совпадают с населенными пунктами, в которых они активно употребляются. Доставляют неудобство для мужчин также формы с финалями **-енька**: *Петенька, Коленька; -ушка*: *Владушка, Никитушка; -ш*: *Евгеша, Инокеша* и др.), для женщин спектр формантов гораздо шире: **-юша** (*Валюша, Нюша*); **-уся** (*Маруся, Викуся*); **-еньк/-оньк** (*Дашенька, Лизонька*); **-ечка/-очка** (*Юлечка, Ириночка*); другие (*Танча, Юляка, Иртя*).

Так, суффиксы, относимые большинством лингвистов к уменьшительно-ласкательным, могут стать элементами пейоративных, негативно воспринимающихся форм.

Наибольшую негативную реакцию у мужчин вызывают нагруженные суффиксами формы (*Андрюсик, Мишусик*). Некоторые из респондентов отмечают, что в целом отрицают именование уменьшительно-ласкательными формами. Деминутивы по отношению к мужчинам воспринимаются либо как сюсю-

канье, либо как заигрывание, поэтому от женщин данные формы более приятны. Для женщин неприятны также модификаты с финалями **-юха/-ха** (*Танюха, Валуха, Даха, Натаха*).

Небольшая группа неприемлемых именований (3,19 %), представлена формами с рифмовками (*Никитос-нигретос, Юлька-шупулька*), церковными антропонимными соответствиями (*Апполинария* от *Полина, Сергей* от *Сергей*) и прозвищами с негативной коннотацией (*пельмень, пухлик*).

Неприятие имени или его форм может стать причиной реноминации. «Вераования древних, что судьба человека, города и даже государства предначертана его именем; что, изменив имя, можно внести переворот в судьбу, живы и сегодня» [4, с. 62]. 12,5 % опрошенных когда-либо хотели или хотят изменить имя. Причины реноминации пояснили 112 человек. 93,75 % из жителей Белорусского Поозерья, когда-либо собиравшихся изменить имя, хотели это сделать в детстве, но не решились. Средний возраст, указанный представителями этой группы населения, невелик и составляет 13,05. Минимальное значение здесь – 3 года, когда человек только начинает себя соотносить со своим именем, максимальное – 48 лет.

Доминирующие причины неприятия имени:

- особенности эстетического вкуса респондентов 26,79 % (реплики: *не нравится, нравилось другое, у подруг были красивее* и др.);
- отрицание некоторых или всех неофициальных антропонимов 18,75 % (реплики: *не устраивала форма Сергей, нет особо красивых форм*);
- неудовлетворенность частотностью своего имени 11,61 % (реплики: *слишком редкое/частое*);
- неудобство в произношении 2,68 % (*трудно давалось выговаривать «г» по-белорусски, слишком громкое*).

Большинство опрошенных отмечают, что к реноминации их склоняло использование окружающими формами-рифмовками и дразнилками (*Юлька-шупулька, Лиза-подлиза, Лена-полено, что ни рожка, то Серёжа*), а также выбором окружающих неприемлемой гипокористической формы, одной из тех, которые, как было отмечено, функционируют параллельно (*Шура, Митя*). Неудачный выбор модификата снижает уровень межличностных отношений, может стать причиной их разрыва.

Верно, с нашей точки зрения, полагает Т.В. Шенкнехт: «важным внутренним условием когерентности текста является наличие обратной связи между коммуникантами. При этом для общения крайне важно корректирование с ориентацией на реципиента» [5, с. 25]. Зачастую нейтральные гипокористические формы, избранные окружающими, не вызывают резких реакций. Деминутив же от малознамого человека воспринимается респондентами абсолютно противоположно. Как считает М.Д. Путрова, «деминутивные имена, как и деминутивы в общем, отражают значительные особенности того мира, который построил себе коммуникант» [6, с. 190].

Нами было зафиксировано 736 реплик-оценок именования уменьшительно-ласкательной формой имени в условиях не близкого знакомства. Данные оценки были распределены нами на три группы:

- положительное (43,75 %);
- нейтральное (8,70 %);
- негативное (47,55 %) восприятие.

Внутри групп выделены подгруппы с точки зрения объекта и предмета оценки. Соотношение оценок в подгруппах проиллюстрировано данными, представленными в таблице.

Положительно в первую очередь воспринимается опрошенными уровень отношений; негативно большинство характеризует личность именуемого. Во внимание респондентов попадает прагматика именования. Выгоду от контакта максимальное количество респондентов подозревают в Городокском и Лиозненском районах. Разницу полов при именованиях деминутивными формами в ситуации не близкого знакомства принимают во внимание мужчины (7 реплик). Доминирование негативных оценок свидетельствует о неуместности уменьшительно-ласкательных форм в ситуации знакомства или по отношению к малознакому человеку. Положительные оценки подобного обращения преобладают среди респондентов моложе 25 лет в Верхнедвинском, Миорском, Браславском, Оршанском районах.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

- перлокутивный эффект неофициального антропонима способен влиять на степень успешности речевого акта или отношения в целом;
- степень удовлетворенности респондентов неофициальными формами личных имен высока. Основными причинами недовольства являются эстетический вкус респондентов и семантические особенности модификатов;
- большинство неприемлемых форм личных имен составляют деминутивы: в женском именнике с формантами **-ка, -ха**, в мужском – **-ка, -ик**;
- допустимость деминутивов в условиях общения на дистанции относительна. Быстрый переход именуемого на более интимный уровень номинации может стать поводом к негативной характеристике его личности. Наиболее привлекательны деминутивы в установлении контакта для лиц, возраст которых

не превышает 25 лет, так как основная сфера их коммуникации представлена узким кругом близких и друзей, и такого рода номинация является для них привычной.

Восприятие деминутива от малознакомого коммуниканта

Объект оценки	Предмет оценки / реплики	Количество, процент
Положительное восприятие		
<i>Отношения, контакт</i>	1. Направленность личности именуемого, стратегия общения: готов высказать свою точку зрения; стремится установить дружеские, доверительные отношения; желает общаться; заигрывает; флиртует; оказывает знак внимания, комплимент; желает обратить на себя внимание, наладить контакт, тесное общение; проявляет внимание, интерес; стремится сблизиться, сказать что-то приятное; хорошо относится; уважает; хочет завоевать доверие; хочет показать себя с лучшей стороны, понравиться (общее количество: 109). 2. Возникшее чувство: близость; интерес; расположение; любовь; любопытство по отношению ко мне; симпатия (53)	162 (50,31 %)
<i>Качества собеседника</i>	1. Общая оценка: хороший человек; хорошее настроение именуемого; хорошее расположение (23). 2. Положительные черты характера: добродушие; доброжелательность; доброта; добрые намерения; ласковый; отзывчивый; приветливый; с добрым характером (40). 2. Высокий уровень культуры: адекватность; вежливость, хорошие манеры (25). 3. Коммуникативная активность: не безразличен; общителен (11). 4. Гендер: девушка – положительно, вежливость (если женщина) (5)	104 (32,30 %)
<i>Самооценка</i>	Личность именуемого: нравлюсь человеку, приятен, привлекателен (31)	31 (9,63 %)
<i>Акт именованья</i>	Общая оценка: неплохо; нравится; неприятно, но приятно; нравится это имя; очень хорошо; приятное знакомство; хорошее взаимодействие; хорошо (25)	25 (7,76 %)
Нейтральное восприятие		
<i>Обстоятельства контакта</i>	Так воспитан; такой характер; лояльно отношусь; не обращаю внимания; ни о чем не говорит; это норма; ошибся или обознался; привык так общаться; человек старше; я позволил ему так общаться (64)	64 (100,00 %)
Негативное восприятие		
<i>Отношения, контакт</i>	1. Направленность личности именуемого, стратегия общения: а) <u>выгода контакта:</u> использует, хочет добиться желаемого, подлизывается, что-то нужно, просьба, нужна помощь (96); б) <u>намерения именуемого:</u> желает возвыситься, унизить, заискивает, льстит, лукавит, насмехается, относится пренебрежительно, презирует, хитрит, хамит (51); в) <u>позиция именуемого:</u> меня боится, не знает меня как человека, (3). 2. Возникшее чувство: бесит (1)	151 (43,14 %)
<i>Качества собеседника</i>	1. Характеристика интеллектуальных и социокультурных качеств: безумство; бесцеремонность; легкомыслие; лицемерие; лживость; корыстолюбие; малодушие; наглость; нахальство; неадекватность; невежество; недобросовестность; неискренность; некультурность; необразованность; непорядочность; несерьезность; неумный; низкий уровень воспитанности; подхалимство; слабоумие (149). 2. Общая оценка личности: он не в порядке; странный; не очень хороший человек (4). 3. Гендер: парень – отрицательно; плохие намерения, если мужчина (2)	155 (44,29 %)
<i>Акт именованья</i>	Общая оценка: очень плохо; плохо; подозрительно; не норма; негативно; не нравится; настораживает; неприятно; сомнительно; фамильярность; нетактично; неуважение (39)	39 (11,14 %)

Последствия контакта	Реакция: держусь подальше, не доверяю (5)	5 (1,43 %)
-------------------------	---	---------------

Заключение. Результаты проведенного исследования позволяют отметить значительное количество желающих изменить имя в детстве, так как именно в этот период происходит становление связи «имя – личность». Эта связь может быть нарушена в более позднее время из-за влияния моды на имена или их формы. Решающим основанием выбора неофициального антропонима является коммуникативный опыт говорящего, формирующийся под влиянием распространенности имени и его формы и других факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая; пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 412 с.
2. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М., 1973. – 366 с.
3. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
4. Волчек, О.Д. Звуки, слова, имена / О.Д. Волчек. – СПб.: Книжный дом: СПбИГО, 2011. – 293 с.
5. Шенкнехт, Т.В. Прагматический потенциал антропонимических номинаций / Т.В. Шенкнехт. – Барнаул: Азбука, 2007. – 114 с.
6. Путрова, М.Д. Гендерныя асаблівасці ўжывання імя ўласнага / М.Д. Путрова // Вестн. МГЛУ. Сер. 1. Филология. – 2007. – №4(29). – С. 187–196.

Поступила 11.10.2013

SPECIFIC PERCEPTIONS OF INFORMAL FORMS OF PERSONAL NAMES BY THE INHABITANTS OF THE BELARUSIAN LAKE DISTRICT

I. LISOVA

The publication is devoted to the determining the cause of rejection of informal forms of personal names by the inhabitants of the Belarusian Lakeland settlements. Anthroponyms are identified, from which most unacceptable modifiers, the basic structural and semantic types and pejorative models in their quantitative ratio are often produced, as well as socio-linguistic and pragmatic basis for their use is specified. The cartographic description of the functioning of derivatives of personal names with the finale “ka” is given. Noting the relevant regions of the active functioning of the most negatively perceived “ka”-forms and areas of fixation of dialect groups of dialects in the study area. The main reasons for seeking to change the name of the inhabitants of the region and the role of perceived negatively modifiers of anthroponyms are defined, as well as the ratio of positive, neutral, and negative reactions of the addressing with diminutiva in conditions of distant acquaintance, regarding the object and subject of evaluation.

УДК 821.161.3–9

СПЕЦЫЯЛІЗАВАНЫЯ ВЕРБАЛЬНЫЯ СРОДКІ КАМІЧНАГА
Ў ДРАМЕ “КАНЕЦ ДРУЖБЫ” КАНДРАТА КРАПІВЫд-р філал. навук, праф. В.І. РАГАЎЦОЎ
(Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова)

Разглядаюцца спецыялізаваныя вербальныя сродкі, для якіх функцыя стварэння камічнага эфекту з’яўляецца асноўнай (каламбуры і іранізмы). З улікам моўных сродкаў утварэння (лексічныя, фразеалагічныя) вылучаюцца два тыпы каламбураў – лексічныя і фразеалагічныя. Асновай лексічных каламбураў могуць быць словы-полісеманты, паранамазы, амонімы і антонімы, што дае падставы адпаведна вылучыць полісемантычныя, паранамазійныя, аманімічныя і антанімічныя каламбуры. Ужываюцца дзве разнавіднасці фразеалагічных каламбураў – з семантычнымі і структурна-семантычнымі змяненнямі. Іранічнае значэнне моўных адзінак выяўляецца з дапамогай вербальнага і (радзей) сітуацыйнага кантэксту. Камплекснае ўжыванне вербальных сродкаў садзейнічае стварэнню насычанай камічнай экспрэсіі.

Уводзіны. Псіхалагічная драма “Канец дружбы” напісана ў 1933 годзе, апублікавана ў 1934 годзе (часопіс “Полымя рэвалюцыі”, № 1), упершыню была пастаўлена ў тым самым годзе Першым беларускім дзяржаўным тэатрам (БДТ-1). П’еса была паказана на Дэкадзе беларускага мастацтва ў Маскве (1940), ставілася ў многіх рэспубліканскіх тэатрах, а таксама ў розных гарадах Расіі і Украіны. У аснове драмы – праблема дружбы паміж савецкімі людзьмі. Паказваючы ўзаемаадносіны паміж Лютынскім і Карнейчыкам на розных этапах іх жыцця, драматург прыходзіць да высновы, што сапраўдная дружба магчымая толькі пры адзінстве светапоглядаў. Што ж да сцэнічных вартасцей п’есы “Канец дружбы”, то гэта першая спроба К. Крапівы ў драматургічным жанры, якая сведчыла, што “ён выявіў уменне цікава будаваць сюжэт, ствараць вострыя канфлікты і сітуацыі, надаваць дзеянню напружаны драматызм, ставіць герояў у адпаведныя жыццёвыя сувязі, раскрываць характары персанажаў праз дыялог, трапнае слова” [1, с. 397].

Асноўная частка. Для стварэння камічных сцэн у п’есе “Канец дружбы” выкарыстоўваюцца спецыялізаваныя вербальныя сродкі.

Каламбуры. З улікам моўных сродкаў утварэння (лексічныя, фразеалагічныя) можна вылучыць два тыпы каламбураў – лексічныя і фразеалагічныя.

І. Лексічныя каламбуры. Яны ўтвараюцца на аснове лексічных сродкаў (полісемантаў, паранамазы, амонімаў і антонімаў) і ў адпаведнасці з гэтым падзяляюцца на чатыры разнавіднасці.

Полісемантычныя каламбуры. Камізм грунтуецца на тым, што персанажы ўжываюць той самы полісемант з розным значэннем: [Карнейчык:] *Нарыхтоўкі ж ты скончыў?* [Лютынскі:] *Мяне скончылі.* [Карнейчык:] *Няўжо адклікалі?* У полісеманце *скончыць*, ужытым у розных граматычных формах (*скончыў*, *скончылі*), абыгрываюцца адпаведна моўнае лексічнае значэнне ‘давеў выкананне чаго-н. да канца; завяршыў’ (першая рэпліка Карнейчыка) і маўленчае ‘звольнілі з пасады’ (адказ Лютынскага), якое актуалізуецца пытаннем *Няўжо адклікалі?*

Розны сэнс укладваецца персанажамі ў дзеяслоў *падарыць*: [Карнейчык (не аглядаючыся):] *Падарыце няшчаснаму калеку.* (Над галавой у Карнейчыка адчыняецца акно і высоўваецца “барада”). [“Барада”:] *Вось я цябе падару... качаргою па спіне.* У рэпліцы Карнейчыка дзеяслоў *падарыць* ўжываецца са значэннем ‘дайце міласціну’, а “Барада” ў вылучаны дзеяслоў укладвае супрацьлеглы, іранічны сэнс ‘нанясу ўдар’ (качаргою па спіне).

Паранамазійныя каламбуры. У драме ўжываюцца два тыпы паранамазійных каламбураў: на аснове ўнутрымоўнай і міжмоўнай паранамазіі.

1. Паранамазійныя каламбуры на аснове ўнутрымоўнай паранамазіі грунтуюцца на абыгрыванні паранамазы адной (беларускай) мовы. У драме ўжываецца каламбур, у якім збліжаюцца паранамазы (назоўнік і дзеяслоў), адзін з якіх рэалізуе іранічную канатацыю: [Лютынскі:] *Ты слухай! (Чытае.) “Дзякуй табе, сыноч мой, што ты дапамог мне, што ты абараніў мяне, бо ты ж камуніст: сілу маеш, з вялікім начальствам знаешся. Чакаў я падпіркі на старасць, вось і падперлі мяне... Так падперлі, што мне з старою прыходзіцца ў чужым кутку смерці чакаць, глядзячы, як чорт лысы дабро наша спажывае...”* Камізм каламбура заснаваны на збліжэнні аднакаранёвых паранамазы, якія рэалізуюць аказіянальна супрацьлеглыя значэнні: назоўнік *падпірка* – ‘падмога, падтрымка’, дзеяслоў *падперлі* – іранічнае, блізкае да *заперлі* ‘пасялілі, дзе няма для жыцця ніякіх спрыяльных умоў’ (актуалізатарам значэння з’яўляецца фрагмент рэплікі *Так падперлі, што мне з старою прыходзіцца ў чужым кутку смерці чакаць...*).

Сустракаецца прыклад з фармальна-сэнсавым збліжэннем паранамазы: [Юрка (у ложку):] *Мама, калі бацька вернецца?* [Наталля:] *Як хлебнарыхтоўкі выканае.* [Юрка:] *А чаму ён так доўга канае?* [Наталля:] *“Выконвае” трэба казаць... Некаторыя дзядзькі не хочуць здаваць хлеба. Паміж сугучнымі дзеяслоўнымі формамі выканае і канае назіраецца сэнсавая асацыяцыя. У разуменні дзіцяці выканае – ‘доўга і марудна будзе рабіць нейкую справу’ (параўн.: канае – перан. ‘канчаецца, набліжаецца да канца’)* [2, с. 58].

2. Паранамазійныя каламбуры на аснове міжмоўнай паранамазіі будуюцца на абыгрыванні разнамоўных паранамазаў. У п'есе ўжываецца каламбур, у якім абыгрываецца слова з нямецкай мовы (у беларускамоўным графічным афармленні) і беларускай: [Карнейчык: (робіць сярдзітую міну і крычыць, нібы лаецца):] *Ду майн лібэс мэдхен! Ду майнэ шэцунг! Іх віль кюсэн дых!* [Насця (смяецца):] *Кусацца будзеш? Уй, як страшна! Дзеяслоў кюсэн* (ням. *küssen* – ‘цалаваць’) Насця свядома абыгрывае (пра што сведчыць рэмарка *смяецца*) з паранамазам бел. *кусацца* (‘мець прывычку кусаць’).

Аманімічныя каламбуры. Сустракаецца каламбур, заснаваны на абыгрыванні лексікаграматычных амонімаў: [Карнейчык:] *Не хочаш вітаць – чорт з табой! Раскажы, як у цябе там на вёсцы справа?* [Лютынскі:] *Як справа, так і злева – кругом дрэнь.* Спалучэнне слоў *як справа, так і злева* – іранічны адказ на пытанне *Як справа?* Такі адказ, які набывае ўстойлівы характар, выкарыстоўваюць, каб паказаць надарэчнасць ужывання персанажам (Карнейчыкам) нетыповага для беларускай мовы выразу *Як справа?*, скалькаванага з рускамоўнага *Как дела?* У беларусаў здаён у такім выпадку адказваюць *Як жы-вяце?*, *Што новага?* і да т. п. У прыведзеным прыкладзе абыгрываюцца назоўнік *справа* (‘работа, становаішча’), ужыты ў пачатковай форме, і прыслоўе *справа* (‘з правага боку’). Актualізатарам каламбурнай семантыкі другога кампанента аманімічнай бінары з’яўляецца антонім *злева* (прысл. ‘з левага боку’).

Антанімічныя каламбуры. У п'есе сустракаецца каламбур, у якім адзін з полісемантычных антонімаў ужываецца адначасова з двума значэннямі: [Наталля:] *А мы толькі што цябе ўспаміналі.* (Падыходзіць і цалуе Лютынскага ў шчаку, якую той нехаця падстаўляе. Глянуўшы ў твар.) *Нешта ж ты... кіслы надта.* [Лютынскі:] *А ты салодкага хацела?* [Наталля:] *Я хацела весялейшым цябе сустрэць.* У аснове камізму – неадназначнае ўспрыманне персанажамі прыметніка *кіслы*: з пераносным значэннем (‘які выражае незадаволенасць; маркотны, паньлы’ – у рэпліцы Наталлі) і з прамым (‘які мае своеасаблівы востры смак (лімона, журавін)’ – у рэпліцы Лютынскага, пра што сведчыць ужыты ім прыметнік-антонім *салодкі* з прамым значэннем (‘які мае прыемны смак, уласцівы цукру, мёду і пад.')). Каб пазбегнуць “непаразумення”, якое ўзнікла паміж персанажамі і стала асновай камізму, Наталля прыметнік *салодкі* ўдакладняе сінонімам з прамым значэннем – формай *весялейшым*, г. зн. ‘больш жыццярадасным’.

II. Фразеалагічныя каламбуры. Яны ўтвараюцца ў выніку семантычных і структурна-семантычных змяненняў фразеалагізмаў.

Семантычныя змяненні фразеалагізмаў – змены, пры якіх форма (кампанентны склад) фразеалагізма застаецца нязменнай, а закранаецца толькі яго сэнс. Такія змены адбываюцца ў выніку абыгрывання кампанентаў фразеалагізма або фразеалагізма ў цэлым.

Абыгрыванне кампанента фразеалагізма. Гэты прыём мае дзве разнавіднасці.

1. **Выкарыстанне слова з прамым значэннем, агульнага з кампанентам фразеалагізма.** Непаразуменне ў Лютынскага выклікае фразеалагізм з польскай мовы *од можна до можна* (польск. *od torza do torza*)¹, сугучны кампанентам *можна* з беларускім словам зусім іншай семантыкі (‘можна быць, магчыма’): [Камендант:] *А жэ Польшка ест, пан хыба жэ ве?* [Лютынскі:] *Ведаю, пане.* [Камендант:] *А для чэго ж пан ту не адзначыў?* (Паказвае на карту) [Лютынскі:] *Не ведаю, дзе мяжа будзе.* [Камендант:] *Встыд, пане! Пшэце ж пан ве, жэ мы заенлі тэрытор’е до Ориш. Але то ешчэ не вишэтко. Пан слышал, жэ Польшка бэндзе од можна до можна?* [Лютынскі:] *Дык то можна, але ж яшчэ невядома.* [Камендант (абураны):] *Як то невядомо? Цо пан плеце? Од Балтыцкего можна до Чарнэго.* [Лютынскі:] *Ах, ад мора да мора? Я ж пану казаў, што слаба па-польску разумею.* Як адзначае І.Я. Лепешаў, “каламбур гучыць у кантэксте натуральна і пераканаўча”, з іранічным падтэкстам у дачыненні да тых, хто “марыў пра стварэнне «Польскі Велькей» як за кошт Беларусі, так і Украіны” [4, с. 89].

2. **Супрацьпастаўленне фразеалагізма і антанімічнага з яго кампанентам слова:** [Лютынскі:] *Чапуху гародзіш, мілая! Летаішні снег успамінаеш, а яго і сёлетняга хапае.* У прыведзеным прыкладзе каламбурна абыгрываецца фразеалагізм *летаішні снег* (разм. іран. ‘тое, што беззваротна мінула і нічога не варта’): кампанент *летаішні* супастаўляецца з антонімам *сёлетні* (‘гэтага года’), у выніку чаго ў фразеалагізме актулізуецца прамое значэнне.

Абыгрыванне фразеалагізма. Гэты прыём мае шэраг разнавіднасцей.

1. **Стварэнне семантычнага паралелізму.** Камічны эффект можа ўзнікаць у выніку рознага ўжывання і разумення таго ж самага выразу: адным персанажам – як фразеалагізма, другім – як свабоднага словазлучэння: [Нодэльман:] *Ты ж, вывучаючы тэхніку, ведаеш, што праз недакладнасць бываюць аварыі. А ў гэтым пытанні дакладнасць для мяне асабліва важная, таму адкажы мне яшчэ на адно пытанне: а што, калі гэта супольная справа перастае быць супольнай? Што мне тады з дружбай рабіць?* [Карнейчык:] **Выкінь яе свінням.** [Нодэльман:] *Правільна, – выкінуць свінням, толькі есці не будуць.* У рэпліцы Карнейчыка вылучаны выраз, ужыты з тым самым значэннем, што і фразеалагізм *выкінуць на сметнік* – разм.

¹ У “Слоўніку фразеалагізмаў” І.Я. Лепешава [3] гэты выраз не фіксуецца як фразеалагізм. У манаграфіі [4, с. 89] у падраздзеле, дзе вядзецца гаворка пра пераасэнсаванне фразеалагізма, заснаванае на непаразуменні паміж суразмоўнікамі, выраз *ад можна да можна* кваліфікуецца як устойлівае выслоўе, добра вядомае тагачасным беларусам. У некаторых фразеалагічных слоўніках [5, с. 341] падаецца фразеалагізм *ад можна і да можна* са значэннем ‘пра тэрыторыю, якая прасціраецца на далёкую адлегласць, займае вялікую плошчу’.

неадабр. ‘прызнаць непатрэбным што-н.’ Камічны эффект грунтуецца на тым, што Нодэльман гэты выраз знарок успрыняў у прамым сэнсе (пра гэта сведчыць фрагмент яго рэплікі *толькі есці не будуць*).

2. Ужыванне *фразеалагізма з іншым (аказіянальным) прыфразеалагічным словам*: [Нодэльман (падыходзіць да стала):] *А ты што?.. Тэхнікай авалодваеш?* [Карнейчык:] *Бяру ва ўсе лапаткі. Хачу галоўнага інжынера дагнаць і перагнаць.* [Нодэльман:] *Ого! Блізка відаць, ды далёка дыбаць.* [Карнейчык:] *А мы з Насцяй удаіх. Праўда, Насця?* <...> [Нодэльман:] *Што ж, ногі ў вас маладыя. Чаму і не перагнаць?* [Насця:] *Вы нас абражаеце, таварыш Нодэльман. Мы не нагамі думаем пераганяць.* [Нодэльман:] *Ха-ха! Пакрыўдзілася? Нічога, хутчэй даганяць будзеш.* Тыповай для фразеалагізма *ва ўсе лапаткі* (‘вельмі хутка’) з’яўляецца спалучальнасць з суправаджальнікам *бегчы, імчацца* і пад. Такая сувязь тлумачыцца тым, што гэтае выслоўе “конскага паходжання” і спачатку абазначала ‘на пярэднія ногі, скокам’ [6, с. 70]. У дадзеным выпадку, паводле высноў І.Я. Лепешава [4, с. 97], абнаўляюцца сувязі фразеалагізма (ён спалучаецца з дзеясловам *браць*), у выніку чаго фразеалагізм пераасэнсоўваецца, набывае значэнне ‘з максімальным напружаннем’. Разам з тым у фразеалагізме не губляецца першапачатковая вобразная аснова, якая выразна адчуваецца суразмоўнікамі: адзін з іх (Карнейчык) побач з фразеалагізмам *ва ўсе лапаткі* ўжывае дзеясловы *дагнаць і перагнаць* у пераносным значэнні (‘параўняцца ў поспехах з тым, хто апярэджаў’, ‘дасягнуць большых поспехаў у параўнанні з кім-н.’). У далейшым кантэксце гэтыя дзеясловы ўжываюцца іншым суразмоўнікам (Нодэльманам) то ў прамым значэнні (*...ногі ў вас маладыя. Чаму і не перагнаць?*), то ў пераносным (*Нічога, хутчэй даганяць будзеш*), што стварае насычаны камізм [4, с. 97].

Структурна-семантычныя змяненні фразеалагізмаў – змены кампанентнага складу фразеалагізмаў, якія прыводзяць да змянення (або відазмянення) іх значэння. Для стварэння камічнага эфекту выкарыстоўваецца такі прыём, як фразеалагічная алюзія – ужыванне дэфармаванага фразеалагізма (некалькіх яго кампанентаў, часта граматычна змененых), які з прычыны шырокай вядомасці яго кампанентнага складу і будовы не страчвае сувязі з прататыпам – традыцыйным агульнавядомым выразам: [Карнейчык:] *Гэтым не адбудзеш. Давай лепш сюды твайго чарвячка. Мы яго разам і заморым.* [Лютынскі:] *Палітграматай?* Паводле наяўных кампанентаў (яны вылучаны шырыфам) без асаблівых цяжкасцей угадваецца прастамоўны фразеалагізм *замарыць чарвячка* (‘злёгка перакусіць, спехам прагнаць голад’). Камізм узнікае ў выніку канкрэтызацыі дзеяслоўнага кампанента дэфармаванага фразеалагізма дапаўненнем *палітграматай*, што садзейнічае актуалізацыі канкрэтнага прадметнага значэння кампанента *чарвячок*.

Іранізмы. Іранічнае значэнне выяўляецца з дапамогай актуалізатараў – лексічных адзінак з кантраснай семантыкай і зніжанай экспрэсіяй, напрыклад:

1) [Лютынскі (з саркастычнай усмешкай):] (Чытае.) *“...Жыву я, сыноч, цяпер у такім палацы, у якім ніколі не жыў ні дзед твой, ні прадзед і ніхто з радні нашай. Прасі, сыноч, Бога (хоць ты і адрокся ад яго), каб і табе ў такім палацы не давялося жыць. А палац гэты добра табе вядомы – варывенька Цімохава, што за нашым хлявом стаіць”.* Параўн.: *палац* – ‘вялікі, раскошны, багаты будынак’ і *варывенька* – дэмініўтыў ад абл. *варыўня* ‘невялікі будынак для захавання бульбы, агародніны’. Апрача іроніі, тут ужыта і едкая насмешка – сарказм (паказчыкам з’яўляецца спецыялізаваная рэмарка з *саркастычнай усмешкай*). Менавіта з такой усмешкай Лютынскі чытаў Наталлі ліст ад свайго бацькі, які выказвае скаргу свайму сыну, у якіх умовах ён жыве.

2) [Мандрыкін:] *Што вы за стары, Антон Мітрафанавіч! У самай сіле, можна сказаць.* (Паказвае на паперку.) *Гэта Мар’я Антонаўна сама правярыла.* Пабочная адзінка *можна сказаць* нясе дадатковую, суб’ектыўна-ацэнную інфармацыю (выражае няўпэўненасць персанажа ў праўдзівасці свайго ацэнкі). Апрача пабочнай адзінкі, у ролі актуалізатара іранічнай канатацыі выступае таксама выраз *сама правярыла*.

3) [Карнейчык (збянтэжаны):] *Я, я! Бітэ, бітэ майнэ фрау!* (Садзіцца на ранейшае месца. Насця папраўляе валасы.) [Нодэльман (з парога):] *Ого, якія тут немцы завяліся!* [Насця:] *А што з яго будзе, як за граніцу з’ездзіць?* [Нодэльман:] *Бяда толькі, што гэты немец яшчэ гера ад фрау не адрозніць.* Пра ўжыванне вылучаных формаў назоўніка *немец* як іранізмаў сведчаць вербальныя актуалізатары: прэпазіцыйны *Ого, якія тут... завяліся*, прэ- і постпазіцыйны (другая рэпліка Нодэльмана).

4) [Карнейчык:] (Да аўдыторыі.) *Лютынскі, таварышы, здрадзіў не толькі мне, ён здрадзіў усім вам, ён здрадзіў усяму рабочаму класу і яго партыі.* (Да Лютынскага.) *Раскусіў я цябе, друг!* Іранічная канатацыя вылучанага назоўніка актуалізуецца прэпазіцыйным фрагментам рэплікі – *Лютынскі, таварышы, здрадзіў не толькі мне, ён здрадзіў усім вам, ён здрадзіў усяму рабочаму класу і яго партыі і раскусіў я цябе...*

5) [Карнейчык:] *Выбачай за шчырасць, але мне здаецца, што ў табе самім, недзе ў цёмным кутку твайго нутра, сядзіць яшчэ кусок мужыка. Самага такога закаранелага ўласніка. Пакуль другіх калашмацілі, ён маўчаў ды насміхаўся, а калі да яго самога прыйшлося, тут ён і запеў Лазара. Адгэтуль і жаль да людзей, і трывога за лёс чалавецтва. Можна, адгэтуль і прывал на нарыхтоўках.* [Лютынскі:] *Удружыў! Дзякуй табе за камплімент!* Вылучаная рэпліка сведчыць, што сказанае Карнейчыкам пакрыўджаны Лютынскі ўспрыняў як горкую іронію, злую, выкрывальную насмешку.

6) [Лютынскі:] *А ты ведаеш, што робяць з тым, хто ашуквае дзяржаву?* [Сапляр:] *Даруйце гэты раз цёмнаму мужыку! Баяўся з голаду памерці.* (Паказвае на мяшкі.) *Гэта ж усё, што я маю. Пудзікаў дваццаць усяго.* [Лютынскі:] *Ададзі цяпер дваццаць, калі не хацеў пятнаццаць. Старишнія, забяры ў яго гэты хлеб.* [Алесь:] *Ха-ха-ха! Вось дык накаралі вы яго!* Алесь іранізуе з слоў Лютынскага (вылучаны

шрыфтам), паколькі добра ведае, што *пудзікаў дваццаць* – гэта для Сапляка не пакаранне, бо далёка не столькі пудзікаў ён паспеў прыхаваць. Апрача таго, паказчыкам іранічнага ўспрымання гэтых слоў выступае прэпазіцыйны трыптыкаваны выклічнік *ха-ха-ха!*

7) [Доктар:] *Мусіць, цётка вельмі паноў любіць, што і нас панамі называе?* [Ульяна:] *Каб яны так хлеб любілі.* Сведчаннем іранічнага (саркастычнага) успрымання Ульянай вылучанага фрагмента рэплікі Доктара з’яўляецца ўжыты ёю праклён *Каб яны так хлеб любілі.*

8) [Лютынскі:] *Ну і ўдрузжыў ты мне...* *Самы паршывы раён.* Вылучаны дзеяслоў ужываецца з іранічным значэннем ‘зробіў непрыемнасць’ (актуалізатарам іранічнага з’яўляецца постпазіцыйны фрагмент рэплікі – *Самы паршывы раён*).

9) [Лютынскі:] *А ты ведаеш, што гэта значыць – прызнацца [што бацька – кулак]? Гэта значыць – плюнуць бацьку ў яго сіваю бараду, узяць старога за горла вось гэтымі сваімі рукамі. Гэта будзе падзяка бацьку за тое, што ён мяне маленькага на руках насіў, начэй недасыпаў над маёю калыскаю, што ён пяўся з усіх жыў, вучыў мяне, каб я не застаўся такім цёмным, як ён сам.* Актуалізатарам іранічнага ўжывання вылучанага назоўніка з’яўляецца прэпазіцыйны вербальны кантэкст (у прыватнасці, *плюнуць бацьку ў яго сіваю бараду, узяць старога за горла вось гэтымі сваімі рукамі*).

10) [Лютынскі (ляпае яго па плячы):] *Дасканала! Рыпіш, як кола нямазанае.* (Смяецца.) Такую “хвалебную” ацэнку Лютынскі даў Карнейчыку, калі пачуў, як ён спявае “Святую Барбару”. Іранічнае ўжыванне вылучанага дзеяслова “падказваецца” параўнальнай даданай часткай *рыпіш, як кола нямазанае*, у якім дзеяслоў рэалізуе аказіянальнае значэнне ‘дрэнна’ (спяваеш).

11) [Стары рабочы (праходзячы, ляпае Касабуцкага па плячы):] *Што, дасягненні свае выставіў?* Іранічную канатацыю набывае вылучаны назоўнік, ужыты Старым рабочым, калі той убачыў бракароба Касабуцкага каля выстаўкі браку на двары машынабудаўнічага завода.

Вывады. Для стварэння камічнага эфекту ў драме “Канец дружбы” па-майстэрску ўжываюцца спецыялізаваныя сродкі двух тыпаў: каламбуры і іранізмы. У залежнасці ад таго, якія адзінкі служаць асновай для ўтварэння каламбураў, у п’есе ўжываюцца дзве іх разнавіднасці – лексічныя і фразеалагічныя. Сярод лексічных у сваю чаргу вылучаюцца такія іх разнавіднасці, як полісемантычныя, паранамазійныя, аманімічныя і антананімічныя. Фразеалагічныя каламбуры ўтвараюцца ў выніку семантычных і структурна-семантычных змяненняў. Актуалізатарам іранічнага ўжывання моўных адзінак выступае вербальны і (радзей) сітуацыйны кантэкст. Стварэнню насычанай камічнай экспрэсіі садзейнічае комплекснае ўжыванне вербальных сродкаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Семяновіч, А.А. Кандрат Крапіва / А.А. Семяновіч // Гісторыя беларускай літаратуры: XX ст. (20–50-я гады): падручнік / У.В. Гніламёдаў [і інш.]; пад агул. рэд. М.А. Лазарука, А.А. Семяновіча. – 2-е выд., дапрац. і дап. – Мінск: Выш. шк., 2000. – С. 381–411.
2. Шубадзёрава, А. Каламбуры ў п’есах Кандрата Крапівы і спосабы іх утварэння / А. Шубадзёрава // Роднае слова. – 1996. – № 3. – С. 53–60.
3. Лепешаў, І.Я. Слоўнік фразеалагізмаў [беларускай мовы]: у 2-х т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 2008. – Т. 1. – 672 с.; Т. 2. – 704 с.
4. Лепешаў, І.Я. Фразеалогія ў творах К. Крапівы: стылістычнае выкарыстанне фразеалагізмаў / І.Я. Лепешаў; [рэд. Ф.М. Янкоўскі]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – 152 с.
5. Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа / уклад. А.С. Аксамітаў [і інш.]; пад рэд. А.С. Аксамітава. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 655 с.
6. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов / Н.М. Шанский. – 3-е изд. – М.: Высш. шк., 1985. – 160 с.

Паступіў 10.04.2013

SPECIALIZED VERBAL COMIC MEANS IN “THE END OF FRIENDSHIP”, A DRAMA BY KANDRAT KRAPIVA

V. ROGOVTSOV

The article deals with the specialized verbal means, which have the principal function of creating comic effect (pun, irony). Depending on linguistic means of formation (lexical, phraseological) there are two types of pun – lexical and phraseological ones. Polysemantic words, paronymous words, homonyms, and antonyms provide a basis for lexical puns, which allows to define polysemantic, paronymous, homonymous and antonymous puns accordingly. The two types of phraseological puns – with semantic and structural-semantic changes – are used. The verbal and (rarely) the situational context reveals the ironic use of linguistic units. Integrated use of verbal means contributes to the creation of rich comic expression.

УДК 811.133.1'37+811.133.1'373.21

**К ПОРТРЕТУ ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ:
ИССЛЕДОВАНИЕ СТЕПЕНИ ИЗВЕСТНОСТИ И ЧАСТОТНОСТИ ТОПОНИМОВ
ВО ВТОРИЧНОМ ЗНАЧЕНИИ**

канд. филол. наук, доц. Т.В. КОЖАРИНА
(Белорусский государственный университет, Минск)

На материале французского языка выявлены степень известности и частотность употребления топонимов, в том числе и в составе связанных сочетаний, во вторичном значении. Определены факторы, влияющие на степень известности и частотность употребления, среди которых: возраст, уровень и специализация образования, место проживания. При этом уровень и специализация образования являются доминирующими. Установлены корреляции между типом связанного сочетания с топонимом (цитата, перифраза, пословица, фразеологизм, собственно топоним) и степенью его использования.

Введение. Среди исследований последних десятилетий все больше места занимают эксперименты с привлечением носителей языка, позволяющие выявить особенности их пользования языком в культуре и через культуру в реальных условиях. Всякая построенная модель, и в частности модель языка, непременно требует последующей верификации в ходе эксперимента, на что указывал еще Л.В. Щерба: «... построив из фактов этого [языкового] материала некую отвлеченную систему, необходимо проверять ее на фактах, то есть смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности. Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента» [1, с. 307].

Методико-теоретической основой экспериментального подхода к выявлению степени известности и частоты использования топонимов во вторичном значении являются труды Л.С. Выготского [2], А.А. Леонтьева [3; 4], А.П. Клименко [5] и А.А. Залевской [6; 7]. При проведении эксперимента мы также ориентировались на недавние работы таких исследователей, как: А.А. Чернобров [8; 9], где при сопоставительном анализе английских и русских имен выявляется богатый лексический фон в семантике и прагматике антропонимов; М.О. Туркова-Зарайская [10] и Е.С. Семенова [11], которые занимались проблемой восприятия библеизмов как средств речевого воздействия; С.Е. Михайлова [12], объектом её изучения явилось понимание носителями языка крылатых выражений на материале заголовков газет; С.С. Хватова [13], в центре внимания которой были этнокультурные особенности прецедентных имен.

Основная часть. В нашем эксперименте по определению степени известности и частотности употребления в речи носителей языка топонимов во вторичном значении участвовали жители Франции, для которых французский язык является родным.

Большое значение при проведении любого эксперимента имеет проблема однородности: полученные результаты могут варьироваться в зависимости от социальных, профессиональных, возрастных особенностей испытуемых [6; 7; 14; 8; 9; 15; 16]. Поэтому при проведении эксперимента и обработке результатов учитывались следующие критерии:

- 1) возрастные особенности (в эксперименте участвовали лица от 16 до 67 лет);
- 2) уровень и специализация образования (высшее, среднетехническое, юридическое, экономическое, педагогическое, медицинское и др.);
- 3) род деятельности на момент проведения исследования (преподаватель, врач, служащий, дипломат, рабочий, нотариус, студент, техник, инженер, секретарь и др.);
- 4) место проживания (регион) на момент проведения эксперимента.

Респондентам были предложены анкеты, содержащие различные по структуре единицы с компонентом-топонимом: цитаты известных людей, пословицы, устойчивые топонимические перифразы, устойчивые конструкции с вымышленными топонимами, собственно коннотативные топонимы и топонимические фразеологизмы [подробнее см. 17; 18].

В экспериментальную анкету, таким образом, вошло 300 выражений с компонентом-топонимом, отобранных из авторитетных лексикографических изданий [19–30], как, например, *Si Paris était plus petit, on le mettrait dans un baril* ‘если бы Париж был поменьше, его можно было бы уместить в бочонок’; *Qui voudrait avoir de bons couteaux, il faudrait aller à Saint-Lô* ‘тем, кто хотел бы иметь хорошие ножи, следовало бы ехать в Сен-Ло’; *Arc-sous-Cicon, petite ville, grands fripons* ‘Арк-су-Сикон, маленький городок, крупные мошенники’¹. Для выражений с фразеологически связанным значением, образных перифраз

¹ В силу специфики исследуемого материала перевод приведенных в данной главе примеров представляет собой либо эквивалент из французско-русского лексикографического издания, либо интерпретацию автора.

были даны пометы о вторичном значении, указанные в словарях: *Partir en Java / faire la Java* 'гулять, кутить'; *Envoyer à Cancale* 'выгнать кого-либо'; *Vendre des coquilles à ceux qui viennent de Saint-Michel* 'заниматься бесполезной работой'; *L'aigle de Meaux* 'Ж. Боссюэ'.

Как видно из примеров, в экспериментальную анкету включены как стилистически возвышенные единицы (некоторые выражения из мифологии, перифразы, например, *Le Capitole est proche de la roche Tarpienne* 'от славы до позора один шаг'; *Cygne de Cambrai* 'лебедь из Камбре (о Фенелоне)'; *Citoyen de Genève* 'гражданин Женевы (о Ж.-Ж. Руссо)'), так и стилистически-сниженная лексика (*mariage d'Afrique* 'сожительство', *Ça ne sent pas le papier d'Arménie!* 'это ужасно пахнет!'), что обусловлено стремлением получить максимально широкие результаты в разнородной группе информантов.

Участникам эксперимента нужно было указать, известно ли им то или иное выражение, если да, то пометить, используют ли они его в речи. В инструкции к анкете была дана установка отвечать быстро, не задумываясь. Участникам было также предложено, при желании, внести свои пометы относительно значений тех или иных единиц, ситуаций и частоты использования в их речи.

Эксперимент проходил в заочной форме (анкеты были высланы участникам по электронной почте). Важным представляется вопрос о количестве участвующих в эксперименте информантов. Как указывает А.А. Залевская [7], число информантов должно согласовываться с конкретными целями исследования. С этой точки зрения отметим экспериментальное исследование имен собственных А.А. Черноброва [9], которое показало, что результаты, полученные от 60–65 информантов, во многом совпали с данными британских исследователей, имевших дело с гораздо большим количеством информантов, а при проведении параллельного эксперимента с английскими личными именами в аутентичной языковой среде было выявлено, что результаты в малых группах (до 10 человек) практически совпадают с результатами эксперимента в больших группах (до 100 человек). Что касается проведенного нами исследования, то мы сочли допустимым остановиться на 60 информантах в силу достаточной однородности ответов, наблюдаемой после обработки первых 20 анкет.

Одну из групп в экспериментальной анкете, предложенной носителям языка, топонимические сочетания, в которых переносное значение топонима как вымышленного (*Argencourt, Crevant*), так и реально существующего (*Bavière, Cornouaille, Cracovie*) основано на игре слов.

Как оказалось, такого рода выражения малоизвестны носителям языка, хотя, согласно их замечаниям, значения выражений типа *Aller à Dormillon* 'ложиться спать' (от глаг. *dormir* – спать); *Aller à Montretout* 'пойти к врачу' (от словосочетания *montrer tout* – все показать); *Aller / battre à Niort, prendre le chemin de Niort* 'отрицать' (Ниор – городок в Западной Франции и глагол *nier* – отрицать) достаточно «прозрачны» и не представляют трудностей для понимания. Лишь от 5 до 10 % опрошенных, причем информанты с филологическим образованием или студенты старших курсов, получающие специальность «французский как иностранный», указали как известные им выражения *Aller en Cornouaille* 'стать рогоносцем' (*Cornouaille* – регион на северо-западе Франции, *cornes* – рога); *Envoyer à Vatan* 'спровадить кого-либо, отослать, уволить' (*va t'en* – повелительное наклонение глагола *s'en aller* – уходить); *Aller à Versailles* 'упасть в кювет' (об автомобиле – *verser, culbuter dans le fossé*); *Etre le marquis d'Argencourt* 'быть на мели' (*être à court d'argent*), но не используемые в речи.

На наш взгляд, факты подобного рода следует рассматривать прежде всего в рамках теории диспонибельности (*disponibilité* – наличность, или резервность), сформулированной Р. Мишеа и Г. Гугенеймом в ходе работы над «Словарем основной лексики французского языка» («*Le Français fondamental*») [16]. Согласно данной теории существуют такие слова и выражения, которые постоянно находятся в сознании говорящих и которые вне зависимости от частотности всегда могут быть употреблены всякий раз, когда появляется в этом необходимость. При этом степень диспонибельности не является абсолютной величиной, она существует только по отношению к конкретным интересам индивида и слабо или вовсе не коррелирует с частотностью.

Среди наиболее известных и используемых в речи пословиц с компонентом-топонимом от 90 до 55 % респондентов указали такие, как: *Tous les chemins mènent à Rome* 'все дороги ведут в Рим'; *Rome / Paris ne s'est pas fait en un jour* 'Рим / Париж не сразу строился'; *Avec des si, on mettrait Paris en bouteille* 'если бы да кабы, так во рту росли бы грибы', *Paris appartient à ceux qui se lèvent tôt* 'Париж принадлежит тем, кто рано встает' (единицы даны в порядке уменьшения известности и частоты использования). Однако количество респондентов, указавших на использование того или иного выражения в своей речи, несколько меньше количества респондентов, знающих это же выражение: 59 человек из 60 указали, что знают выражение *Tous les chemins mènent à Rome*, и лишь 47 респондентов употребляют его в речи; пословицу *Avec des si, on mettrait Paris en bouteille* знают 44 респондента, но лишь 28 из них указали, что используют ее в речи. Большую часть таких пословиц, как: *Il n'est palais qu'en Avignon* 'если дворец – то только в Авиньоне'; *En France tout finit par des chansons* 'во Франции все заканчивается песнями'; *Il n'est*

ville sinon Dijon ‘если город – то Дижон’; *il n'est moutarde qu'à Dijon* ‘если горчица – то только из Дижона’; *Si Paris était plus petit, on le mettrait dans un baril* ‘если Париж был бы поменьше, его можно было бы поместить в бочонок’; *Il faut vivre à Rome comme à Rome* ‘в Риме нужно жить как в Риме’ (ср. рус. варианты: *в чужой монастырь со своим уставом не ходят* / *с волками жить – по-волчьи выть* / *в Тулу со своим самоваром не ездят*), 20–25 % респондентов классифицировали как известные, но используемые в речи лишь в определенных ситуациях.

Следует подчеркнуть, что большинство топонимических пословиц, отобранных нами методом сплошной выборки из словарей и помещенных в экспериментальную анкету, содержат узколокальные топонимы, например: *Abbans* ‘Аббан’ (регион Франш-Конте), *Armançon* ‘Армансон’ (река, протекающая в департаментах Кот-д’Ор и Йонна); *Saint-Malo* ‘Сен-Мало’ (портовый город в регионе Бретань); *Coutances* ‘Кутанс’ (город в регионе Нормандия). Знание такого рода единиц, как выяснилось, детерминировано прежде всего географически. Людям, вне зависимости от образования, когда-то жившим в этих местах или в близлежащих регионах, эти пословицы знакомы. Степень известности также напрямую зависит от возраста информанта: чем старше носитель языка, тем больше вероятность того, что ему знакома пословица с узколокальным топонимом.

Считается, что люди обращают гораздо больше внимания на мудрые мысли, когда они кем-либо цитируются, чем когда их встречают у самого автора. Знание и употребление цитат, обусловленные культурными компетенциями, широко используются для подтверждения того или иного высказывания более авторитетным, для иллюстрации определенных понятий, для привлечения внимания собеседника, для придания образности.

Так, согласно данным эксперимента от 90 до 55 % респондентов в качестве наиболее известных и часто используемых в речи идентифицировали цитаты из речи Ш. де Голля: *La France a perdu une bataille, mais n'a pas perdu la guerre* ‘Франция проиграла битву, но не войну’; из речи Генриха IV: *Paris vaut bien une messe!* ‘Париж стоит мессы’; из романа О. де Бальзака «Отец Горио»: *À nous deux Paris!*² ‘Париж для нас двоих’.

Меньше половины респондентов отметили как известные им такие цитаты из речи Ш. де Голля: *La France ne peut être la France sans la grandeur* ‘Франция не может быть Францией без своего величия’; *Tout homme qui écrit – et qui écrit bien, sert la France* ‘Каждый, кто пишет – и пишет хорошо, служит Франции’; из Ж. Дю Белле: *France, mère des arts, des armes et des lois* ‘Франция, мать искусств, оружия и законов’; из М. Эме: *Quand Paris se sent morveux, c'est la France toute entière qui se mouche* ‘когда Париж простужен, чихает вся Франция’; из А. Доде: *En France tout le monde est un peu de Tarascon* ‘во Франции все немного походят на жителей Тараскона’; из Монтескье: *C'est Paris qui fait les Français* ‘именно Париж создает французов’. Однако всего 2–3 респондента указали, что используют эти выражения, причем было выявлено, что знание и использование цитат не связано ни с возрастными особенностями информантов, ни с местом их рождения или сегодняшнего проживания, а обусловлено уровнем и специализацией образования.

Информантам, имеющим высшее филологическое образование, известно больше топонимических цитат, при этом респонденты с юридическим образованием знают и используют преимущественно цитаты из речи Ш. де Голля, Ж. Дю Белле, Монтескье, Ж. Мишле, А. де Токвилля. Лингвисты-исследователи, преподаватели и литераторы в качестве известных и используемых отмечают цитаты из произведений П. Даниноса, А. Доде, О. де Бальзака, В. Гюго и Л. Арагона. Среди информантов, имеющих техническое образование, процент известных им цитат довольно низок, а среди используемых цитат респонденты данной группы отмечают наиболее частотные цитаты из Ш. де Голля и из Генриха IV. Таким образом, диспонибельность подобных единиц находится в прямой зависимости от жизненно-культурного контекста респондентов.

С целью упрощения процедуры обработки данных эксперимента так называемые образные перифразы с компонентом-топонимом были также выделены нами в особый класс. Среди наиболее известных и широко используемых перифраз информантами была отмечена *Le quinze de France* ‘команда Франции по регби’ – из 53 информантов, знающих эту перифразу, 29 указали, что используют ее и в повседневной жизни; 75 % опрошенных классифицировали как известные им перифразы: *L'oeil de Moscou* ‘шпион’; *Oncle d'Amérique* ‘дальний родственник’; *Crétin des Alpes* ‘дурачок’, из них около 30 % указали также, что используют эти перифразы.

Около 50 % информантов известны перифразы, связанные с обозначением самих французов *Les enfants de la France* ‘дети Франции’, с Англией *La perfide Albion* ‘коварный Альбион’, а также с именем

² Данное выражение является искаженной репликой героя романа О. де Бальзака «Отец Горио» Растиньяка, который, глядя на Париж, сказал: «À nous deux, maintenant». Сегодня используется для обозначения желания действовать сообща, чтобы добиться успеха.

Жанны д'Арк *La bergère de Domrémy* 'пастушка из Домреми'; *La Pucelle d'Orléans* 'Орлеанская Дева', что говорит о значимости ее личности для французов, однако процент их использования в речи достаточно низок, так как актуализация таких перифраз возможна лишь в конкретном контексте (например, презентация экскурсоводом жизненного пути Жанны д'Арк).

Самую обширную группу экспериментального материала представляют разнокомпонентные, связанные сочетания, ядром которых является топоним, а переносное значение всего выражения основано непосредственно на импликационном значении топонима, например, *C'est la forêt de Bondy* 'небезопасное место'; *Eprouver une joie de Marsal* 'недолго радоваться'; *Arriver comme les pompiers de Nanterre* 'прийти не вовремя, слишком поздно'. В эту же группу вошли и собственно КТ типа *Pétaouchnok* 'у черта на куличках', *Eldorado* 'рай земной'.

Так, для 90–95 % информантов известными оказались следующие топонимические выражения (в том числе и в составе связанных сочетаний): *Cheval de Troie* 'троянский конь'; *Partir en Java / faire la Java* 'гулять, кутить'; *Eldorado* 'страна сказочных богатств'; *Capharnaïm* 'хаос, беспорядок'; *Coup de Trafalgar* 'катастрофа'; *Construire des châteaux en Espagne* 'строить воздушные замки'; *Le tonnerre de Brest* 'затруднительное положение'; *De France et de Navarre* 'повсюду, повсеместно'; *Etre de Marseille / passer par Marseille* 'преувеличивать'; *Tour de Babel* 'авилонская башня'; *Mur de Berlin* 'непреодолимая преграда'; *C'est (la vraie) Bérézina!* 'настоящая катастрофа'; *Pétaouchnok* 'у черта на куличках'; *C'est Byzance!* 'роскошь, изобилие'; *Muraille de Chine* 'непреодолимая преграда'; *Ce n'est pas le Pérou* 'не очень много, не бог весть что'; *Calvaire* 'мука, пытка, наказание'.

Обращает на себя внимание тот факт, что данные единицы, различные и по этимологии, и по стилистике, отмечаются и как наиболее употребительные, причем процент респондентов, использующих эти выражения, в целом значительно выше, чем при использовании пословиц, цитат и перифраз. К примеру, если цитату *La France a perdu une bataille, mais n'a pas perdu la guerre* знают 53 респондента, а употребляют лишь 18 из них, то топонимическая единица *Partir en Java / faire la Java* отмечена как известная 54 информантами, 43 из которых используют это выражение; *Pétaouchnok* знают 47 информантов, и 38 из них используют его в речи.

Несколько меньшее число информантов, от 55 до 80 %, указали в качестве известных такие выражения: *Voir Paris / Venise / Rome, et mourir* 'увидеть Париж / Венецию / Рим, и умереть'; *Il y a de la Java dans l'air* 'неспокойное положение'; *Les trompettes de Jéricho* 'иерихонские трубы'; *Franchir / passer le Rubicon* 'перейти Рубикон'; *Sodome et Gomorrhe* 'Содом и Гоморра'; *Aller jusqu' à Tataouine* 'далеко зайти'; *Pays de Cocagne* 'земля обетованная'; *C'est Verdun* 'победа / кровавая бойня', однако разница между «знаю» и «использую» значительно больше. Так, например, если выражение *Voir Paris / Venise / Rome, et mourir* знают 31 респондент, то употребляют лишь 10 из них; выражение *Les trompettes de Jéricho* известно 31 информанту, а используют его лишь 3.

Остальные топонимические выражения, вошедшие в анкету, знакомы менее 50 % опрошенных, а случаи их использования достаточно редки. Некоторые респонденты поместили, что знают то или иное выражение благодаря родственникам или друзьям, живущим в тех местах, на которые указывает топоним в выражении: *Cela fera du bruit à Landerneau / On en parlera à Landerneau* 'это произведет много шума в Ландерно'; *On n'est pas arrivé à Loches* 'несвоевременно'; *Le vase de Soissons* 'суассонская ваза'. Однако, как показало исследование, этот момент не является определяющим. Было выявлено, что знание подобных единиц находится в большей зависимости от уровня образования и возрастных особенностей, чем от географических факторов. В процессе обработки анкет респондентов было установлено, что жители Парижа могут не знать выражений *Il ne faut pas prendre Paris pour Corbeil* 'недооценивать что-либо или кого-либо'; *Voir Paris, et mourir* 'увидеть Париж, и умереть'; *Avoir un oeil à Paris, l'autre à Pontoise* 'хитрить', жители Марселя – *Etre de Marseille / passer par Marseille* 'преувеличивать', жители Гренобля – *Faire à qn la conduite de Grenoble* 'враждебно принять кого-либо'.

Информанты среднего и старшего возраста, имеющие высшее филологическое образование или получающие его, профессиональная деятельность которых так или иначе связана с языком, знают около 80 % выражений, вошедших в анкету, но разница между «знаю» и «использую» достаточно велика, что свидетельствует о диспонибельном характере исследуемых единиц. В группе информантов старшего возраста, имеющих гуманитарное образование, отмечается больший процент знающих и использующих то или иное выражение, чем в группе информантов-гуманитариев среднего возраста или информантов, имеющих среднее или техническое образование.

Заключение. В результате проведенного исследования выявлено, что степень известности и частотность употребления топонимов во вторичном значении, в том числе и в составе связанных сочетаний, различны и обусловлены, как правило, несколькими факторами: возрастными особенностями информантов, уровнем образования и его специализацией, географической локализацией информантов.

Причем уровень и специализация образования являются в большей степени определяющими, чем возраст и место проживания.

Установлены корреляции между типом связанного сочетания с топонимом и степенью его использования. Использование пословиц с компонентом-топонимом, обусловленное возрастными и географическими факторами, широко отмечается в речи. Цитаты с компонентом-топонимом из речей крупных политических деятелей, из художественных произведений французских авторов, а также определенные топонимические перифразы, употребление в речи которых соотносится с уровнем и специализацией образования, функционируют в усеченном, модифицированном виде и являются высокочастотными как в речи носителей. Исключение в этом отношении составляют стилистически сниженные перифразы, реализация которых имеет место лишь на уровне разговорной лексики. Топонимы, переносная семантика которых основана на игре слов, несмотря на паронимически прозрачное значение, представляются наименее известными для информантов. К широко известным и высокочастотным коннотативным единицам относятся топонимические выражения, пришедшие во французский язык из Библии и античной мифологии, топонимические конструкции, ядром которых являются топонимы *Париж, Рим, Франция*, а также топонимы, ассоциирующиеся с чем-то далеким и нереальным (*Eldorado, Cocagne*).

Топонимы и топонимические сочетания с низкочастотными характеристиками являются диспонибельными единицами, которые постоянно присутствуют в сознании говорящих и могут быть актуализированы в речи всякий раз, когда в этом возникает необходимость. Частотность и диспонибельность той или иной единицы находится в прямой зависимости не только от культурных компетенций информантов, но и от соотношения личного, индивидуального контекста жизни и культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность: опыт общей теории лексикографии / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
2. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – Изд. 5, испр. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
3. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
4. Леонтьев, А.А. Языковое сознание и образ мира / А.А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность / А.А. Леонтьев; Ин-т языкознания Рос. акад. наук. – М., 1993. – С. 16–21.
5. Клименко, А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение: учеб. пособие / А.П. Клименко; Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Минск: МГПИИЯ, 1974. – 108 с.
6. Залевская, А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике: учеб. пособие / А.А. Залевская; Калинин. гос. ун-т. – Калинин: КГУ, 1979. – 84 с.
7. Залевская, А.А. Некоторые проблемы подготовки ассоциативного эксперимента и обработки его результатов / А.А. Залевская // Экспериментальные исследования в области лексики и фонетики английского языка / А.А. Залевская; Калинин. гос. пед. ин-т. – Калинин, 1971. – С. 3–119.
8. Чернобров, А.А. Лингвострановедческий анализ английских личных имен: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.А. Чернобров; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 1995. – 16 с.
9. Чернобров, А.А. Теория имени: язык, философия, культура / А.А. Чернобров; Новосиб. гос. пед. ун-т; Ин-т филологии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. – Новосибирск: НГПУ, 1999. – 212 с.
10. Туркова-Зарайская, М.О. Особенности понимания библеизмов носителями русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.О. Туркова-Зарайская. – Тверь, 2002. – 202 л.
11. Семенова, Е.С. Библеизм как средство речевого воздействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.С. Семенова; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2003. – 16 с.
12. Михайлова, С.Е. Особенности понимания крылатых слов современными носителями языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.Е. Михайлова. – Тверь, 2003. – 151 л.
13. Хватова, С.С. Этнокультурная специфика идентификации прецедентных имен носителями языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.С. Хватова; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2004. – 18 с.
14. Попова, Т.В. Ассоциативный эксперимент в психологии: учеб. пособие / Т.В. Попова; Моск. психол.-соц. ин-т. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2011. – 72 с.
15. Gougenheim, G. Les enseignements de la statistique de vocabulaire / G. Gougenheim // Etudes de linguistique appliquée / Centre d'Etudes du Vocabulaire Fr.; sous la dir. de B. Quemada. – Paris, 1963. – P. 5–11.
16. L'élaboration du français fondamental. Etude sur l'établissement d'un vocabulaire et d'une grammaire de base / G. Gougenheim [et al.]. – Paris: Didier, 1964. – 302 p.
17. Кожарина, Т.В. Экспериментальное исследование коннотативных топонимов в семантико-прагматическом аспекте (на материале французского языка) / Т.В. Кожарина. – Минск: Право и экономика, 2012. – 94 с.

18. Кожарина, Т.В. Французская топонимия в семантико-прагматическом аспекте (на материале французских СМИ): моногр. / Т.В. Кожарина. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – 179 с.
19. Новый большой французско-русский фразеологический словарь: более 50 000 выражений / В.Г. Гак [и др.]; под ред. В.Г. Гака. – М.: Рус. яз.: Медиа, 2005. – XX, 1625, [3] с.
20. Рецкер, Я.И. Французско-русский фразеологический словарь / Я.И. Рецкер. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1963. – 1112 с.
21. Carlier, R. Dictionnaire des citations françaises / R. Carlier, J.-L. Lalanne. – Paris: Larousse, 2001. – 660 p.
22. Cellard, J. Dictionnaire du français non conventionnel / J. Cellard, A. Rey. – Paris: Hachette, 1991. – 784 p.
23. Colin, J.-P. Dictionnaire de l'argot / J.-P. Colin, J.-P. Mével. – Paris: Larousse, 1992. – 184 p.
24. Duneton, C. Le bouquet des expressions idiomatiques / C. Duneton, S. Claval. – Paris: Ed. du Seuil, 1990. – 1375 p.
25. Duneton, C. Puce à l'oreille: Anthologie des expressions populaires avec leur origine / C. Duneton. – Paris: Balland, 1990. – 507 p.
26. Henry, G. Introduction / G. Henry // Petit dictionnaire des lieux qui racontent l'histoire / G. Henry. – Paris, 1998. – P. 11–16.
27. Klein, B. La cuisse de Jupiter: 300 proverbes et expressions hérités du latin et du grec / B. Klein. – Paris: Libro, 2006. – 92 p.
28. Klein, B. Les expressions qui ont fait l'histoire / B. Klein. – Paris: Libro, 2008. – 95 p.
29. Klett, E. Les délices de Capoue: comprendre des expressions idiomatiques avec un toponyme / E. Klett // Etudes de linguistique appliquée: rev. de didactologie des langues-cultures et de lexicultureologie. – 2009. – № 153. – P. 93–104.
30. Rey, A. Expressions et locutions / A. Rey, S. Chantreau. – Paris: Robert, 1993. – 890 p.

Поступила 20.12.2013

TO THE PORTRAIT OF FRENCH CULTURE: DEGREE OF KNOWLEDGE AND FREQUENCY STUDY OF PLACE NAMES IN SECONDARY MEANING

T. KOJARINA

In the article on the French language it has been revealed the degree of knowledge and frequency of use of place names in secondary meaning, including in the composition associated combinations. The factors affecting the degree of knowledge and frequency of use have been defined, among which: age, level and education specialization, location. But the level of education and specialization are dominant. The correlations between the type of associated combination with toponym (citation, periphrases, proverb, idiom, place name proper) and the degree of its use have been determined.

УДК 81-115

**ОСОБЕННОСТИ РИТМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ЗВУЧАЩЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ****А.Н. ЛЕВИЦКАЯ, И.В. ЛОГВИНОВА**
(Полоцкий государственный университет)

Изучены особенности ритмической организации звучащего художественного текста на немецком языке. Основные элементы ритма – это последовательность ударных и безударных слогов. Немецкое словесное ударение является по преимуществу динамическим, в то же время ударные и безударные слоги заметно отличаются друг от друга по относительной высоте их гласных компонентов. Некоторые авторы полагают, что ударные слоги в немецком языке характеризуются большей длительностью по сравнению с безударными. Таким образом, немецкое словесное ударение обнаруживает смешанную, динамически-музыкальную природу. Контраст между ударными и безударными слогами приводит к членению фразы на акцентные группы. Их число соответствует числу ударных слогов. Ударный слог представляет собой вершину ритмической группы, а неударные слоги примыкают к нему. В формировании речевого ритма участвует целый комплекс просодических средств, не него влияют синтаксическое оформление фразы и ее лексико-семантическое наполнение.

Введение. Особенность художественного текста – его эстетическая направленность. Эстетическая или художественная информация содержится в тексте наряду с семантической. Звучащий текст обладает большей силой воздействия на человека по сравнению с текстом письменным. Речь обладает fasciniрующими свойствами, т.е. качествами, которые способны усилить степень ее воздействия на реципиента. В устной речи существенную роль при этом играет просодия [1].

Одним из важнейших элементов просодии является ритм. Ритм – это не только формообразующий и эстетический фактор, но и носитель смысла, чувств в произведении. Ритм и смысл текста развиваются параллельно и оказывают взаимное влияние. Таким образом, ритм важен для понимания текста.

Современный этап исследования в области просодии характеризуется повышенным интересом к изучению различных аспектов звучащей речи. Внимание лингвистов в области изучения ритма было обращено в основном на анализ ритма стихотворной речи, и это вполне закономерно, так как, с одной стороны, ритм рассматривается в связи с метром, а с другой – в стихе особенно ярко выявляется роль просодических средств в создании ритма. Проблема же ритма прозаической речи оставалась, как правило, за пределами активного изучения. Цель данного исследования – проанализировать ритмическую организацию звучащего художественного текста на немецком языке.

Основная часть. Ритм как компонент интонации, связанный со всеми другими ее компонентами, представляет собой одно из сложнейших явлений немецкой речи. Он служит основой эстетической организации стихотворного и прозаического художественного текста. Наиболее ярко речевой ритм выражен в стихотворных текстах, наименее – в спонтанной диалогической речи.

Ритм полифункционален. Основная функция ритма – организующая – состоит в способности ритма интегрировать и делимитировать части целого как на уровне отдельных речевых единиц, так и на уровне текста. В основе организующей функции речевого ритма находятся моторная природа этого явления, а также психофизиологические факторы.

Основой эстетической функции ритма является степень периодичности повторяющихся речевых явлений. Равномерное повторение ритмических единиц того или иного объема оказывает на человека эмоционально-эстетическое воздействие. Наиболее ярко эта функция проявляется в стихотворной речи.

Сущность смыслообразующей функции заключается в способности ритма передавать различные смысловые оттенки значения, коммуникативную направленность текста, то есть участвовать в формировании смысла высказывания, что достигается взаимодействием средств просодического уровня со средствами других уровней языка (лексического, грамматического).

Проявление стабилизирующей функции направлено на сохранение, усиление, укрепление и развитие просодических элементов в тексте. Противоположная стабилизирующей функции – вариативная функция. Чем длиннее и сложнее предложение, тем сильнее проявляется сила изменчивости. Ритм проявляет свою вариативную функцию довольно активно, довольствуясь частичными изменениями.

Ритм руководит, управляет, обеспечивает гармоничное функционирование и развитие просодического пространства, реализуя таким образом функцию управления [2, с. 14].

В лингвистике существуют различные подходы к определению термина «ритм». «Лингвистический энциклопедический словарь» под редакцией В.Н. Ярцевой определяет речевой ритм как «регулярное повторение сходных и соизмеримых речевых единиц, выполняющее структурирующую, текстообразующую и экспрессивно-эмоциональную функции» [3]. Исследовательница Е.В. Зарецкая характеризует

ритм «как периодическое повторение ударных и безударных слогов» [4]. Некоторые исследователи обозначают в качестве ритма повторение ударений после определенного числа безударных слогов. Под ритмом понимают также динамико-временную организацию устных высказываний, осуществляемую с помощью пауз и фразовых ударений [5, с. 43].

Таким образом, большинство ученых считают, что основные элементы ритма – это последовательность ударных и безударных слогов. Ударные слоги организуют безударные слоги, образуя фонетическое единство. Эти единства называют по-разному: ритмический такт, акцентная группа, ритмическая группа, фонетическое слово. Их число соответствует числу ударных слогов. Ударный слог представляет собой вершину ритмической группы, а неударные слоги (проклитики или энклитики), примыкают к нему. Они не только лишены ударения, но и произносятся быстрее, чем ударные слова.

Проявление ритма базируется на следующих предпосылках:

- ритм основывается на свойствах языка вообще;
- ритм связан с индивидуальными особенностями говорящего, которые могут проявляться в разных типах высказываний;
- ритм всегда воздействует на слушателей с помощью средств ритмизации (длина ритмической группы, плотность акцентуации, лексические повторы, синтаксический параллелизм, стихотворные вкрапления) [2, с. 7].

Немецкий язык является языком с ритмичным ударением, то есть ударные слоги отделены друг от друга в речи примерно равными промежутками времени, а безударные слоги сокращаются так, чтобы соблюдался этот ритм. Фонетические правила редукции и соединения применяются, чтобы укоротить неударные слоги и гладко соединить слова в предложении. Поскольку в немецком языке многие служебные слова безударные, то время, определенное на их произнесение между двумя ударными слогами, может быть достаточно малым. Поэтому существует определенный фонетический прием – слитное чтение, которое заключается в произнесении безударных слогов вместе с ударным слогом в пределах одной ритмической (смысловой) группы. Таким образом, пауза делается только между ритмическими группами, а внутри смысловой группы все слоги произносятся «на одном дыхании». Из сказанного следует, что ритм неразрывно связан с ударением, поскольку слоги получают выделенность именно благодаря ударению.

Важнейшим для характеристики немецкого языкового ритма является тот факт, что промежутки между ударными слогами воспринимаются на слух как примерно одинаковые по длительности. С этим связано сокращение длительности звучания безударных слогов в большей или меньшей мере в зависимости от длины ритмического такта. Как следствие, ударные и безударные слоги не равны по длительности [6, с. 115].

В немецком языке Л.Р. Зиндер выделяет следующие основные правила ритма:

- ударные слоги одной смысловой группы следуют один за другим через равные промежутки времени. Это правило может не соблюдаться только в ритмической группе, содержащей множество (6–12) безударных слогов;
- начальные ударные слоги в ритмическом такте обычно произносятся быстро;
- каждая смысловая группа имеет свой собственный ритм, зависящий от степени ее семантической важности [7, с. 313].

Важным шагом в изучении ритма был предложенный Т.Н. Шишкиной метод анализа ритмической организации текста. Он заключается в установлении чередования разновеликих ритмических групп внутри предложения. На этой основе было выделено и описано шесть типов ритмической организации речи: 1) монотонный, 2) некомпактный, 3) переменный, 4) отрывистый, 5) кольцевой, 6) постепенный. Принцип проведенного исследования состоял в определении длины ритмических групп путем простого подсчета числа составляющих их слогов. В результате проведенных исследований были выявлены особенности ритма в различных типах текста и определены признаки грамотного текста и текста, неприемлемого с точки зрения ритма. Так, в тексте неграмотным с точки зрения ритма считается объем ритмической группы в размере 6–10 слогов, что не соответствует нормам литературного языка. Подсчет количества слогов в простых ритмических группах показал, что в грамотно организованном тексте количество слогов внутри групп примерно равно. Кроме того, чередование различных ритмических групп осуществляется не механически, а в зависимости от содержания-намерения текста. Стилистические контрасты были подмечены в художественной речи. Одним из контрастов является чередование длинных и коротких сложных ритмических групп. Переход от длинной сложной ритмической группы к короткой может использоваться как дополнительное средство привлечения внимания. Оратор, диктор может выделять в речи любой слог путем увеличения его длительности, усиления громкости и изменения интонационного контура, что в свою очередь оказывает влияние на ритм [8].

Основная часть. Материалом для нашего исследования послужили десять звучащих художественных текстов на немецком языке: сказки «Aschenputtel» и «Das Rätsel» (братья Гримм); отрывки из романов «Im Westen nichts Neues» (Эрих Мария Ремарк), «Das Parfum» (Патрик Зюскинд), «Drei Männer im

Schnee» (Эрих Кестнер), «Die Leiden des jungen Werther» (Иоганн Вольфганг Гете); отрывок из детского романа «Emil und die Detektive» (Эрих Кестнер); отрывок из повести «Michael Kohlhaas» (Генрих фон Клейст); отрывок из рассказа «Ein Hungerkünstler» (Франц Кафка); отрывок из новеллы «Der Schatz» (Эдуард Мёрике). Общая продолжительность звучания художественных текстов составляет 104 минуты.

Анализ ритмической организации звучащего художественного текста включал несколько этапов:

- проведение слухового анализа экспериментального материала с целью сегментации звучащих текстов на ритмические такты с опорой на компьютерную программу Wave surfer;
- определение длины ритмических тактов путем подсчета числа слогов, входящих в ритмический такт;
- количественная обработка полученных данных;
- сопоставление полученных данных.

Анализ выявил частотность трех-пятисложных структур (рис. 1). Они составляют 50 % от всех проанализированных ритмических тактов. Наименее частотными являются одиннадцати-пятнадцатисложные структуры, общее количество которых не превышает 0,5 %.

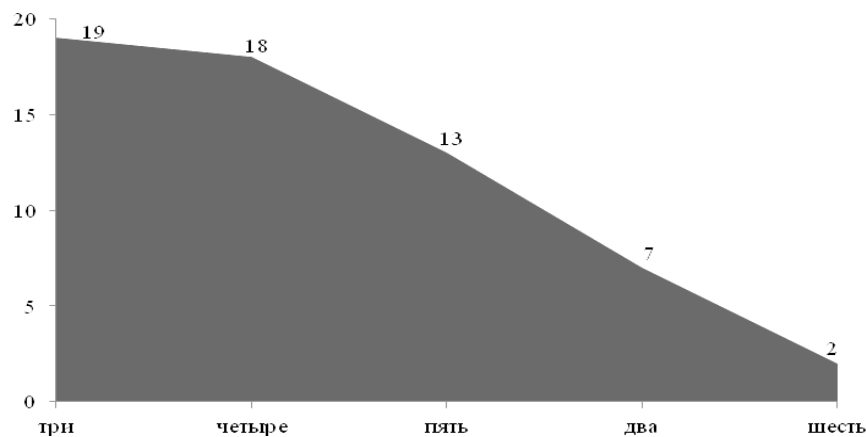

Рис. 1. Наиболее частотные ритмические такты немецкого звучащего художественного текста, % от общего количества ритмических тактов

Анализ ритмической организации позволяет констатировать, что наибольшая вариативность имеет место при реализации многосложных ритмических тактов.

Рассмотрим некоторые примеры.

1. Сказка «*Aschenputtel*» (братья Гримм). Время звучания — 14 минут. Диктор — мужчина. Всего ритмических тактов — 658. Из них 56 % составляют трех-пятисложные такты; 2 ритмических такта (0,3 %) имеют длину 12 слогов.

Ритмический такт состоит, как правило, из группы слов, например: Sie 'nahmen ihm / seine schönen 'Kleider weg, / 'zogen ihm / einen 'grauen / alten 'Kittel an, / und 'gaben ihm / h'ölzerne 'Schuhe. Однако в данном тексте наблюдаются также ритмические такты из одного слова: 'Da / 'ging / eine 'schlimmeZeit / f'ürdasarme 'Stiefkindan. Такая ритмическая организация достигается за счет замедления темпа высказывания и служит для выделения семантически важных единиц. Это соответствует универсальной тенденции затрачивать больше времени на то, что важно, ново, ценно, и меньше — на то, что мене важно, менее ценно, уже известно [9, с. 223].

В основном большое количество слогов в ритмическом такте наблюдается в предложениях с прямой речью: «Solldiedumme 'Gans / beiunsinder 'Stubesitzen!» sprachensie, / «wer 'Brotessenwill, / mussesver'dienen: / hin'ausmitderKüchenmagd» (рис. 2). Это объясняется тем, что слова автора, как правило, не несут фразового ударения, и за счет безударных слогов увеличивается длина ритмического такта.

Рис. 2. Графическое отображение формы волны в предложении с прямой речью

Повторы, которые встречаются в сказке в виде стихотворных вкраплений, играют большую роль в ритмизации текста. Они позволяют придать сказке динамику, звучность и, в то же время, сделать акцент на наиболее значимых, по мнению автора, моментах, формирующих сюжет сказки: голуби поют данную песню, чтобы подсказать сыну короля, где его настоящая невеста. Переплетение стихотворного и прозаического ритма создает сложную ритмическую структуру. Например:

«Rucke / di 'guck, / 'rucke / di 'guck,
'Blut / ist im 'Schuck: /
Der 'Schuck / ist zu 'klein, /
die 'rechte / 'Braut / 'sitzt noch / da'heim» (рис. 3).

Рис. 3. Графическое отображение формы волны в стихотворном вкраплении

2. Отрывок из романа *«Im Westennichts Neues»* (Эрих Мария Ремарк). Время звучания – 10 минут. Диктор – мужчина. Всего ритмических тактов 484, из которых 54 % составляют ритмические такты длиной 3–5 слогов, 0,2 % (1 такт) – 14 слогов.

В данном отрывке встречается повтор синтаксических конструкций «ich habe, ich bin + Partizip II» (Perfekt), что способствует ритмической упорядоченности. Ритм проявляет себя в плавной гармоничности фонетического звучания. Например, в предложении «Ich 'habe / an 'einem / 'Morgen / 'vierzehnmal / sein 'Bett gebaut» чередуются ритмические такты длиной 3, 3, 2, 3 и 4 слога.

В подавляющем большинстве фраз синтаксическая структура сильно разветвлена, но это не сказывается на длине ритмического такта. Это свидетельствует о том, что ритмическое членение предложения не зависит от синтаксического. Например:

Ich habe in 'zwanzigstündiger Arbeit / – mit 'Pausen / na'türlich / – ein 'Paar / 'uralte, / 'steinharte Stiefel / so 'butterweich geschmiert, / dass selbst 'Himmelstoß / 'nichts mehr / daran 'auszusetzen fand; / – ich 'habe / auf seinen Be'fehl / mit einer 'Zahnbürste / die Korpo'raltschaftsstube / 'sauber geschrubbt; / – 'Kropp / und 'ich / 'haben uns / mit einer 'Handbürste / und einem 'Fegeblech / an den 'Auftrag gemacht, / den Ka'sernenhof / vom 'Schnee reinzufügen, / und wir hätten 'durchgehalten / bis zum Er'frieren, / wenn nicht 'zufällig / ein 'Leutnant aufgetaucht wäre, / der uns 'fortschickte / und 'Himmelstoß / 'mächtig / 'anschnauzte (рис. 4).

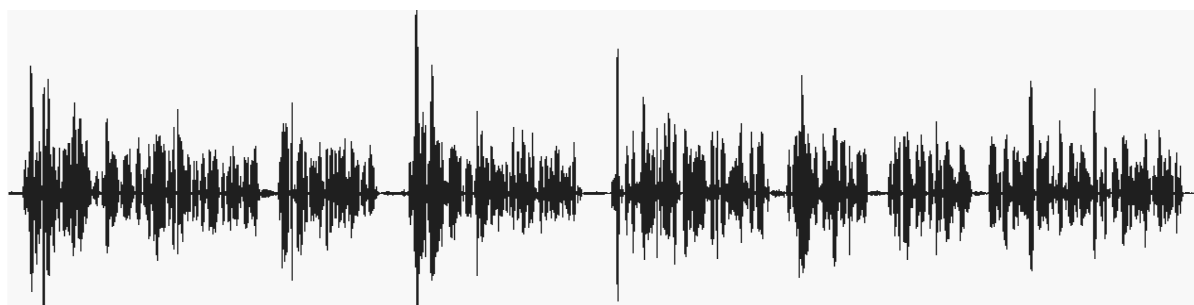

Рис. 4. Графическое отображение формы волны в сложном предложении

3. Отрывок из романа *«Drei Männer im Schnee»* (Эрих Кестнер). Время звучания – 12 минут. Диктор – мужчина. Всего ритмических тактов в отрывке 616; из них 60 % составляют такты длиной 2–4 слога, а также наблюдается самый длинный ритмический такт размером 15 слогов.

В отрывке преобладают диалоги без слов автора. Прямая речь читается медленнее, чем слова автора, например:

«Die Direk'toren / 'gaben doch / den 'Preis / 'einem / 'ihnen / 'vollkommen / 'fremden Menschen!»
«Ich 'denke, / dem Herrn Ge'heimrat!» (рис. 5).

Рис. 5. Графическое отображение формы волны в диалоге

4. Отрывок из романа «*Die Leiden des jungen Werther*» (Иоганн Вольфганг Гете). Продолжительность звучания – 10 минут. Диктор – мужчина. Всего ритмических тактов 416, из которых 60 % приходится на такты длиной 3–5 слогов, 0,2 % – 12 слогов.

В отрывке встречаются лексические повторы «ich», «Lieber», «Mein Freund», которые выступают как средства вторичной ритмизации.

5. Отрывок из детского романа «*Emil und die Detektive*» (Эрих Кестнер). Продолжительность звучания – 10 минут. Диктор – мужчина. Всего ритмических тактов в отрывке 521. Из них 61 % длиной 3–5 слогов, 0,2 % – 13 слогов.

В данном романе дважды встречается неполный ритмический такт (незаконченное предложение, прерванная мысль), когда говорящий колеблется в выборе слова и делает паузу, например: Er war 'stolz darauf, / dass er 'ihr, / auf 'seine / 'Weise, / ein 'bisschen / ver'gelten konnte, / was 'sie / für 'ihn, / ihr 'ganzes / 'Leben / 'lang, / 'ohne müde zu 'werden, / 'tat...

6. Отрывок из повести «*Michael Kohlhaas*» (Генрих фон Клейст). Время звучания – 11 минут. Диктор – мужчина. Всего ритмических тактов в отрывке – 491. В отрывке также доминируют ритмические группы размером в три – пять слогов (58 %), из 13 слогов состоит 1 ритмический такт (0,2 %).

В данном отрывке наблюдается статичность действия, которая достигается при помощи низкой плотности акцентуации (короткий ритмический такт и, как следствие, более напряженный ритм). Например: An den 'Ufern / der 'Havel / 'lebte, / um die 'Mitte / des 'sechzehnten / Jahr'hunderts, / ein 'Roßhändler, / namens 'Michael / 'Kohlhaas, / 'Sohn / eines 'Schulmeisters, / einer der 'rechtschaffensten zugleich / und ent'setzlichsten / 'Menschen / seiner 'Zeit (рис. 6).

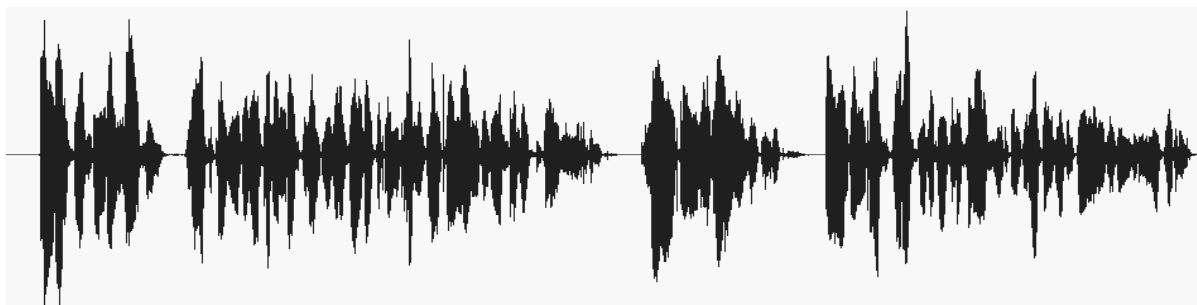

Рис. 6. Графическое отображение формы волны в предложении с низкой плотностью акцентуации

7. Отрывок из рассказа «*Ein Hungerkünstler*» (Франц Кафка). Продолжительность звучания – 10 минут. Диктор – женщина. Всего ритмических тактов в отрывке – 511. Наиболее частотные такты имеют длину 2, 3 и 5 слогов (55 %); 0,2 % составляют ритмические такты длиной 11 слогов.

В отрывке наиболее частотными являются двуслоговые ритмические такты. Возможно, это обусловлено гендерными особенностями, так как диктором является женщина. Традиционно характерной для женщин считается такая особенность речи, как повышенная эмоциональность, получающая выражение в синтаксическом оформлении реплик, а именно в частой паузации [10].

Выводы. Доминирующими ритмическими тактами в немецких звучащих художественных текстах являются такты из трех и четырех слогов. Далее следуют пятисложные такты. Замедление темпа высказывания служит для выделения семантически важных единиц, и двусложные такты занимают четвертое место по частотности. В текстах доминирует переменный тип ритмической организации речи: чередование различных по длине ритмических тактов (от 1 до 15 слогов), что позволяет говорить об аритмичности как основной черте прозаического ритма. Расхождения, выявленные в ритмическом членении тек-

стов, незначительны и объясняются индивидуальной манерой прочтения, а также семантической наполняемостью текста. Кроме того, на формирование ритмической структуры прозаического текста влияют такие средства вторичной ритмизации, как лексические повторы, синтаксический параллелизм и стихотворные вкрапления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Надеина, Т.М. Просодическая организация речи как фактор речевого воздействия: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Т.М. Надеина; Рос. акад. наук. – М., 2004. – 428 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/prosodicheskaya-organizatsiya-rechi-kak-faktor-rechevogo-vozdeistviya#ixzz2eUVTsUeS>. – Дата доступа 10.10.2013.
2. Дудина, С.П. Роль просодической детерминанты просодемного пространства: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.П. Дудина. – Иркутск, 2009. – 19 с.
3. Торсуева, И.Г. Ритм / И.Г. Торсуева // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/416c.html>. – Дата доступа 01.07.2013.
4. Sarezkaja, J.W. Vorlesungen zur deutschen Phonologie / J.W. Sarezkaja. – Mn., 1997.
5. Pabst-Weinschenk, M. Grundlagen der Sprechwissenschaft und Sprecherziehung / M. Pabst-Weinschenk (Hg.). – München; Basel: E. Reinhardt, 2004. – 382 S.
6. Dieling, H. Phonetik lehren und lernen / H. Dieling, U. Hirschfeld. – München, 2000. – 200 S.
7. Зиндер, Л.Р. Общая фонетика и избранные статьи: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Л.Р. Зиндер, Л.В. Бондарко. – 2-е изд., испр. доп. – М.: Академия, 2007. – 576 с.
8. Шишкина, Т.Н. К вопросу о динамическом построении речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Шишкина, Т.Н. – М., 1974. – 23 с.
9. Гельман, Н.И. Фонетические характеристики спонтанной речи: дис. ... канд. филол. наук / Н.И. Гельман. – СПб., 1986. – 223 с.
10. Манухина, И.А. Гендерные особенности речевого поведения / И.А. Манухина // Ползуновский вестн. – 2006. – № 4. – С. 281–284 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pv2006_04/pdf/281%20manu.pdf. – Дата доступа: 03.09.2013.

Поступила 23.10.2013

THE PECULIARITIES OF RHYTHMIC ORGANIZATION OF A LITERARY TEXT READ IN GERMAN

A. LEVITSKAIA, I. LOGVINOVA

The peculiarities of rhythmic organization of literary text read in German are researched. The main elements of rhythm are sequences of stressed and unstressed syllables. German word stress is mainly dynamic, while the stressed and the unstressed syllables appreciably differ in the relative length of their vowel components. Some authors suppose that the stressed syllables in German are longer than the unstressed ones. Hence, German stress appears to be of a double, dynamic and musical nature. The contrast between the stressed and the unstressed syllables results in the division of a phrase into accent groups. The number of accent groups equals the number of stressed syllables. The stressed syllable is the highest point of the rhythm group, adjoined by the unstressed syllables. The rhythm of speech is formed by a set of prosodic means, and is influenced by syntax of the phrase, and by its lexical and semantic content.

УДК 811.161.3

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КЛАСИФІКАЦЫЯ ІНТЭРТЭКСТЭМ

С.У. БАЧКОВА

(Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова)

Інтэртэкстуальнасць як з’ява разглядаецца ў шырокім сэнсе як універсальная ўласцівасць тэксту і ў вузкім сэнсе разумеецца як наяўнасць канкрэтных і яўных адсылак да папярэдняга тэксту. Наўмыснае і ўсвядомленае ўключэнне аўтарам у тэкст фрагментаў іншых тэкстаў фарміруе дыялагічнае ўзаемадзеянне твораў, культур, эпох, якое можа рэалізоўваць розныя функцыі ў тэксце. Інтэртэкстымы ў залежнасці ад значнасці і прадукцыйнасці ў маўленні рэалізуюцца ў розных функцыях у творах беларускай мастацкай літаратуры.

Уводзіны. Адметная асаблівасць беларускай мастацкай літаратуры XX стагоддзя – выкарыстанне інтэртэкстуальных сувязяў як праяўленне звароту да каштоўнасцей сусветнай і рускай культуры. Інтэртэкстыма з’яўляецца сродкам выражэння міжтэкставых сувязяў і характарызуецца як узнаўляльная адзінка. Асноўныя крытэрыі вызначэння гэтай адзінкі – яе вядомасць усім прадстаўнікам нацыянальнай лінгвакультурнай супольнасці, актуальнасць і пастаяннае ўзнаўленне ў маўленні. У вызначэнні інтэртэкстымы мы абапіраемся на погляды расійскага даследчыка К.П. Сідарэнкі і разглядаем яе як «адзінку інтэртэксту, функцыянальна арыентаваную міжтэкстава, міжузроўневы рэляцыйны (суадносны) сегмент зместавай структуры тэксту – сэнсавай, граматычнай (марфемна-словаўтваральнай, марфалагічнай, сінтаксічнай), лексічнай, прасадычнай (рытміка-інтанацыйнай), страфічнай, кампазіцыйнай, – які далучаны да міжтэкставых сувязяў» [1, с. 11].

Інтэртэкстымы з’яўляюцца моўнай формай перадачы інтэртэксту і прадстаўлены рознымі структурнымі адзінкамі мовы, якія наўмысна ўводзяцца аўтарам у тэкст і рэалізуюцца ў розных функцыях: інтэртэкстуальнай, афарыстычнай, аргументацыйнай, палемічнай, экспрэсіўнай, гумарыстычнай, эстэтычнай, вобразнай, намінатыўнай і кампазіцыйнай [2–4].

Мэта дадзенага даследавання – апісаць функцыянальную разнастайнасць інтэртэкстэм у беларускіх мастацкіх тэкстах.

Інтэртэкстуальная функцыя ўласціва ўсім інтэртэкстымам без выключэння. Яна звычайна звязана з выражэннем міжтэкставых сувязяў і ўтварэннем як дадатковых асацыяцый, так і дадатковага сэнсу (падтэксту) твора. Інтэртэкстуальная функцыя рэалізуецца, калі інтэртэкстыма ўжыта з мэтай перадачы міжтэкставай інфармацыі або стымулявання да пошуку інтэртэкстуальнай сувязі. «Практычна любы твор схільны да адкрытасці і можа ўтрымліваць у сабе мноства інтэртэкстуальных сэнсаў: адбываецца непарыўная інтэртэкстуальная ўзаемасувязь твораў зусім розных эпох, а таксама крытычнае пераасэнсаванне мастацкіх тэкстаў, гісторыі, культуры навогул» [3, с. 8]. Напрыклад, *Лабановіч прыгадаў адзін сказ, што пісаў колись пад дыктоўку ў гэтай жа школе, і ўголос вымавіў яго: “Гдзе стол был яств, там гроб стоить”*... Эх, хлопцы, хлопцы! – у засмучэнні гаворыў далей Лабановіч [5, с. 123]. Герой рамана Якуба Коласа «На ростанях» А. Лабановіч звяртаецца да радкоў з верша Г.Р. Дзяржавіна «На смерць князя Мяшчэрскага», у якіх іншасказальна гаворыцца пра цеснае суседства трагічнага і радаснага, каб нагадаць сваім суразмоўцам пра тонкую грань паміж жыццём і смерцю.

Афарыстычная функцыя звязана з абагульненнем, выражэннем важнай думкі. Напрыклад, – *У нас сёння дзень не прапаў дарма, бо ў гэты дзень мы многа смяліся, – заўважыў Лабановіч, – Ніціш вуснамі свайго Заратустры казаў: “Той дзень, калі вы не смеяцеся, прападае для вас.”* [6, с. 76]. Нездарма ў пошуках ісціны і сэнса жыцця героі рамана Якуба Коласа «На ростанях» звяртаюцца да твораў Фрыдрых Ніцшэ. Адчуванне амаральнасці і няўстойлівасці сучаснага свету ўсё больш прыгнятае А. Лабановіча, а цікавасць да творчасці нямецкага філосафа Ніцшэ – спроба знайсці сэнс жыцця. З аднаго боку, А. Лабановіч, звяртаючыся да вядомага выказвання Заратустры, асэнсоўвае драматызм нацыянальнага быцця, а з другога – адкрывае і падкрэслівае прыродна-псіхалагічную сутнасць беларускага народа ва ўсім бачыць станоўчае.

Аргументацыйная функцыя праяўляецца пры ўжыванні інтэртэкстэм як сродку доказу той ці іншай думкі. Напрыклад, у рамана Якуба Коласа «На ростанях» А. Лабановіч, ужываючы вядомы выраз антычнага філосафа Геракліта, выкарыстоўвае яго як аргумент таго, што ў жыцці асобнага чалавека і ўвогуле грамадства заўсёды будуць адбывацца змены: – *Так, дзядзька Сцяпан: жыццё не стаіць на месцы і ўсё на свеце змяняецца* [6, с. 17]; *Яшчэ старадаўні грэчаскі філосаф сказаў: “Усё цячэ і ўсё змяняецца”, прычым усё гэта не абыходзіцца без барацьбы. А ўсё, што мае пачатак, тое мае і канец* [5, с. 87].

Экспрэсійная функцыя інтэртэкстэм праяўляецца пры апісанні эмацыянальнага стану, настрою герояў твора. Напрыклад, *Вам, як бачу я, хацелася б заспяваць: Гром победы, / раздавайся. / Веселись, храбрый Росс. Дык не дачакаецца, Андрэй Пятровіч. Калі ў каго і былі надзеі на перамогу ў пачатку вайны, дык яны хутка развеяліся, як ранішні летні туман.* (Я. Колас. На ростанях) [6, с. 361]. Звяртаючыся да радкоў неафіцыйнага рускага нацыянальнага гімна канца XVIII – пачатку XIX стагоддзя, які з’яўляўся сімвалам пабеды, гераіня рамана, Вольга Віктараўна, іранізуе над узнеслым настроем Лабановіча, над яго памылковым захапленнем вайной і верай у перамогу царскай Расіі ў Першай сусветнай вайне.

Гумарыстычная функцыя адзначаецца, калі дзякуючы ўключэнню інтэртэкстэмы ствараецца камічны або іранічны эфект. Напрыклад, у п’есе А. Макаёнка «Выбачайце, калі ласка» гумарыстычны эфект узнікае, калі гераіня твора, Ганна, трансфармуючы выраз «сабакам сена касіць», які звычайна ўжываецца са значэннямі «бядзяцца дзе-небудзь, займаючыся пустой справай», «знаходзіцца невядома дзе, хаваючыся ад сям’і» расказвае, чаму яна адна гадуе дзяцей: *Ганна. У вас дзетак, відаць, няма? Антаніна Цімафееўна. І без іх клопату хапае. Ганна. Ну, вядома, вядома. А ў мяне іх двое. Без мужа гадую. Антаніна Цімафееўна. А дзе ж ён? Ганна. Сабакам сена касіць. Антаніна Цімафееўна. Сабакам? Ганна. Можна, і кошкам, хто яго ведае* [7, с. 93]. Гумарыстычнае пераасэнсаванне выразу дае магчымасць гераіне п’есы разам з чытачамі іранізаваць над недабрасумленнасцю некаторых бацькоў.

Кампазіцыйная функцыя праяўляецца ў выкарыстанні інтэртэкстэмы як элемента кампазіцыйнай будовы тэксту. Так, у рамана «На ростанях» у эпізодзе сустрэчы А. Лабановіча з Ядвісёй, каб паказаць закаханасць настаўніка, Якуб Колас выкарыстоўвае цытату з верша А.У. Парэцкага, звяртаючыся да вядомых радкоў, якія звычайна цытуюцца пры нечаканай сустрэчы з тым, каго доўга і настойліва шукалі: *– Ах, попалася, пташка, стой, / Не уйдеш з сеті! / Не расстанемся с тобой / Ни за что на свете! – спакойна дэкламаваў Лабановіч, не зводзячы з яе вачэй, любуючыся ёю, шчасліва ўсміхаючыся.* (Я. Колас. На ростанях) [6, с. 152].

Эстэтычная функцыя рэалізуецца, калі інтэртэкстэма ўжываецца як сродак стварэння эстэтычнага эфекту. Напрыклад, *То ж Беларусь – Айчына, / А я – твой сын, ад косці твайі косць, / Кроў ад крыві твайі, мая Айчына.* (С. Дзяргай. Родная мова) [8, с. 28]. Выкарыстанне фразеалагізмаў біблейскага паходжання дапамагае аўтару стварыць эстэтычны кантэкст, падкрэсліць значнасць думкі пра кроўную і ідэйную роднасць чалавека са сваёй Радзімай.

Фатычная функцыя звязана з неабходнасцю дасягнення моўнага кантакту, які можа быць створаны пры дапамозе інтэртэкстэмы. Напрыклад, у рамана Я. Коласа «На ростанях» Лабановіч параўноўвае знаёмых дзяўчат з антычнымі багінямі прыгажосці і вытанчанасці, падкрэслівае іх маладосць і прыгажосць: *– Быць у Панямоні і не пабачыць вас, трох грацый, панямонскіх красунь, было б злчынствам з нашага боку, – пажартаваў Лабановіч* [5, с. 219].

Кумулятыўная функцыя праяўляецца ва ўжыванні інтэртэкстэм у якасці загаловаў і эпіграфаў. Напрыклад, назва твора У. Караткевіча «*Балада аб трыццаці першым сярэбраніку*» з’яўляецца лексічнай трансфармацыяй біблейскай інтэртэкстэмы *трыццаці сярэбранікаў*, якая ўжываецца са значэннем «плата за здраду», «цана здрады» [9, с. 142].

Вобразная функцыя інтэртэкстэмы праяўляецца ў магчымасці стварэння мастацкага вобразу. Напрыклад, *У глушы, дзе туманы белыя, / Дзе жывуць лесуны і трасца, / Як заўсёды, шукалі смелыя / Кветку-папараць, кветку шчасця* (У. Караткевіч. У тую ноч) [9, с. 44]. Гэта інтэртэкстэма – алюзія да вядомай усім славянскім народам легенды, паводле якой у купальскую ноч нібы расцвітае папараць, і той, хто яе адшукае, можа авалодаць усімі зямнымі скарбамі; *Дарослым будзе ён чытаць Купалу, / І замест юнай, з’едлівай Паўлінкі / Паўстане гэты сталы добры твар: / Падобныя яны з іх веселасцю, / З іх голасам, з іх прыгажосцю яснай, / З іх шчырай беларускаю душой...* (У. Караткевіч. На пачатку дарог) [9, с. 13] – алюзія да вобраза Паўлінкі, сімвала маладосці і прыгажосці, з аднайменнай камедыі Я. Купалы.

Палемічная функцыя праяўляецца пры ўжыванні інтэртэкстэмы як аб’екта дыскусіі. Напрыклад, у вершы «У дняпроўскіх хвалях, бы ў калысцы...» У. Караткевіч, звяртаючыся да лацінскага выразу «Усе дарогі вядуць у Рым», нібы палемізуе, не пагаджаецца з гэтай думкай: *Усе шляхі прыводзяць не да Рыма, А да родных вербаў і бяроз* [9, с. 40]. Трансфармацыя вядомага выразу дапамагае аўтару нагадаць чытачу пра каштоўнасць і прыгажосць роднага краю, абудзіць пачуццё патрыятызму.

У тэкстах беларускай мастацкай літаратуры фіксуюцца выпадкі ўжывання інтэртэкстэм у абагульняльнай, імператыўнай, ідэалагічнай, дыдактычнай функцыях, але яны не вызначаюцца прадукцыйнасцю і маюць індывідуальна-маўленчую прыроду.

Адным з значных праяўленняў інтэртэкстуальнасці з’яўляецца абыгрыванне вядомых выразаў. Так, у камедыі «Выбачайце, калі ласка» А. Макаёнка для стварэння камічнага эфекту звяртаецца да вядомых выразаў: *Калібераў. Ах, чорт! (Схапіўся за бок і завываў так, нібы ў яго ў пячонцы сапраўды камень, ды яшчэ і гарачы.) Моцкін (са здэкам). У яго ж камень у пячонках! Бульжнік! (Калібераву.) Кіньце дурня*

строіць! Няёмка. Тут жа людзі глядзяць! Ганна. *За пазухай у яго камень, а не ў пячонках!* [7, с. 158]. А. Разанаў у вершаказе «Год» у слове «год» аб'ядноўвае два значэнні: год – каляндарны прамежак часу; год – бог (Gott) – сімвал часу: *Год – бог (Gott): ён усё ўмяшчае, усё змяняе, усім кіруе, на ўсё накладвае свой адбітак. Рухомы і круглы, нібы карагод, год апяразвае павяззю згоды канец і пачатак, годзе і кагадзе, і тое, што аддаляецца, загадкавым чынам набліжае зноўку* [10, с. 79].

Вынікі. Мова беларускай мастацкай літаратуры насычана інтэртэкстэмамі, якія выступаюць сродкам выражэння міжтэкставых сувязяў і адлюстроўваюць зварот да культурных, гістарычных і сусветных каштоўнасцей. Інтэртэкстэмы наўмысна ўводзяцца ў тэкст, рэалізуючыся ў розных функцыях: інтэртэкстуальнай, афарыстычнай, аргументацыйнай, палемічнай, экспрэсіўнай, гумарыстычнай, эстэтычнай, вобразнай, намінатывай і кампазіцыйнай. Функцыі інтэртэкстэм могуць камбінавацца, пры гэтым паміж імі вызначаюцца цесныя сувязі. Інтэртэкстэмы могуць выконваць адразу некалькі функцый, але разам з гэтым можна заўважыць, што пры канкрэтным ужыванні інтэртэкстэмы адна з функцый заўсёды будзе пераважаць.

ЛІТАРАТУРА

1. Сидоренко, К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова: моногр. / К.П. Сидоренко. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 253 с.
2. Мокиенко, В.М. Словарь крылатых слов и выражений Пушкина / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.
3. Таразевич, Е.Г. Интертекстуальность как текстообразующий фактор в русской и белорусской драматургии конца XX – начала XXI века: дис. ...канд. филол. наук: 10.01.08 / Е.Г. Таразевич; Беларус. дзярж. ун-т. – Минск, 2010. – 205 с.
4. Яковлев А.И. Интертекст в романе А. Белого «Петербург»: структура, семантика, функционирование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.И. Яковлев; Ярославский гос. пед. ун-т. – Ярославль, 2011. – 262 с.
5. Колас, Я. Збор твораў: у 20 т. / Я. Колас. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – Т. 14: Трылогія «На ростанях». Кн. 3. – 429 с.
6. Колас, Я. Збор твораў: у 20 т. / Я. Колас. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – Т. 13: Трылогія «На ростанях». Кн. 1, 2. – 457 с.
7. Макаёнак, А. Выбраныя творы: у 2 т. / А. Макаёнак. – Мінск: Маст. літ., 1980. – Т. 1: П'есы. – 384 с.
8. Дзяргай, С. Вершы / С. Дзяргай. – Мінск: Маст. літ., 1974. – 176 с.
9. Караткевіч, У. Збор твораў: у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1987. – Т. 1: Вершы, паэмы. – 431 с.
10. Разанаў, А. У горадзе валадарыць Рагвалод: Вершаказы і пункціры / А. Разанаў – Мінск: Маст. літ., 1992. – 143 с.

Паступіў 01.08.2013

FUNCTIONAL CLASSIFICATION OF INTERTEXTUAL UNITS

S. BACHKOVA

The phenomenon of the intertextuality in the broad sense can be regarded as a universal property of the text, in the narrow sense it is considered to be the existence of specific and obvious references to the preceding text. The deliberate author's insertion of the extracts from other texts forms dialogic interaction of the works, cultures, and epochs, is realized in different functions in the text. Depending on the significance and productivity in the speech the intertextual units vary in functions in the works of Belorussian Fiction.

РЕЦЕНЗИИ

Сінькова, Л.Д. Паміж тэкстам і дыскурсам: беларуская літаратура XX–XXI стст.: гісторыя, кампаратывістыка і крытыка (літ.-крыт. артыкулы, гутаркі) / Л.Д. Сінькова. – Мінск: Паркус плюс, 2013. – 296 с.

Назва кнігі доктара філалагічных навук, прафесара Л.Д. Сіньковай аб’ядноўвае два полюсы, не геаграфічныя, – тэкст і дыкурс, не лінгвістычныя. Гэта полюсы, што склаліся па законах логікі літаратурнага крытыка і літаратуразнаўцы. Аўтар сама тлумачыць назву кнігі як актуалізаванае літаратуразнаўства: «Дыкурс – гэта таксама тэкст, толькі актуальна прамоўлены, актуалізаваны ў пэўнай сацыякультурнай сітуацыі» [1, с. 3]. У кнізе сабраны, пракаменціраваны, аб’яднаны ў раздзелы, або па праблемах, артыкулы, тэзісы, гутаркі, рэцэнзіі, што былі зроблены Л.Д. Сіньковай-Корань напрацягу больш за дваццаць год. Гэта – кніга-справаздача ці магчымасць самога аўтара перагледзець сваю навуковую дзейнасць, свае крытычныя заўвагі, мысленні наконт літаратурнага працэсу напрацягу дваццаці год. У кнізе сабраныя працы, бібліяграфія і фотаздымкі 1990–2000-х гадоў, закранаюцца гады студэнцтва (у раздзеле VI «Згадкі і гутаркі»), аспірантуры, дактарантуры аўтара.

Але 1990–2000-я гады – гэта і гады палітычных і сацыяльных перамен, што прывялі да істотных змен у літаратурным працэсе. Немагчыма быць паміж тэкстам і дыскурсам. Над працэсам знаходзіцца немагчыма. Нават выбару не дадзена. Аўтар тэксту заўжды ў працэсе камунікацыі, у дыкурсе. І «новая» (старых тэкстаў) кніга Людмілы Сіньковай з’яўляецца прыкладам цвёрдай пазіцыі, якую аўтар прамаўляе, даказвае, абараняе ўжо некалькі дзесяцігоддзяў. У кнізе даследчыца піша і спрачаецца з літаратарамі, калегамі-крытыкамі і калялітаратурным асяроддзем, каментуе, выкладае адну інтэлектуальную традыцыю – традыцыю нацыянальнай самасвядомасці і крытыкі, выкладзеную ў літаратурных тэкстах. Чытаючы тэксты розных гадоў, фіксуеш тры асноўныя кірункі стаўлення Людмілы Сіньковай да беларускай літаратуры – гэта эстэтычныя пошукі, пошукі метадалагічных падыходаў да беларускага літаратурнага працэсу і сцвярджэнне беларушчыны як ідэалагічнага фундаменту айчынай літаратуры.

Аднак чытач налічыць у кнізе восем раздзелаў (вышэй ужо гаварылася, што раздзелы кнігі ўяўляюць сабою пэўныя праблемы айчыннага літаратурнага працэсу) з прадмовай і пасляслоўем у выглядзе спіса публікацый. Аўтар пачынае з праблем кампаратывістыкі (I раздзел «Беларуская літаратура ў параўнальным вывучэнні») і адразу сцвярджае (абараняе ад сэннішніх, у межах нацыянальнай незалежнасці і «адчыненых» замежных кантэкстаў, паспешлівых выніковых высноў пра «непарыўнае – нармальнае! – развіццё беларускай літаратуры са старажытнасці і да нашых дзён» [1, с. 10]) акадэмічную, гачаўска-каваленкаўскую традыцыю дыскрэтнасці і паскаронасці развіцця нацыянальнага літаратурнага працэсу: «Прынцыповы алгарытм развіцця беларускай літаратуры мае на ўвазе адмаўленне ад няхай сабе ўласных, сваіх ідэй, але састарэлых па эстэтыцы; адмаўленне ад тых сваіх традыцый, што перарываліся-перайначваліся іншакультурнай асіміляцыяй у часы, калі нашы землі і насельніцтва знаходзіліся ў тытульна, ідэалагічна небеларускіх дзяржавах – на карысць больш новых, сучасных новым аўтарам іншакультурных ідэй, якія штораз айчыннымі творцамі прыўлашчваюцца – і развіваюцца ўжо як нацыянальныя» [1, с. 11].

У параўнальным літаратуразнаўстве даследчыца прытрымліваецца цвёрдай пазіцыі, арыентаванай не «на “бязмежнае” суаднясенне рознавялікіх і рознаўроўневых мастацкіх з’яў з беларускай і замежных літаратур» [1, с. 25–26], што можа прывесці да прафанацыі зместу літаратуры, а на «разуменне змястоўнага плана канцэптаў, іх семантыкі» [1, с. 26], іх – твораў розных нацыянальных літаратур і культур. Аўтар лагічна даводзіць сваю пазіцыю прыкладам асабістага параўнальнага аналізу літаратурных твораў Івана Навуменкі, Янкі Купалы, Уладзіміра Жылкі з творамі рускіх, польскіх, французскіх і нямецкіх пісьменнікаў у раздзеле II «Літаратурныя кантакты, рэцэпцыя, тыпалогія». Здаецца, выбар літаратуразнаўцам аўтараў і твораў невыпадковы, ён абумоўлены эстэтычнымі прыхільнасцямі літаратуразнаўцы да рамантызму, неарамантызму, сімвалізму – стылістыцы ліра-псіхалагічнага пісьма, з якім, словамі самой Сіньковай, звязаны «вельмі энергічна» «нацыянальна-патрыятычны пафас» [1, с. 49].

У другім раздзеле даследчыца друкую і невялікія, тэзісныя, але вельмі дакладныя агляды развіцця беларускай сучаснай літаратуры на польскай і нямецкай мовах (зробленых у адпаведных замежных штудыях), падкрэсліваючы, з аднаго боку, дамінаванне кансерватыўна-традыцыйнай тэндэнцыі ў развіцці беларускай літаратуры, але, з другога (дакладней з апошняга дваццацігоддзя) – з’яўленне «нацыянальнай літаратуры постмадэрнісцкай вольнасці, іроніі, экспансіі інтэлекту» [1, с. 68].

Суаднясенне беларускай і польскай культуры, як і разгляд эміграцыйнай беларускамоўнай літаратуры, накіраваны пэўнымі гістарычнымі сацыяльна-палітычнымі ўмовамі або тымі самымі «перарывамі»,

або «іншакультурнай асіміляцыяй», таму невыпадкова працягам параўнальных «штудый» Людмілы Сінковай робіцца разгляд польскай і эміграцыйнай літаратуры у раздзеле III «Літаратура на беларуска-польскім памежжы і за акіянам». Свой разгляд аўтар пачынае з тэкстаў рамантычнай і нацыянальнай міфалагічнай традыцыі, такім чынам ізноў сцвярджаючы сваю эстэтычную прыхільнасць. Сінкова пачынае з разгляду творчасці А. Міцкевіча, тым самым даследчыца становіцца (у гэтым дыскурсе апошніх дзесяцігоддзяў) на акадэмічную пазіцыю вызначэння Адама Міцкевіча як польскага пісьменніка. Даследчыца прыводзіць прыклады працягу яго рамантычнай традыцыі ў творчасці беларускіх пісьменнікаў М. Багдановіча, У. Жылкі і У. Караткевіча, які, па словах Л. Сінковай, «стварыў для Беларусі ўзоры тыпалагічна “міцкевічаўскага” рамантызму, гэтаксама і адпаведнай беларускай міфатворчасці» [1, с. 75].

Далей, аналізуючы паэтыку Н. Арсенневай і Я. Юхнаўца, даследчыца падкрэслівае дзве галоўныя агульныя светапоглядныя асновы творчасці беларускіх пісьменнікаў у свеце: «Уся літаратура беларуская карэніцца ў міфапаэтычнай нацыянальнай спадчыне; гэта адна з важнейшых рыс беларускай эстэтыкі і мастацкай традыцыі, якая асабліва доўга заставалася сінкрэтычнай, мусіла вяртацца да сінкрэтычнасці. Другая такая рыса – адмысловае спалучэнне, кантамінацыя паганства з рэлігійным (або, дакладней, фэнаменальная здольнасць кантамінаваць у нацыянальным космасе істотна розныя рэлігійныя пачаткі)» [1, с. 98].

Мужным, на наш погляд, учынкам Л. Сінковай, прадстаўленым у гэтым раздзеле, з’яўляецца яе рэфлексія на мемуарыстыку беластоцкіх пісьменнікаў (Я. Жамойціна, А. Калубовіча, К. Акулы, («Актуалізацыя мемуарыстыкі Беластоцчыны (з кнігі «Лёс аднаго пакалення») у сучаснай беларускай літаратуры»)). Даследчыца зноў супастаўляе айчынныя (з Беларусі) аўтараў-мемуарыстаў (Л. Геніюш, П. Крэня, В. Хомчанку, П. Пруднікава, С. Грахоўскага, М. Аўрамчыка) і мемуарыстаў замежжа. На гэты раз – у іх адлюстраванні ваянных падзей, лагерных трагедый, нацыянальнага руху. Сінкова акцэнтую на дамінанце беларушчыны ў замежных аўтараў, а таксама на псіхалагізме і гістарызме адлюстраваных імі падзей, мастацкай здольнасці звязаць сусветныя падзеі з лёсам асобнага чалавека. Менавіта мемуарная літаратура замежных аўтараў, з яе матывамі нацыянальнай Галгофы, спарадзіла, на думку даследчыцы, увасабленні «голасу крыві брата твайго...» (назва рамана В. Адамчыка) у сучаснай (айчыннай) мастацкай літаратуры. Такім чынам, узаемапрапранікненнем, мастацкім дыялогам напрыканцы XX стагоддзя творыцца «гіпертэкст беларушчыны» [1, с. 158].

Сінкова прытрымліваецца акадэмічнага падзелу беларускай літаратуры на літаратуру замежжа і метраполіі (вызначэнне Л. С.), нягледзячы на тое, што ў апошнія гады многія літаратурныя крытыкі гавораць пра творы аўтараў Беларусі і, напрыклад, Беластоцчыны як пра адзіны беларускі літаратурны працэс. Аўтар вызначае літаратуру метраполіі як асобную, са сваімі гістарычнымі і эстэтычнымі традыцыямі. Разуменьчы разбуральны ўплыў на развіццё беларускай літаратуры XX стагоддзя сацыялістычнага рэалізму, даследчыца вызначае «эстэтычную нетоеснасць» [1, с. 111] твораў У. Дубоўкі, У. Жылкі, К. Чорнага, В. Быкава, І. Навуменкі, М. Стральцова, Л. Дранько-Майсюка пануючай савецкай дактрыне (раздзел IV «З плёну метраполіі»). Сінкова зноў вылучае рэфлексійны, інтэлектуальны, лірычны складнік паэтыкі названых аўтараў. Нават у прызнанага рэаліста В. Быкава бачыць «твар вялікага рамантыка» [1, с. 116] і рысы Дон Кіхота. Менавіта творчасць такіх аўтараў – ёсць паступовая набліжэнне новага адраджэння другой паловы 1980-х. І пасля перабудовы эстэтычныя прыхільнасці даследчыцы застаюцца на баку рафінаванай паэзіі Л. Дранько-Майсюка, бо «паэт рафінаванай культуры не можа быць асацыяльным, быць хамам або манкуртам» [1, с. 155], бо дзеля адраджэння нацыянальнай літаратурнай традыцыі неабходна «здольнасць у рафінаваных мастацкіх формах выяўляць галоўнае: анталагічныя (быццёвыя) і аксіялагічныя (каштоўнасныя) канстанты беларускай культуры» [1, с. 156]. Ізноў Л. Сінкова дэкларуе «трымурці» сваёй пазіцыі: «Любоў да Красы» [1, с. 186], патрыятызм (малой Радзімы) і беларушчыну.

У сваіх крытычных аглядах творчасці таго ці іншага пісьменніка літаратуразнаўца прытрымліваецца акадэмічнай манеры дакладнага (фактаграфічнага) гісторыка-культурнага аналізу. Яна сама прызнае прыярытэт такога падыходу, калі, напрыклад, гаворыць пра імкненне літаратуразнаўцы Я. Чыквіна «да акадэмічнай дакладнасці, да выверанасці фактаў і спасылак на імёны, сітуацыі, крыніцы, ён не дапускае той фантазійнай неабгрунтаванасці ў літаратурна-крытычнай працы, якую часам хаваюць за цэтлікам «эсэсізм» – там, дзе насамрэч навідавоку простая паспешлівасць або залішняя самаўпэўненасць крытыка» [1, с. 186] (з раздзела V «Беларуская літаратура ў ацэнках даследчыкаў»). Аўтарытэтамі для самой даследчыцы сталі працы Я. Чыквіна з яго выкарыстаннем метадалогіі біяграфічнай школы; У. Калесніка, дзякуючы працам якога імёны літаратараў Заходняй Беларусі не зніклі з поля бачання літаратуразнаўства; настаўніка аўтаркі – Алега Лойкі, які і ў часы перабудовы «не спакусіўся» посткаланіялізмам, або транскультурнасцю, або «гульнёвымі камбінацыямі сімулякраў», а працягваў асэнсаванне «гісторыка-культурнай канкрэтыкі (ад якой усё часцей абстрагуюцца як ад прыкметы “архаічнага нацыянальнага дыскурсу”))» [1, с. 166]. Пры гэтым сучасныя транскультурныя штудыі аўтар кнігі ўспрымае як «дэвальвацыю і дэскрэдытацыю як нацыянальнага, так і ўвогуле этнічнага», як «апафеоз маргінальнасці, пры тым што традыцыя заўсёды будзе складаць процівагу энтрапіі» [1, с. 166].

Сінькоўская пазіцыя абаронцы акадэмічнага дыскурсу асабліва ваяўніча падаецца ў раздзеле VII «Крытыка». Тут аўтар зноў абараняе («Апалагетыка» – назва аднаго з падраздэлаў) класічную гачаўска-кавалеўскую тэорыю развіцця беларускай літаратуры і крытыкуе новы авангард нацыянальнага літаратурнага працэсу, які справакаваў новы-стары этычны парадокс у асэнсаванні нацыянальнага шляху. Парадокс, на думку Сіньковай, заключаецца ў тым, што сучасны літаратурны авангард – інфантальная, не змястоўная з’ява. Даследчыца нават прыходзіць да думкі аб немагчымасці ў беларускім кантэксце глабальнай, рэпрэзентатыўнай нашым духоўным патрэбам авангарднай літаратуры, таму што яна не супадае з беларускай ментальнасцю, якая развіваецца «катастрафічна, а не эвалюцыйна», таму авангарднае, або «ўсё, патэнцыяльна здатнае да самадастатковага гарэзавання, штукарства, гульні, – геданістычных або ёрніцкіх, – з цяжкасцю знаходзіла сваю нішу ў нашай культуры» і аказвалася «на перыферыі беларушчыны»: «Пакуль жа існуе нацыянальна-культурная патрэба ў самаўсведамленні і самасцвярджэнні, змястоўнасць будзе запатрабаваная безумоўна больш, чым чыстая інтэнцыя» [1, с. 226].

Літаратуразнаўчым, культуралагічным і мастацкім тэкстам некаторых дзеячоў сучаснага літаратурнага працэсу (С. Балахонава, А. Бахарэвіч, Е. Вежнавец, М. Мартысевіч, М. Матрунчык, І. Бабкова, Ул. Ахроменкі, В. Акудовіч, С. Дубаўца, Ю. Залоскі і інш.) Л. Сінькова надае адпаведную назву – «маргінальная беларушчына» [1, с. 234]. Даследчыца, для якой заўжды беларушчына была ідэалогіяй літаратуры, не можа замірыцца з апалітычнай пазіцыяй многіх з гэтых аўтараў, зыходам у жанры масавай культуры ці інтэлектуальную гульню, са зваротам да маленькага (не гераічнага) чалавека. Такая пазіцыя аўтара, як нам здаецца, таксама ёсць «плён метраполіі», або традыцыя літаратурных крытыкаў, выхаваных савецкай ідэалогіяй, патрабаваць ад літаратара пэўнай грамадзянскай пазіцыі. І маргінальнасць, або асацыяльнасць, яшчэ не ёсць паказчык сімуляцыі беларускамоўнага літаратурнага працэсу (як сцвярджае Л. Сінькова напрыканцы сваёй кнігі). Яна, новая-старая маргінальнасць, падобна на хаванне ў «вежы са слановай косткі», або на спробу эстэтычнага захавання беларускамоўнага дыскурсу ў неспрыяльных для яго палітычных умовах білінгвістычнай дзяржаўнай культуры.

Такім чынам, кніга старых тэкстаў Л. Сіньковай з’яўляецца прыкладам паступовага цэласнага выкладання свайго бачання развіцця беларускай літаратуры ў XX–XXI стагоддзях, з якім можна спрачацца, але нельга яго ігнараваць, настолькі яно лагічна звязана з мастацкімі тэкстамі, з нашай рэчаіснасцю, сацыяльна-культурнымі кантэкстамі Беларусі.

ЛІТАРАТУРА

1. Сінькова, Л.Д. Паміж тэкстам і дыкурсам: беларуская літаратура XX–XXI стст.: гісторыя, кампаратывістыка і крытыка (літ.-крыт. артыкулы, гутаркі) / Л.Д. Сінькова. – Мінск: Паркус плус, 2013. – 296 с.

*Н.Б. Лысова, кандыдат філалагічных навук, дацэнт
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ГЕНДЕР И ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

ПЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

(Полоцк, 31 октября – 1 ноября 2013 года)

С 31 октября по 1 ноября 2013 года кафедра английского языка историко-филологического факультета Полоцкого государственного университета проводила очередную, пятую международную научную конференцию «Гендер и проблемы коммуникативного поведения».

Организация конференции по данной проблематике стала традицией на Полоцкой земле и весьма ожидаемым и запоминающимся событием научной жизни региона и Беларуси. Конференция под таким названием проводится уже в пятый раз, собирая участников не только из университетов Беларуси, но и России, Украины, Польши. Заявки и материалы для пятой (отчетной) конференции прислали 93 исследователя из 16-ти университетских городов названных стран. В работе приняли участие признанные авторы крупных и широко известных трудов и монографий по проблемам гендера в Беларуси: *доктор филологических наук, профессор В.И. Коваль; доктор филологических наук, профессор В.А. Маслова; доктор исторических наук профессор И.Р. Чикалова, кандидат филологических наук, доцент С.В. Колядко.*

На **пленарном заседании** было заслушано 12 докладов. С докладом «Гендерная идеология белорусского государства: от концепта равных прав к концепту равных возможностей» выступила **И.Р. Чикалова** (Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка). В своем исследовании Чикалова показала, что основным полем противостояния либеральной и консервативной идеологий в Беларуси в перспективе будет не проблема политического или иного участия мужчин и женщин в деятельности общества и семьи, а широкая идея репродуктивных прав и репродуктивных технологий. Данная идея перестанет соотноситься исключительно с так называемым «женским вопросом», но станет водоразделом между консервативным и либеральным лагерями общества. Личное действительно станет политическим.

Важнейшей проблеме гендерных исследований посвятила свое выступление член Союза писателей России **С.Н. Кайдаш-Лакишина** (Москва), обрисовав и проинтерпретировав *проблему материнства в историческом аспекте*. В заключение автор отметила, что увлечение гендерными проблемами, к сожалению, сфокусировало внимание лишь на взаимоотношениях полов и их борьбе друг с другом. Материнство оказалось вне поля зрения. Между тем именно состояние материнства в обществе является барометром зрелости и человеколюбия в нем, определяет крепость его основания и устойчивости. В конечном результате, оно определяет и взаимоотношения полов, мужчин и женщин.

Лингвистический аспект проблемы гендера обсуждался в целом ряде выступлений: **В.А. Маслова** (Витебский государственный университет, Беларусь) предложила вниманию участников доклад на тему «*Становление гендерной лингвистики, ее философские основания*», в котором сделала аналитический обзор актуальных работ по гендерной лингвистике, в том числе самых последних. Автор проследила этапы становления данного направления науки в постсоветском пространстве – в странах СНГ, уделила пристальное внимание развитию гендерной лингвистики в Беларуси; **В.И. Коваль** (Гомельский государственный университет, Беларусь) в своем выступлении «*Сказка о Красной Шапочке как гендерно маркированный текст*» представил результаты исследования известной сказки в аспекте гендера, убедительно показав, что в сказочном тексте о Красной Шапочке отражены глубинные представления, связанные не только с цветовыми, зоонимическими и предметными архетипическими символами, но и с особенностями гендерно обусловленного коммуникативного поведения; **М.Д. Путрова** (Полоцкий государственный университет, Беларусь) в докладе «*Речевые действия обещания в аспекте гендера*» продемонстрировала новые данные о, казалось бы, наиболее изученной группе перформативных речевых действий – обещаниях. Автор уточнила и дополнила их базисные категориальные свойства, интерпретировала количественные показатели их употребительности в четырех сопоставляемых культурах (белорусской, русской, английской и американской), эксплицировала некоторые типичные особенности языкового воплощения обещаний в зависимости от гендерной идентичности говорящего субъекта; весьма интересное сообщение было сделано исследователями из Польши **Т. Чижевским и Д. Маевич-Чижевской** (Институт англистики Гданьского университета), установившими, что даже *чтение вслух специально отобранного списка односложных слов имеет гендерную специфику*. Особенно интригующими представляются различия в крутизне падения тона, значительно более ярко выраженные в чтении женщин. Примечательно, что дли-

тельность звучания слова при этом остается примерно идентичной и не обнаруживает гендерной специфики. Авторы усматривают культурно-социальные основания для отмеченных различий, отказывая в значимости биологическому фактору.

Вопросы литературы в аспекте гендера также были освещены в целом ряде выступлений: **С.В. Колядко** (НАН Беларуси, Минск) представила основательное исследование на тему «*Самаідэнтыфікацыя аўтара праз прызму “жаночага” і “мужчынскага” пісьма*», показав, что литературный канон в Беларуси не принимает во внимание гендер как категорию интерпретации и критики, но в современных критических трудах наблюдается все более частое обращение к гендерным механизмам как способу прочтения художественного произведения. Глубокий анализ новейших белорусских поэтических текстов позволил исследовательнице получить данные, показывающие, что в современной белорусской поэзии прослеживаются процессы самоидентификации авторов сквозь призму «женского» и «мужского» письма. При этом «чалавек разгублены» (человек растерявшийся) оказывается не только маской героя многих поэтических произведений, но и самоопределением самих авторов; **Б. Уильямсон** (Гданьский университет, Польша) выступила с докладом «*Г. Джеймс, Л.М. Алкот и “Осторожная маленькая девочка”*», посвященным интерпретации не только данного произведения, но и отклику на него Г. Джеймса. Исследовательница обратила внимание на агрессивный характер отзыва Джеймса, заметив, что данная агрессивность весьма противоречит установленному ею сходству в писаниях названных авторов, но великолепно соотносится в своей сути со всем тем, что молодой Джеймс не выносил. А не выносил он как раз все то, что можно обозначить как «женское»; **Ю.В. Стулов** (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь) посвятил свое выступление событиям в Атланте сквозь призму гендера, проанализировав роман известной чернокожей американской писательницы Тони Кейд Бамбары «*Это останки не моего ребенка*». Данный роман на документальной основе описывает события в Атланте в 1979–80 годы, когда погибли или исчезли 28 чернокожих детей. Страшные эпизоды в жизни города представлены через восприятие семьи Спенсеров с упором на гендерный подход; **Е.И. Трофимова** (Московский государственный университет, Россия) предложила участникам результаты работы на тему «*Чарская, Чуковский, Маршак: необъявленная война*», в котором исследовала с позиции известных теорий дискриминации отношения, сложившиеся между известными деятелями литературы в менее изученный, послереволюционный период деятельности Чарской; **И.Н. Андреева** (Полоцкий государственный университет, Беларусь) представила результаты исследования *выраженности темперамента и личностных свойств, способствующих социально-психологической адаптации, у лиц с различным уровнем инструментального эмоционального интеллекта*. В докладе анализируются различия в выраженности свойств темперамента, эмоциональной креативности, личностных свойств по Р. Кеттеллу и характеристик социально-психологической адаптации между лицами с различным уровнем эмоционального интеллекта с учетом гендерных различий. Обнаружено, что лица обоего пола с высоким уровнем инструментального эмоционального интеллекта (ЭИ как способности) характеризуются более высоким уровнем развития социального темпа, способности к обучению на базе предшествующего эмоционального опыта, общего интеллекта, адаптивных способностей, самоприятия, эмоционального комфорта, интернальности. Для женщин с высоким уровнем инструментального ЭИ свойственны социальная пластичность, для мужчин – социальная эргичность, эмоциональная креативность, эффективность и аутентичность эмоций. Отмечается, что повышение инструментального ЭИ способствует успешной социально-психологической адаптации, в то время как снижение – препятствует ей; выступление **Е.Г. Таревой** (Московский городской педагогический университет, Россия) на тему «*Гендерный фактор в иноязычном образовании: дань моде или требование времени?*» проиллюстрировало размышления о значимости феномена гендера для лингводидактики. В докладе обосновывается значение гендера для системы человековедческих наук. Доказывается необходимость применения гендерного подхода к обучению иностранным языкам, осуществляемому согласно постулатам межкультурной парадигмы. Раскрываются возможные направления гендерных исследований в области лингводидактики. Подчеркивается неизбежность гендерной специализации содержания иноязычного образования, контента учебника по иностранному языку как основного средства обучения, а также изменений в области социально-ролевого статуса субъектов образовательного процесса.

Почти все затронутые в пленарных выступлениях проблемы рассматривались также и в **выступлениях на секциях**, освещая их в несколько других ракурсах, дополняя и уточняя самые разные их аспекты. Кроме того, на каждой секции обсуждались и вопросы, не получившие освещения в пленарных докладах.

Так, **секция, занимавшаяся рассмотрением культурно-цивилизационных оснований гендера и коммуникативного поведения**, заслушала и обсудила следующие выступления:

➤ К вопросу об основании города Витебска киевской княгиней Ольгой (А.Н. Дулов, Д.В. Юрчак, Витебский государственный университет).

➤ Гендерно-этическая журналистика: обзор рекомендаций Всемирной ассоциации христианских коммуникаций и Международной федерации журналистов (П.И. Иванько, Фонд ООН в области народонаселения в Беларуси).

➤ Сацыяльна-рэлігійныя ўзаемаадносіны насельніцтва Жаснянскай гміны ў 1921–1939 гадах: гендэрны аспект (Е.Н. Изергина, Полоцкий государственный университет).

➤ Особенности форм занятости сельских женщин в общественном производстве в межвоенный период (1918–1930-е гг.) (И.В. Лавриновская, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск).

➤ Мудрология как философия духа личности в современном обществе: ценностные критерии и наставления (П.Н. Лисовский, Институт социальных наук и самоуправления Межрегиональной академии управления персоналом, Украина).

➤ «Мужчынка» і «жаночас» ў рытуальнай прасторы традыцыйнага беларускага вяселля (В.И. Мишина, Полоцкий государственный университет).

➤ Использование образа волка для концептуализации структуры пространства в традиционной культуре белорусов (П.И. Мишин, Полоцкий государственный университет).

➤ Материнство как социокультурный феномен в истории философии (Е.С. Потрсова, И.В. Азевич, Полоцкий государственный университет).

➤ Гендарны падзел працы ў памешчыцкай гаспадарцы Беларусі ў XIX стагоддзі (на падставе работы Г. Цюндзявіцкай “Літоўская гаспадыня” і Л. Цверчакевіч “Курс гарадской і вясковай гаспадаркі для жанчын”) (С.О. Шидловский, Полоцкий государственный университет).

Первая и вторая лингвистические секции занимались рассмотрением вопросов, связанных с функционированием языка и репрезентацией гендера языковыми средствами. Присутствовавшие на заседании участники конференции заслушали и обменялись мнениями по следующим проблемам:

➤ Рэпрэзентацыя гендэрных метрычных стэрэатыпаў у беларускай і англійскай фразеалогіі (О.А. Артемова, Белорусский государственный университет, Минск).

➤ Асаблівасці мастацкай антрапанімікі ў творах беларускіх аўтараў першай трэці XX стагоддзя. (Е.И. Белая, Барановичский государственный университет).

➤ Языковое выражение обобщенных представлений о роли материнства в современном романе (Е.О. Бобровская, Белорусский государственный университет, Минск).

➤ Английские и русские пословицы о материнстве как часть национальной языковой картины мира (Е.О. Глазко, Полоцкий государственный университет).

➤ «Прототипы» метрических нарушений в поэзии Джеффри Чосера (Н.Н. Дуринова, Саратовский государственный университет, Россия).

➤ Влияние гендерных ролей на построение высказываний, основанных на парадигматическом ассоциативном биноме MAN → WOMAN (К.А. Иванова, Минский государственный лингвистический университет).

➤ Гендерная маркированность вербализации категории «экспрессивность» в текстах СМИ (О.П. Казакова, Полоцкий государственный университет).

➤ Проявление гендерных стереотипов в пословицах и поговорках (на материале белорусского и английского языков) (О.Е. Красовская, Полоцкий государственный университет).

➤ Намянацыі асобы, звязаныя з мовай і маўленнем, у беларускай і нямецкай мовах (М.Н. Кузнецова, Гродненский государственный университет).

➤ Содержание понятия «ужас» в произведениях Н.В. Гоголя и Ги де Мопассана (И.Г. Лебедева, Полоцкий государственный университет).

➤ Организация ритмических тактов при чтении вслух художественных текстов на немецком языке (И.В. Логвинова, Полоцкий государственный университет).

➤ Гендерные особенности языка и их влияние на коммуникативное поведение (И.В. Матросова, Луганский национальный университет, Украина).

➤ Гендерная асимметрия в языковой картине мира белорусов (А.Е. Оксенчук, Витебский государственный университет).

➤ Особенности чтения вслух на иностранном языке (Е.Н. Потапова, Полоцкий государственный университет).

➤ Корпусной подход к исследованию гендерно обусловленной специфики газетного дискурса Гродненщины (Л.В. Рычкова, Гродненский государственный университет).

➤ Ономастическое пространство поэзии Евдокии Лось (*Т.П. Слесарева*, Витебский государственный университет).

➤ Агрессивные тактики в политическом тексте: гендерный аспект (*Е.А. Тихомирова*, Белорусский государственный университет, Минск).

➤ Национальная специфика репрезентации диминутивности в английских и белорусских пословицах и поговорках (*Е.Н. Храмцова*, Полоцкий государственный университет).

➤ Валентность глаголов в немецком и русском языках (на примере глаголов движения) (*И.В. Чеботарская*, Полоцкий государственный университет).

➤ Дынаміка фарміравання катэгорыі агульнага роду і ўжыванне агентыўных назоўнікаў на **-ца** (*Е.Д. Щасная*, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск).

➤ Категория неопределенности в гендерном измерении (*И.Ю. Эсаулова*, Луганский национальный университет, Украина).

Гендерной проблематике в литературе были посвящены выступления на **четвертой секции** конференции, в которых докладчики представили результаты исследований на следующие темы:

➤ Другой как объект-причина желания в романе Ф. Проуз «Голубой ангел» (*Т.А. Конева*, Полоцкий государственный университет).

➤ Образ лирической героини в любовной лирике Э. Миллей и К. Буйло (*И.С. Криштон*, Барановичский государственный университет).

➤ Метафора во введении к роману «Тело» Е. Бакуниной: гендерный аспект (*Н.В. Летаева*, Одиноцкий гуманитарный институт, Россия).

➤ Влияние женщины на творчество мужчины в посмертно изданных произведениях Э. Хемингуэя (*О.А. Лукьянова*, Полоцкий государственный университет).

➤ Репрезентация гендера в художественном произведении (*Л.В. Первушина*, Минский государственный лингвистический университет).

➤ Жаночыя вобразы ў творах М. Гарэцкага пра Першую сусветную вайну (*З.И. Третьяк*, Полоцкий государственный университет).

➤ Выяўленне гендарных узаемаадносін у сучаснай беларускай прозе (*Т.А. Фицнер*, Гомельский государственный университет).

➤ Отклонение от гендерных стереотипов в балладах сборника В. Скотта «Песни шотландской границы» (*Е.С. Чулова*, Полоцкий государственный университет).

Психолого-педагогические основы гендера и гендерные проблемы в лингводидактике явились объектом анализа в выступлениях на пятой секции конференции, обсудившей следующие доклады:

➤ Аудиокнига: психологические особенности слушания как коммуникативного умения и вида учебной деятельности (*Т.В. Беляй*, Полоцкий государственный университет).

➤ Особенности проявления социально-психологической дезадаптированности у студентов технических специальностей высшего учебного заведения (*А.А. Иванова*, Витебский государственный университет).

➤ Формирование гендерного понимания учителя иностранного языка при обучении в вузе (*А.В. Конышева*, Белорусский национальный технический университет, Минск).

➤ К вопросу об индивидуализации в обучении иностранному языку в аспекте гендера (*И.Л. Костюченко*, Полоцкий государственный университет).

➤ Гендерный аспект успешности молодых женщин (*С.В. Остапчук*, Полоцкий государственный университет).

➤ Формирование ценностного отношения к профессиональной педагогической деятельности: гендерный аспект (*М.М. Сироткина*, Полоцкий государственный университет).

➤ Гендерные особенности эмоционального развития детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста (*И.В. Фруцкая*, Полоцкий государственный университет).

➤ Читатель-школьник XXI века: модель чтения, гендерные отличия (*Л.И. Шевцова*, Витебский государственный университет).

Выступая на **заключительной дискуссии**, посвященной заявленным на конференции проблемам, ее участники отметили, что в настоящее время гендерные исследования переживают этап рефлексии, обдумывания направлений дальнейшей работы и адекватности предложенных теорий. В течение последних трех-пяти лет появилось некоторое количество монографий, исследующих воплощение гендера на различном материале и с разных точек зрения.

Вместе с тем наблюдается некоторая изолированность гендерного сообщества от широкой научной общественности, прослеживается определенное предубеждение в отношении гендерной проблема-

тики в науке, вопросы гендера редко находят отражение в планах конференций, ежегодно в значительном количестве проводимых в стране. Несмотря на определенное развитие гендерных исследований в Беларуси и особенно в Российской Федерации и Украине в последние годы, рассмотрение гендерных аспектов языка и коммуникации продолжает оставаться недостаточно изученной областью.

Конференция в Полоцком государственном университете данный пробел заполняет, предоставляя исследователям разных направлений возможность обсудить результаты своего труда, участвовать в дискуссиях по разным аспектам гендера, его воплощения в языке и коммуникативном поведении.

Каждый из представленных на пленарном заседании докладов соответствовал тематике конференции, отличался глубиной и актуальностью поставленной проблемы и представлял собой особое направление в исследовании гендера. В своей совокупности (12 выступлений на пленарном заседании и 44 на секционных) представили исчерпывающую картину междисциплинарных исследований гендера в стране на современном этапе, показали значимость и полезность междисциплинарных подходов, манифестированных в названиях секций конференции.

Основными выводами конференции можно считать следующие:

♦ Гендер является важнейшим фактором модификации коммуникативного поведения, вербального и невербального, что отражается в языковых воплощениях самого разного плана: актуальном говорении, чтении вслух, письме, текстах художественной литературы, дидактическом поведении, исторических судьбах.

♦ Специфика состояния гендерных исследований в лингвистике, литературоведении и других связанных с гендером областях состоит сегодня в том, что состоявшиеся исследователи, располагая обширным и ценным опытом в теории и практике научной работы в своих областях, почти не знакомы с методологией и направлениями гендерного подхода, онтологией гендера, сводя всю проблематику гендера к нашумевшим политизированным теориям ранней феминистики.

♦ Для изменения сложившейся ситуации требуется регулярное проведение конференций по проблемам гендера, активное участие в других семинарах и симпозиумах, публикация работ в научных журналах для оповещения научной общественности об уже имеющихся результатах исследований и вовлечения ее в диалог и рефлексию о гендере.

♦ На данном этапе требуется специальное акцентирование внимания на том, что тема гендера предполагает изучение поведения не только женщин, но и мужчин. Лики маскулинности так же интересны для исследователей данного направления, как и воплощения фемининности. Тем более что в любой культуре они не изолированные сущности, а дополняющие друг друга линии поведения, разновидности мировидения, знание которых позволяет сделать более сбалансированный и отвечающий действительности вывод о языке, культуре, истории, литературе, педагогике, лингводидактике общества.

♦ Тема конференции актуальна, она предлагает научной общественности включиться в размышления о действительно новом, совсем или почти неизученном феномене.

♦ Особая заслуга конференции состоит в привлечении значительного количества молодых исследователей, аспирантов и магистрантов, многие из которых представили на секционные заседания по-настоящему хорошие доклады.

Исходя из сказанного, участвующие на конференции исследователи одобряют инициативу кафедры английского языка и центра гендерных исследований Полоцкого государственного университета и рекомендуют продолжить регулярное проведение конференций по проблемам гендера и коммуникативного поведения для следующих *целей*:

♦ способствовать расширению и углублению исследований по тематике конференции в стране и мире в целом;

♦ регулярно представлять академическому сообществу результаты работ в указанной области;

♦ продолжать привлекать к работе над темой не только лингвистов, но и специалистов самых разных аспектов изучения человека.

**М.Д. Путрова, кандидат филологических наук, доцент
(Полоцкий государственный университет)**

ТВОРЧАСЦЬ АРКАДЗЯ КУЛЯШОВА Ў ДЫЯЛОГУ СЛАВЯНСКІХ ЛІТАРАТУР: ТРАДЫЦЫІ, НАВАТАРСТВА, НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АДМЕТНАСЦЬ

РЭСПУБЛІКАНСКАЯ НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ

(Мінск, 29 студзеня 2014 года)

У 2014 годзе спаўняецца сто год з дня нараджэння аднаго з класікаў беларускай літаратуры Аркадзя Куляшова. Менавіта гэта стала нагодай для арганізацыі канферэнцыі Цэнтрам даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі і, у прыватнасці, Інстытутам мовы і літаратуры імя Якуба Коласа.

Урачыстае адкрыццё канферэнцыі пачалося з прывітальнага слова А.І. Лакоткі, *дырэктара Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі; Г.П. Паішкова, першага сакратара Саюза пісьменнікаў Беларусі; А.А. Кавалені, акадэміка-сакратара Аддзялення гуманітарных навук*, які прапанаваў звярнуцца да Прэзідыума НАН з прапановай падрыхтаваць і выдаць збор твораў А. Куляшова.

На адкрыцці канферэнцыі *дырэктарам Дзяржаўнага музея гісторыі беларускай літаратуры Л.В. Макарэвіч* была прадстаўлена падрыхтаваная гэтым жа музеем выстава «Ад Бесядзі да акіяна». Удзельнікі канферэнцыі атрымалі магчымасць пазнаёміцца з дакументамі і ўнікальнымі, нябачанымі раней фотаздымкамі з фотаархіва У. Крука. Асобна была адзначана як вельмі каштоўная для супрацоўнікаў музея кніга Т. Голуб «Летапіс жыцця і творчасці Аркадзя Куляшова», выдадзеная ў 2012 годзе.

Асабліва цікавым на адкрыцці канферэнцыі быў выступ унука А. Куляшова – *У.Х. Берберава*. Ён раскажаў пра дзеда, як вельмі зацікаўленага назіральніка, выдатнага шахматыста, чалавека з добрымі камбінаторнымі здольнасцямі. Апошняе стала прычынай таго, што А. Куляшоў не перапісваў свае творы, не пакінуў нашчадкам варыянты рукапісаў. Гэтыя камбінаторныя здольнасці перайшлі ў спадчыну і яго сынам-матэматыкам.

Пленарнае пасяджэнне распачаў *А.І. Бельскі* дакладам «Паэтычны сусвет Аркадзя Куляшова», прадставіў паняцце паэтычнага свету, яго структуру і параметры, вызначыў паэтычны свет А. Куляшова як зямны і касмічны, прыродацэнтрычны, а яго вершы ахарактарызаваў як філасофскі касмізм.

У выступе «Паэзія Аркадзя Куляшова: абрысы стылю» *У.В. Гніламёдаў* акрэсліў асаблівасці розных перыядаў творчасці паэта, уплыў на яго станавленне А. Твардоўскага і У. Маякоўскага, адзначыў натуральную цікавасць А. Куляшова да развіцця навукі і новых адкрыццяў.

Як чалавек, знітаваны з пісьменнікам родавымі каранямі, пляменнік А. Куляшова *В.І. Маслоўскі* ў сваім дакладзе «*Я хаце абавязаны...*» распавёў пра гісторыю хаты ў Хоціме. Гэта месца, дзе жылі бацькі майстра слова, для дакладчыка таксама духоўна знакавае. Выступовец прадставіў А. Куляшова адданым клапацілівым сынам, які не забываецца і дбае пра радавое гняздо. Было зазначана, што так, як паэт адчуваў адказнасць за родную хату, так ён і баяўся адарвацца ад беларускамоўнай стыхіі, якая жыла яго сваім багаццем.

Выступ *М.І. Мушынскага* «*Летапіс жыцця і творчасці Аркадзя Куляшова як паказчык узроўню вывучэння яго літаратурнай спадчыны і біяграфіі*» быў прысвечаны ўжо згаданаму вышэй выданню Т. Голуб, а менавіта аналізу эфектыўнасці тэксталагічных і літаратурных назіранняў, калі яны праводзяцца ў даследніцкім, гісторыка-літаратурным і навукова-папулярным аспектах. Прычым асобна была адзначана важнасць папулярызацыі літаратурных звестак у сучасным грамадстве.

Аркадзя Куляшова як рэпарцёра, публіцыста, чалавека, які меў непасрэднае дачыненне да выдання франтавых газет прадставіў *М.П. Кенька*. Гэтая частка спадчыны аўтара, на думку выступаўца, мала вывучалася і заслугоўвае ўвагі.

Канферэнцыя працавала па **васьмі секцыях**.

➤ У першай секцыі «*Паэзія Аркадзя Куляшова ў кантэксце сусветнай літаратуры*» даследчыкі праводзілі паралелі супастаўлення з еўрапейскімі аўтарамі Р. Кіплінгам, У. Шэкспірам, А. Міцкевічам, беларускімі В. Зуёнкам, Ф. Баторыным, разглядалася спецыфіка аўтарскага паэтычнага свету – узаемадзеянне лірыкі і эпікі, формы ўмоўнасці, матыў вернасці сяброўству, катэгорыя часу, вобразы прыроды, у прыватнасці дэндралагічныя.

➤ Другая секцыя «*Творчая спадчына Аркадзя Куляшова: шляхі і перспектывы даследавання*» разглядала выключна майстэрскія здабыткі класіка: філасофію, прасторава-часавы кантынуум яго твораў, пераклады і аўтапераклады аўтара і інш.

➤ Доклады трэцяй секцыі «*Аркадзь Куляшоў і тэатральна-драматургічныя інтэнцыі сучаснай Беларусі*» вылучаліся разнастайнасцю. Акрамя драматычных п'ес А. Куляшова, іх параўнанні з тво-

рамі М. Арочкі, увасаблення ў радыётэатры, навукоўцы разгледзелі сучасныя жанры драматургіі (мона-драма, слэм) звярнуліся да аналізу рускай драматургіі, мясцовай (віцебскай) драматургіі, літаратурнай крытыкі тэатра М. Гарэцкім.

Тэма вайны, гістарычна блізкая беларускаму народу, абмяркоўвалася на секцыі **«Вайна ў творчасці пісьменнікаў розных пакаленняў: спецыфіка мастацкага адлюстравання»**. Акрамя спадчыны юбіляра, абмяркоўвалася ўвасабленне гэтай тэмы ў творах Я. Коласа, А. Адамовіча, І. Шамякіна, Р. Барадуліна, М. Гарэцкага, А. Анішэўскай, беларускіх паэтэс другой паловы XX стагоддзя.

Тры секцыі прадставілі даклады па сучаснай літаратуры.

➤ У секцыі **«Літаратурная класіка ў сучасным прачытанні: на абсягах малой і вялікай прозы»** гучалі даклады па вывучэнні матываў беларускай прозы XX стагоддзя (В. Ластоўскага, А. Мрыя, Я. Коласа, К. Чорнага), польскай (Е. Анджаўскага), украінскай (І. Філіпчак).

➤ Выступоўцы секцыі **«Сучасная паэзія: дыялог традыцый і наватарства»** разважалі над традыцыйным і новым у сучаснай беларускай, украінскай, рускай паэзіі, у поле зроку трапіла творчасць такіх аўтараў, як А. Куляшоў, М. Танк, М. Віняцкі, А. Тулупава, З. Марозаў, Л. Тарасюк.

➤ Літаратура на прадмет новага і ў змесце, і ў форме разглядалася ў секцыі **«Празаічныя жанры ў сучаснай літаратуры: новае мысленне і новая свядомасць»**. Некалькі прац прадставілі тэксталагічнае даследаванне твораў І. Шамякіна, што непасрэдна звязана з працай Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі над укладаннем поўнага збору твораў пісьменніка. Была звернута ўвага на жанр сучаснай беларускай навелы, жанравую форму споведзі, прозу нон-фікшн, разгледжаны адметнасці светапогляду ў творах В. Быкава, В. Казько, А. Федарэнкі, У. Бутрамеева, У. Маканіна, Г. Марчука.

➤ У секцыі **«Сучасныя філалагічныя даследаванні: напрамкі і перспектывы»** былі сабраны пераважна лінгвістычныя даклады, у якіх разглядалася мова твораў не толькі А. Куляшова, але і іншых пісьменнікаў.

Зборнік дакладаў па выніках канферэнцыі, як запэўніла загадчык аддзела беларускай літаратуры XX і XXI стагоддзяў Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі **А.А. Манкевіч**, плануецца выдаць у сакавіку гэтага года.

Напрыканцы неабходна адзначыць, што канферэнцыя ўразіла сваёй грунтоўнасцю і змястоўнасцю.

*С.М. Лясковіч, кандыдат філалагічных навук, дацэнт
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

ПОЛОЦК ПИШЕТ ДЛЯ ФРИДРИХСХАФЕНА

(Полоцк, январь – декабрь 2013 года)

Проект «Полоцк пишет для Фридрихсхафена» – это филологический и журналистский конкурс, организованный совместными усилиями кафедры мировой литературы и культурологии Полоцкого государственного университета, межрегиональной газеты федеральной земли Баден-Вюртемберг «Зюдкурьер», Германской службы академических обменов (ДААД), немецкого общественного объединения «Круг друзей Полоцка» и райисполкома города Полоцк. Конкурс проходил с января по декабрь 2013 года. Проведение этого уникального международного проекта, не имеющего аналогов в академической среде Беларуси, было одобрено *генеральным консулом Республики Беларусь в Германии А.Д. Ганевичем*, который выразил уверенность, что журналистский конкурс поможет белорусским студентам проникнуть в различные аспекты жизни молодежи и усовершенствовать знания немецкого языка.

Главными координаторами проекта с немецкой и белорусской стороны выступили свободная журналистка, *полномочный представитель газеты «Зюдкурьер» Б. Гайзельхарт* и кандидат филологических наук, *доцент кафедры мировой литературы и культурологии УО «ПГУ» Т.М. Гордеёнок*. Значительный вклад в успешное осуществление конкурса внесли также *старшие преподаватели кафедры мировой литературы и культурологии Л.И. Семченок, И.В. Логвинова, лектор ДААД Л. Ендайчик* и *сопредседатель общественного объединения «Круг друзей Полоцка» Р. Биндер*.

Целью и задачами проекта являлись интенсификация сотрудничества городов-побратимов, улучшение взаимопонимания между белорусским и немецким народами, повышение положительной учебной мотивации у студентов-германистов Полоцкого государственного университета.

Началом конкурса послужил январь 2013 года, хотя подготовка конкурса стала осуществляться белорусской и немецкой сторонами еще в сентябре 2012 года. Согласно первоначальному плану двенадцать студентов-германистов УО «ПГУ» на протяжении всего года должны были, ежемесячно сменяя друг друга, публиковать статьи и представлять в них актуальные для современных белорусов проблемы. Проект вызвал живой интерес у полоцких студентов. Особым стимулом для них стала возможность получить за проделанную работу денежный гонорар, а также особый приз. В декабре 2013 года жюри редакции газеты «Зюдкурьер» во главе с *региональным руководителем Гербертом Гуттом* определит лучшую статью и наградит ее автора особым призом: победитель конкурса будет приглашен в Фридрихсхафен для прохождения четырехнедельной журналистской практики.

Соревновательный дух захватил полоцких студентов, изучающих немецкий язык, поэтому в ходе реализации проекта первоначальные его рамки несколько изменились. Было принято решение опубликовать в 2013 году 14 статей вместо 12-ти. Конкурсные работы студентов имели широкий тематический диапазон, в них затрагивались культурные и социальные вопросы, политика в сфере здравоохранения, проблемы пожилых людей, эмансипация, национальная кухня и религия, а также развлечения, которые являются неотъемлемой частью студенческой жизни. Помимо этого студентки группы 10-РГФ-2 подготовили в рамках проекта «Класс!» газетный разворот на тему «История, настоящее и перспективы развития отношений между Полоцком и Фридрихсхафеном».

В стенах Полоцкого университета 6 декабря 2013 года прошел заключительный этап проекта «Полоцк пишет для Фридрихсхафена», в рамках которого определялись победители конкурса. Церемонию награждения открыл доктор исторических наук, *проректор по учебной работе УО «ПГУ» Д.В. Дук*. С приветственным словом к участникам конкурса и гостям обратились также *бургомистр г. Фридрихсхафена П. Хаусвальд* и *руководитель информационного бюро ДААД в Минске К. Мюллер*. Из рук *сопредседателя объединения «Круг друзей Полоцка» Р. Биндер* авторы статей получили памятные грамоты и дорожные сертификаты, так как все 19 участников конкурса были награждены поощрительным призом – недельной поездкой в Германию за счет принимающей стороны.

В мероприятии принял участие эксперт по проведению занятий *Института им. Гёте в Минске Р. Лассончик*, который выделил среди конкурсных работ статью *М. Щербицкой «Равнодушие – неправильная тактика»*, где рассказывается о бездомных животных в Полоцке, нуждающихся в человеческой помощи. Кульминационным моментом церемонии стали выступления *дипломированного специалиста в области математики и журналиста В. Гайзельхарта* и *руководителя проекта от газеты «Зюдкурьер»*,

свободной журналистки **Б. Гайзельхарт**, которые подвели итоги многомесячной работы и объявили имена студентов-победителей.

Главный приз – четырехнедельную стажировку в редакции газеты «Зюдкурьер» – получила выпускница УО «ПГУ» **И. Гутор** со статьей «Короткая мини-юбка или потертые джинсы», которая в своей конкурсной работе продемонстрировала оригинальное мышление и зрелый стиль письма. Призом второй категории – стипендией ДААД с возможностью прохождения трехнедельной языковой практики в немецком вузе – была награждена студентка 3 курса **Ю. Новицкая**, которая в ходе проведения проекта проявила самостоятельность, активность и высокую степень владения немецким языком.

В качестве дополнительных призов студентов ожидали и другие поощрения. Возможность прохождения однонедельной ознакомительной практики в туристическом центре г. Фридрихсхафен получила студентка 2 курса **М. Тарасова**, которая в статье «Дать старт карьере, а не чемпионату у плиты» затронула, на взгляд жюри, актуальную общественную тему. Победителем особого приза – однонедельной ознакомительной практики в реальном училище Святой Элизабет – стала выпускница УО «ПГУ» **М. Барановская**. В статье «Учеба в университете как обязательная программа» ей удалось проявить самокритичный взгляд, а также продемонстрировать оптимальное соотношение текста и фотоматериала. Помимо этого на однонедельную ознакомительную практику в гимназию им. графа Цеппелина приглашается выпускник УО «ПГУ» **А. Критов**, конкурсная работа которого отличается, по мнению жюри, выверенными формулировками, деловым и одновременно ироничным взглядом на жилищные проблемы молодых белорусских пар.

Проект, успех которого превзошел все первоначальные ожидания, получил высокую оценку руководства Полоцкого государственного университета, городов Полоцка и Фридрихсхафена, Германской службы академических обменов, а также вызвал широкий резонанс у жителей Фридрихсхафена.

Конкурс «Полоцк пишет для Фридрихсхафена» прошел успешно и плодотворно. Он внес существенный вклад в укрепление партнерских отношений, в улучшение взаимопонимания между белорусским и немецким народами. Данный проект стал проектом равноценных усилий, проектом, который принес пользу обеим сторонам. Было отмечено, что партнерские отношения между городами-побратимами питают свой потенциал прежде всего в молодом поколении. Все участники проекта выразили уверенность в необходимости дальнейшего углубления сотрудничества.

Т.М. Гордейнок, кандидат филологических наук, доцент
(Полоцкий государственный университет)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Кондаков Д.А.</i> Иезуиты против энциклопедистов: парижские и полоцкие страницы литературной полемики	2
<i>Папакуль Е.А.</i> Скандинавские мифологически-фантастические баллады: историко-культурный аспект	10
<i>Смутькевич А.А.</i> «Исповедь влюбленного» Джона Гауэра: единство в разнообразии	15
<i>Семченок Л.И.</i> Жанровая природа рассказа И.В. Гёте «Пятидесятилетний мужчина»: от моралистического рассказа к новелле	20
<i>Благодёрова Е.И.</i> Черты нативистского повествования в произведениях Н. Готорна 1830–1840-х годов	24
<i>Гембицкая В.А.</i> Личность и общество в романе Нормана Мейлера «Нагие и мёртвые» и повести Василя Быкова «Журавлиный крик»	29
<i>Рымарчук Н.А.</i> «Попытаться предостеречь...»: чернобыльская проблематика в романе Г. Паузева «Облако»	37
<i>Ленькова О.О.</i> Эпистолярная проза Э.-Э. Шмитта: типология жанровых модификаций	43
<i>Палукошка В.І.</i> Беларуская рускамоўная літаратура: сутнасць паняцця і праблемы азначэння	49

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Путрова М.Д.</i> Сопоставительный анализ речевых действий обещания	53
<i>Гапанович Е.А.</i> Семантическая интерпретация категории обобщенности (на материале французского языка)	60
<i>Лебедева И.Г.</i> Языковые средства выражения понятия «ужас» в произведениях Н.В. Гоголя и Ги де Мопассана	66
<i>Лисова И.А.</i> Особенности восприятия неофициальных форм личных имен жителями Белорусского Поозерья	73
<i>Рагаўцоў В.І.</i> Спецыялізаваныя вербальныя сродкі камічнага ў драме «Канец дружбы» Кандрата Крапівы	79
<i>Кожарина Т.В.</i> К портрету французской культуры: исследование степени известности и частотности топонимов во вторичном значении	83
<i>Левицкая А.Н., Логвинова И.В.</i> Особенности ритмической организации звучащего художественного текста на немецком языке	89
<i>Бачкова С.У.</i> Функцыянальная класіфікацыя інтэртэкстэм	95

РЕЦЕНЗИИ

<i>Сінькова, Л.Д.</i> Паміж тэкстам і дыскурсам: беларуская літаратура XX–XXI стст.: гісторыя, кампаратывістыка і крытыка (літ.-крыт. артыкулы, гутаркі) / <i>Л.Д. Сінькова.</i> – Мінск: Паркус плюс, 2013. – 296 с. (<i>Лысова Н.Б.</i>)	98
--	----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Гендер и проблемы коммуникативного поведения: пятая международная научная конференция, Полоцк, 31 октября – 1 ноября 2013 года (<i>Путрова М.Д.</i>)	101
Творчасць Аркадзя Куляшова ў дыялогу славянскіх літаратур: традыцыі, наватарства, нацыянальная адметнасць: рэспубліканская навукова-практычная канферэнцыя, Мінск, 29 студзеня 2014 года (<i>Лясковіч С.М.</i>)	106

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Полоцк пишет для Фридрихсхафена: проект, Полоцк, январь – декабрь 2013 года (<i>Гордейко Т.М.</i>)	108
---	-----